

ИИ «Институт экономики и законодательства»

Л.В. Савин, С.Н. Федорченко, О.К. Шварц

**Сетецентрические методы
в государственном
управлении**

Москва
2015

УДК 351/354.07:004.7

ББК 67.401

С13

С13 Сетецентрические методы в государственном управлении./Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц О.К.—М., ООО «Сам полиграфист», 2015—146 с.

ISBN 978-5-00077-223-2

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заместитель генерального директора Центра научной политической мысли и идеологии ***В.Э. Багдасарян***

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и истории факультета философии и социологии Башкирского государственного университета ***В.В. Гайдук***

доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Института стран СНГ (Института диаспоры и интеграции) ***В.Г. Егоров***

доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» ***А.В. Матюхин***

В монографии рассматривается комплексная теория сетей, философия сетевого общества, модели применения сетецентрических подходов в государственном управлении. Особое внимание уделяется этике сетецентричной электронной демократии в рамках диалога общества и власти.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

УДК 351/354.07:004.7

ББК 67.401

ISBN 978-5-00077-223-2

© НП «Институт экономики и законодательства, 2015

Содержание

Введение	4
Часть 1. Комплексная теория сетей и сетевого управления.....	5
Глава 1. Сети и государство.....	5
Глава 2. Глобальный характер сетей	47
Глава 3. Концепция применения сетцентрических подходов к формированию современных механизмов функционирования гражданского общества и иных демократических институтов	60
Часть 2. Горизонты этики сетцентричной электронной демократии для отечественной государственной службы	70
Глава 4. Управленческая культура и этика отечественных госслужащих de facto ...	70
Глава 5. Потенциалы формирования этики сетцентричной электронной демократии в современной России	104
Литература.....	132

Введение

В последнее время в отечественной политической науке появился повышенный интерес к технологии сетевого управления и политическим сетям. Если данная модель получила практическое применение в странах ЕС в качестве инструмента интеграции, а также давно использовалась в других государствах в сфере бизнеса, производства, образования, политики, обороны и правительственных служб, то для России такой подход является относительно новым, в связи с чем возникают вопросы его адекватного применения и возможные риски от институционализации сетевых методов в государственном управлении. Однако стремительное распространение новых методов коммуникации, использование Интернет технологий различными социальными группами, в том числе в политических целях, так или иначе, вынуждают государственные органы адаптировать методы сетецентричного управления для своей работы. Правильное применение данной модели позволит улучшить взаимодействие и диалог между обществом и органами власти, своевременно реагировать на возможные риски и вызовы, а также быстрее и качественнее обрабатывать различную информацию, которая может представлять критический интерес для власти на местах и государства в целом.

В последние годы попытки установить постоянный диалог между гражданами и различными органами власти с применением технологии web.2.0 были реализованы в различных регионах Российской Федерации в рамках всевозможных проектов. Несмотря на то, что многие из них показали свою эффективность, общего подхода к применению сетевых методов управления нет. Это связано с рядом объективных причин.

Во-первых, все сетевые теории имеют иностранное происхождение и не достаточно глубоко изучены среди отечественных политологов и специалистов по государственному управлению. Относительно небольшое количество российских авторов и научных работ, изданных на эту тему не могут конкурировать со старыми парадигмами в области государственного управления и политики.

Во-вторых, появление комплексного подхода на основе сетевых теорий автоматически не означает его внедрение в государственную систему и, что немаловажно, его понимание государственными служащими и чиновниками. Теория должна быть вначале адаптирована в виде доктрины, написанной простым языком, а затем на уровне директив и правил внедрена в соответствующие органы власти. Это требует не только издания распоряжений и законопроектов, но и обучения (переподготовки) большого количество действующих специалистов.

В-третьих, не только Интернет является основой сетевых методов управления, хотя технологический элемент представляет собой важный инструмент для управленческой логики. Сети являются, прежде всего, социально-когнитивным феноменом, поэтому понимание сетевой парадигмы должно стать своего рода «знанием по умолчанию», неким кодом поведения, который активно фиксирует, обрабатывает и передает информацию, связанную с процессами во внешней социальной среде.

Данная работа представляет собой один из шагов, направленных на улучшение понимания сетевого подхода в области государственного управления. Первая часть книги посвящена различным теориям сетей, а также смежным дисциплинам, включая философские аспекты и реакцию на изменения, происходящие в мировой политике. Вторая часть сфокусирована на этических вопросах, с которыми придется неизбежно столкнуться при имплементации сетевой модели в отечественную систему государственных структур.

Часть 1. Комплексная теория сетей и сетевого управления

Глава 1. Сети и государство

Эффективность государственного управления напрямую влияет на благосостояние общества, устойчивость институтов власти и осуществление их адекватной преемственности в исторической перспективе. В современной архитектуре международных отношений любое государство и его структурные элементы подвержены внешнему влиянию через экономические, политические, культурные и информационные связи. При этом трансформации подвергается сама модель управления, даже если она имеет относительно закрытый характер. Чтобы сбалансировать разницу между внутренними нуждами и внешними вызовами и достичь наиболее благоприятного результата, государство должно вовремя адаптироваться к изменяющимся условиям и, в первую очередь, модифицировать механизмы принятия решений и их реализации.

Как правило, выделяют четыре типа государств¹, которые в зависимости от наличия ресурсов, аппарата принуждения, административных особенностей и политической (идеологической) культуры проводят определенную стратегию в ответ на какие-либо изменения.

1. Жесткий тип.
2. Устойчивый тип.
3. Неустойчивый тип.
4. Гибкий тип.

При жестком типе государственная вертикаль доминирует над всеми остальными негосударственными субъектами. Это этатизм, где любые реформы обречены на провал или медленную реализацию, отчасти из-за плохой системы коммуникаций. При устойчивом типе государство представляет комбинацию регламента и порядка вместе с высоким уровнем гибкости. Для многих это является идеалом государственного устройства. Неустойчивый тип характеризуется отсутствием, как политических институтов, так и готовностью к реформам. Основной проблемой для таких систем является отсутствие необходимых знаний и опыта. При гибком типе государства имеют все необходимые условия для изменений и внедрения новшеств, включая ресурсы, но сталкиваются с трудностями при фиксации результатов таких реформ в нечто стабильное. Кроме того, существует риск размывания функций государственной власти, так как многочисленные акторы начинают выстраивать горизонтальные сети и решать свои вопросы самостоятельно.

Непосредственно с применением сетевых технологий связаны второй и четвертый типы.

В каком-то смысле сети были всегда. Так, например, Норбер Элиас утверждал, что в феодальном обществе уже существовали сети, которые были основаны на принципе сословий.² Тем не менее, потенциал для реализации сетевого взаимодействия и различных политических инструментов полностью проявил себя в 90-х гг. прошлого века, что было связано с глобальным распространением новых технологий коммуникации. До этого момента сети являлись лишь темой специального интереса, например, социальных коммуникаций, исследований по диаспорам или криминальных сообществ.

Считается, что исследования о политике сетей впервые появились в 1950 г., в связи с взаимодействием определенных заинтересованных групп с правительством. Первоначально эта политика была связана с относительно небольшими и стабильными группами корпоративных акторов, погруженных в регулярное взаимодействие вокруг

¹ Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. - М.: ИД КДУ, 2013. С. 18.

² Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Basel, 1939.

набора правил и законов в каком-либо специфическом секторе. Такие прочные и институционализированные связи между этими акторами привели к появлению в отношении них термина «субправительство» или «железный треугольник».³ Фриц Шапф, развивая эту тему, описывает политику сетей как действия в «тени иерархии». Такие сети вовлекаются в процесс переговоров и принятия решений, но исключительно в рамках законодательства.⁴ Если нормативные акты не позволяют осуществлять такие действия, то вероятно развитие теневой инфраструктуры, имеющей криминальный и коррупционный характер, что в свою очередь переводит государство в разряд хрупких (fragile state) или неудавшихся (failed state).

Позднее, в 90-х гг. социологи заново открыли методики преступных организаций, указав на серьезный риск, если против государства со стороны противоправных группировок будут использоваться сетевые методы воздействия и влияния. Примерно в это же время появились исследования по транснациональным правозащитным сетям. Такие сети определялись как трансграничная сеть активистов, у которых в мотивацию их действий был заложен принцип идей или ценностей. На более широком уровне их определяли как «глобальное гражданское общество», которое рассматривает международную политику исходя не только из необходимости безопасности и личного интереса суверенных государств, но также признанных международных норм и концепций общественных благ, продвигаемых «несуверенными» акторами.

Появилось множество синонимов и взаимосвязанных терминов, связанных с понятием политических сетей и сетевого управления. В частности, Джоунс, Хистерли и Боргатти⁵ предлагают следующие категории (автор, год, название, определение):

1) Альтер, Хэйдж, 1993. Межорганизационные сети - неограниченные или ограниченные кластеры организаций, которые, по определению, представляют неиерархические коллективы юридически обособленных объединений;

2) Дубини, Элдрич, 1991. Сети - шаблонные отношения между отдельными лицами, группами и организациями;

3) Герлач и Линкольн, 1992. Альянсный капитализм - стратегические долгосрочные отношения внутри широкого спектра рынков;

4) Грановеттер, 1994, 1995. Бизнес группы - собрание фирм, связанных между собой определенными формальными и/или неформальными способами... с помощью промежуточного уровня связывания;

5) Крайнер, Шульц, 1993. Сети - неформальные межорганизационные сотрудничества;

6) Ларсон, 1992. Сетевые организационные формы - долгосрочные возвратные обмены, которые создают взаимозависимости, основанные на переплетении обязательств, ожиданий, репутации и взаимных интересов;

7) Либескинд, Оливер, Цукер, Бревер, 1996. Социальные сети - коллективность лиц, среди которых происходят обмены, поддерживаемые только общими нормами заслуживающего доверия поведения.

8) Майлз, Сноу, 1986, 1992. Сетевые организации - кластеры фирм или специализированных единиц, координируемых рыночными механизмами;

9) Пауэлл, 1990. Сетевые формы организаций - боковые или горизонтальные модели обмена; независимые потоки ресурсов; взаимные линии коммуникации.

³ Bernstein H. Marvin, *Regulating Business By Independent Commission*, Princeton University Press, Princeton, 1955.

⁴ Scharpf, Fritz W. "Economic Integration, Democracy and the Welfare State." *Journal of European Public Policy*, 1997, б 4:18-36.

⁵ Jones C., Hesterly W., Borgatti S. A General Theory of Network Governance: Exchange Conditions and Social Mechanisms // *Academy of Management Review*, 1997, Vol. 22, No. 4, 911-945.

Организационные сетевые теории

Существует несколько теорий, описывающих сетевые структуры и характер их деятельности. Необходимо вкратце рассмотреть основные из них для более глубокого понимания их функционирования.

Милтон Мюллер пишет, что «концепция сети, связанная с социальными науками, может относиться к формальным математическим инструментам для репрезентации и анализа социальных отношений. Это – сетевой анализ. Есть и более проблематичная сторона – это сама теория социальной организации. Это – организационная форма. Сетевой анализ и организационная форма могут взаимодействовать друг с другом».⁶

Также существует анализ социальной сети - это техника изучения ассоциаций от человека к человеку и их влияние как на индивидуальное, так и на групповое поведение. Модель социальной сети является схемой всех соответствующих связей между узлами, которые изучаются и часто представляются в виде структуры графа узла и связи. Узлы часто представляют отдельных лиц, но также могут быть организациями или другими формированиями. Связи - это отношения, и они могут быть основаны на данных, таких как телефонные записи, посещаемость или встреча, или выводы на основе других видов информации.

Теория графов

Рассмотрим сеть как аналитическую технику. В данном случае исследование сетевых отношений формализовано в набор математических техник, объединенных теорией графов. Этот режим анализа сводит сети к двум простым элементам: связям (links) и узлам (nodes). Сети определяются как набор взаимосвязей между узлами. В действительности из-за своей простоты и абстрактности этот аналитический инструмент является очень удобным и гибким.

Также существует понятие аффилиационных сетей, т.е. сетей, которые имеют какую-либо принадлежность. При анализе социальных сетей, термин «принадлежность», как правило, относится к данным в отношении членства или участия, например, если у нас есть данные об участии акторов в каком-либо событии. Часто предполагается, что совместное членство в группах или событиях является индикатором основных социальных связей. Например, Дэвис Гарднер и Гарднер в 1941 г.⁷ использовали данные, предоставленные на страницах местной газеты, чтобы раскрыть различные социальные круги среди женского сообщества. Кроме того, Домхофф и другие использовали совместное членство в советах директоров для анализа социальных элит.⁸

Кроме того, соучастие рассматривается как обеспечение возможностей для установления социальных связей, которые, в свою очередь, обеспечивают возможности обмена идей между участниками. Например, Дэвис⁹ изучал диффузию корпоративных практик, таких как ядовитые пилюли¹⁰ и золотые парашюты.¹¹ Он находит доказательства

⁶ Mueller L. *Milton Networks and States: The Global Politics of Internet Governance*, 2013. P. 32

⁷ Davis A., Gardner, B., and Gardner, R. 1941. *Deep South*. Chicago: University of Chicago Press.

⁸ Allen M. *The Structure of interorganizational elite cooptation: interlocking corporate directorates*. *American Sociological Review*, 1974. Vol. 39(3): 393-406; Carroll W.K., Fox J. and Ornstein M.D. *The network of directorate interlocks among the largest Canadian firms'*, *Canadian Review of Sociology and Anthropology*. 1982. 245–268.

⁹ Davis G. *Agents without principles? The spread of the poison pill through the intercorporate network*. *Administrative Science Quarterly*, 1991. Vol. 36(4): 583 - 613.

¹⁰ Ядовитая пилюля - действия руководства акционерного общества, направленные на предотвращение враждебного поглощения общества и заключающиеся в том, чтобы сделать это общество менее привлекательным для лица, осуществляющего аквизицию. Эти действия включают: увеличение уставного капитала, выпуск привилегированных акций, продажу акций компании действительным акционерам с большим дисконтом по сравнению с их реальной рыночной стоимостью и т.д.

того, что ядовитые пилюли размываются через цепи взаимосвязанных управлений, где члены совета, которые находятся одновременно в нескольких советах, служат в качестве каналов стратегической информации между различными фирмами. Важным преимуществом данной принадлежности, особенно в случае изучения элит, является то, что принадлежность, часто наблюдается с расстояния (например, записи о государственных актах, отчеты в газете), и не нужно иметь специальный доступ к акторам.

Принадлежность может быть представлена в виде математических графов,¹² в которых узлы соответствуют субъектам (например, женщинам и событиям), а линии соответствуют связям принадлежности между лицами. Узлы графа можно разбить на два класса так, что все связи возникают только между классами и никогда внутри классов. Мы видим на рисунке, что существуют только линии между женщинами и событиями, в которых они принимали участие.

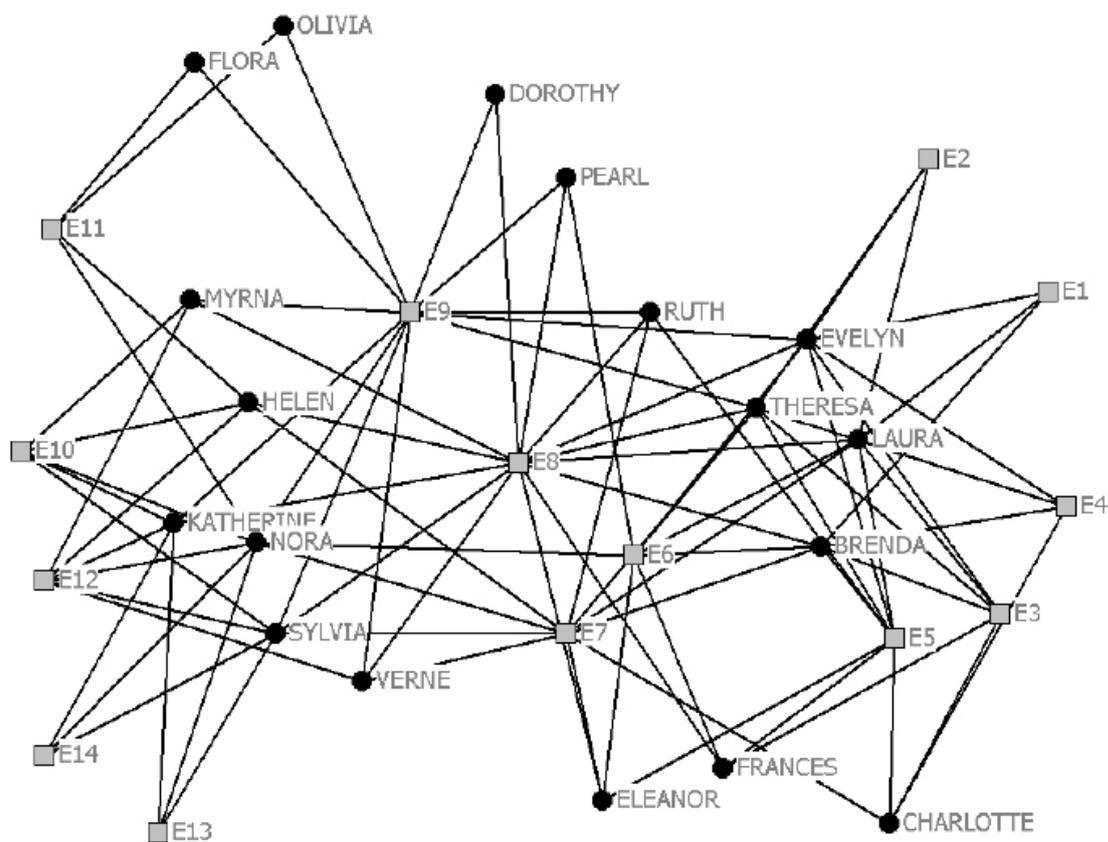

Рис. 1. Граф Дэвис Гарднер и Гарднер о взаимосвязи женщин с событиями

Графы принадлежности или сети часто называют «графами двух режимов» (2-mode graphs). Терминология «режимов» относится к количеству различных видов субъектов, упомянутых в строках и столбцах матрицы. Матрица первого режима горизонтальная, ее строки и столбцы относятся к одному и тому же набору лиц - одиночному режиму.

¹¹ Золотой парашют - пункт, статья в контракте о найме на работу высокопоставленного управляющего компании, предусматривающая финансовые и другие привилегии для него на случай, если он будет уволен или сам подаст в отставку в результате поглощения этой компании другой или смены собственника; такой пункт может оказаться сдерживающим для потенциального покупателя компании, привести к отказу от идеи поглощения.

¹² Harary F. Graph Theory. Reading, MA: Addison-Wesley. 1969.

Пример, взятый из известных Хоторнских исследований¹³ Ротлисбергера и Диксон¹⁴ показан на рисунке ниже.

	I1	I3	W1	W2	W3	W4	W5	W6	W7	W8	W9	S1	S2	S4
I1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
I3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
W1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0
W2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
W3	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0
W4	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0
W5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
W6	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
W7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0
W8	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1
W9	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1
S1	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0
S2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
S4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0

Рис. 2 Матрица одного режима позитивных отношений. Ярлыки узла указывают, является ли лицо инспектором (I), рабочим (W) или руководителем (S).

В отличие от него матрица двух режимов имеет вертикальную форму, где строки и столбцы относятся к двум разным наборам лиц - двум режимам. Например, на следующем рисунке представлена матрица инцидентов двух режимов, которая также основана на Хоторнских данных. Матрица инцидентов имеет строки, соответствующие узлам и столбцы, называемые гиперребрами, которые соединяют наборы узлов. В этом случае, матрица показывает, членство каждого человека в каждой из пяти различных групп. Матрица четко представляет принадлежность, и все графы принадлежности могут быть представлены в виде матриц двух режим, в котором два режима соответствуют два набора узлов принадлежность графа.

¹³ Общее название ряда социально-психологических экспериментов, проводившихся группой учёных под руководством Элтона Мэйо на фабрике «Вестерн Электрикс» в США. Их задачей было выявление зависимости между физическими условиями работы и производительностью труда.

¹⁴ Roethlisberger F. and Dickson W. Management and the worker. Cambridge: Cambridge University Press. 1939.

	Gr1	Gr 2	Gr 3	Gr4	Gr 5
I1	1	0	0	0	0
I3	0	0	0	0	0
W1	1	1	1	0	0
W2	1	1	0	0	0
W3	1	1	1	0	0
W4	1	1	1	0	0
W5	0	0	1	0	0
W6	0	0	0	1	0
W7	0	0	0	1	1
W8	0	0	0	1	1
W9	0	0	0	1	1
S1	0	1	1	0	0
S2	0	0	0	0	0
S4	0	0	0	0	1

Рис. 3 Матрица двух режимов, показывающая связь человека с группой

Далее следует метод анализа соаффилиации (совместной принадлежности), так как иногда определения единичной принадлежности бывает не достаточно. Построив матрицу совместной принадлежности, как правило, хотят проанализировать данные, используя все инструменты анализа социальных сетей - как и в любом другом виде связей.

Хотя данные методы с применением математического анализа не идеальны, так как математические свойства нельзя адекватно перевести на социальных акторов

Теория равного производства

Более современные аргументы о сетях как формах организации, связанных с Интернетом, относятся к так называемому «равному производству». Этот подход разрабатывали такие ученые как Пол Адлер и Йошаи Бенклер, а развивали футуристы Эрик Рэймонд, Говард Райнгольд и Клэй Ширки. Их отправная точка – это вездесущая мощная сетевая информационная технология. Доступность такой инфраструктуры значительно снижает стоимость и увеличивает круг установленных взаимоотношений на основе взаимных выгод ассоциации.

Согласно Бенклеру, осетевленная информационная экономика «дает практические возможности индивидуумам ... делать больше в свободной общности с другими, не имея нужды выстраивать их отношения через систему цен или традиционных иерархических моделей социальной или экономической организации». ¹⁵. Беря в качестве примера

¹⁵ Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. Yale University Press, 2006.

бесплатное программное обеспечение, он называет сетевые отношения ни чем иным, как новой «сферой производства».

Теория сетевых акторов

Также небезынтересной представляется Теория сетевых акторов (Actor Network Theory), разработанная в начале 80-х гг. Бруно Латуром, Мишелем Кэллоном и Джоном Лоу.¹⁶

Основная характеристика Теории сетевых акторов (ТСА) – это беспристрастный анализ человеческих и нечеловеческих акторов. Они рассматриваются как эквивалентные акторы в сетях, которые хотят достичь общей цели.

Существует взаимодействие между технологией и обществом, которое означает, что технология оказывает влияние на общество и наоборот. Это приводит к двум предельным позициям: технологическому детерминизму и социальному конструктивизму.

Технологический детерминизм указывает, что развитие технологии следует своей логике и что технология определяет ее использование. Социальный конструктивизм говорит, что общество и его акторы развивают ту технологию, которую "хотят" и используют ее как хотят, т.е. что технология сама по себе не играет роли.

В ТСА технология и общество не разделимы и рассматриваются как части комбинированной социально-технической системы.

Одной из характеристик ТСА является представление о комбинированной социо-технической системе. Таким образом, технология и общество рассматриваются как комбинированная система.

ТСА отличается от других теорий сетей тем, что в ней акторами сетей являются в основном не люди, а объекты и организации. Они коллективно соотносятся с акторами или иногда с актантами.

Основным принципом акторно-сетевой теории является концепция гетерогенной сети. Это сеть, которая состоит из многих разнородных элементов. Эти одинаковые по отношению к друг другу сети содержат в себе как социальные, так и технические элементы.

ТСА утверждает, что любой актор, будь то персона, объект (включая компьютерные программы, оборудование, технические стандарты) или организация, одинаково важны для социальной сети. Таким образом, социальный порядок - это следствие, вызванное равной работой актора сети. Этот порядок может быть нарушен если определенные акторы будут исключены их работы сети. Например, прекращение работы телефонной сети, банковской системы или президента страны могут привести к серьезному нарушению социального порядка.

Необходимо отметить, что ТСА отражает идеи школы французских постструктуралистов, в частности вопросы семиотики. Бруно Латур также использовал идеи, похожие на концепцию ризомы Жюльена Делеза и Феликса Гваттари. Однако ТСА имела более практический характер, особенно готовность беспристрастно анализировать масштабные технологические разработки, включая политические, организационные, правовые, технические и научные факторы.

¹⁶ Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Milton Keynes: Open University Press, 1987; Law J., Hassard J.(eds). Actor Network Theory and After. Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review, 1999. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford UP, 2005.

Сила слабых связей и структурные пустоты

Чтобы проиллюстрировать природу и отличительные особенности теории сетей необходимо рассмотреть еще две известных сетевых теории, и проанализировать их основные характеристики.¹⁷ Начнем с теории силы слабых связей (ССС) Грановеттера¹⁸, а после перейдем к теории структурных дыр Берта.¹⁹

Теория СССР организована в виде набора явных определений и выводов. Первым посылом теории является то, что более крепкие связи между двумя людьми, скорее всего существуют потому, что их социальные миры будут перекрываться, т.е. что они будут иметь отношения с такой же третьей стороной. В результате, если А и В имеют сильную связь, а В и С тоже имеют сильную связь, есть вероятность того, что А и С будут иметь повышенную возможность возникновения слабой связи (например, А и С - знакомые). Это своего рода транзитивность, которую некоторые авторы называют γ -транзитивностью.²⁰

Причина этого транзитивности состоит в том, что основные причины формирования связи - это вид транзитивности, встроенной в них. Например, люди, как правило, гомофилы, т.е. имеют крепкие связи с людьми, которые похожи на них самих.²¹

Гомофилы слабо транзитивны, потому что, если А похож на В, а В подобен С, то А и С являются, скорее всего аналогичными. Из-за того, что сходство вызывает связи, это будет вызывать слабую транзитивность в структуре связи.

Второй предпосылкой СССР является то, что связующие мосты являются потенциальным источником новых идей. Это такие связи, которые соединяют человека с другим человеком, который не подключен к другим друзьям. Идея заключается в том, что через мостовую связь, человек может услышать вещи, которые уже не циркулируют среди его близких друзей.

На рисунке ниже связь А с G является мостовой связью. Потому что А - это единственный человек в своей социальной группе, который имеет связь вне группы, а значит имеет преимущество услышать от G про вещи, о которых остальные еще не слышали.

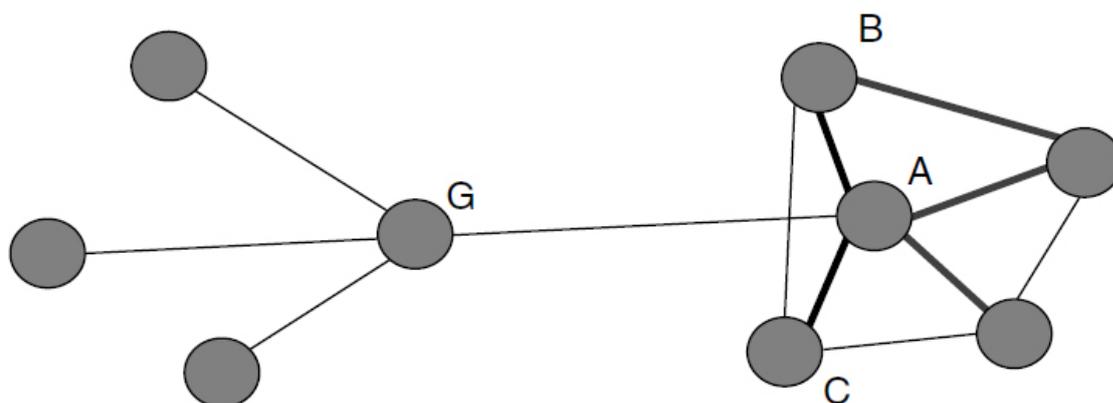

Рис. 4 Мостовая связь от А к G

Соединяя два определения вместе, Грановеттер делает вывод, что сильные связи вряд ли будут источником новых сведений.

¹⁷ Borgatti Halgin. On Network Theory //Organization Science 22(5), 2011, pp. 1168–1181.

¹⁸ Granovetter M. S. The strength of weak ties. Amer. J. Sociol. 1973. 78(6) 1360–1380.

¹⁹ Burt R. S. 1992. Structural Holes: The Social Structure of Competition. Harvard University Press, Cambridge, MA.

²⁰ Freeman L. C. Centrality in social networks: Conceptual clarification. Soc. Networks. 1979.1(3) 215–239.

²¹ Lazarsfel, P., R. K. Merton. Friendship as a social process: A substantive and methodological analysis. M. Berger T. Abel, C. H. Page, eds. Freedom and Control in Modern Society. Van Nostrand, New York, 1954. 18–66.

Причина состоит в следующем. Во-первых, мостовая связь вряд ли сильна. В соответствии с первым определением, если А и G имеют сильную связь, то G, по крайней мере, имеет слабую связь с остальными друзьями А, что будет означать, что связь А-G не является мостом, потому что будет несколько коротких путей от А до G с помощью их общих знакомых. Таким образом, это всего лишь слабые связи, которые могут быть мостами. Во-вторых, потому что мосты являются источниками новых сведений и только слабые связи являются мостами, то эти слабые связи и есть лучшие потенциальные источники новой информации. Грановеттер использует эту теорию, чтобы объяснить, почему люди часто получают или, по крайней мере, слышат о рабочих местах от знакомых, а не от близких друзей. В этом смысле теория является одним из индивидуальных социальных капиталов, где люди с более слабыми связями (то есть, более социальный капитал) являются более успешными. Грановеттер также применяет теорию на уровне группы, утверждая, что общины с многочисленными сильными связями имеют сильную локальную сплоченность, но слабую глобальную сплоченность, в то время как сообщества с многими слабыми связями имеют слабую локальную сплоченность, но сильную глобальную сплоченность. Социологическое исследование, связанное с сообществом мегаполиса, где в городе ассимилируется одно смежное сообщество, но этого не происходит с другим, предполагает, что диффузия сообщества и структура слабых связей создает социальный капитал на уровне группы, что позволяет ей работать вместе для достижения целей, например по мобилизации ресурсов и организации действий на местном уровне для реагирования на внешние угрозы.

Другая известная теория - это теория структурных пустот (СП) социального капитала Берта. Теория СП связана с эго сетями - облаками узлов, окружающих определенный узел, вместе со всеми связями между ними. Берт утверждает, что если мы сравним узлы А и В, то по форме эго сети А, скорее всего, А получит более новые сведения, чем эго сеть В сделает для В и, как результат, А может работать лучше в данной обстановке в качестве работника в фирме.

А и В имеют одинаковое количество связей, и мы можем говорить, что их узлы примерно одинаково прочны. Тем не менее, так как контакты В являются связанными друг с другом, то информация, которую В получает от, скажем, X, вполне может быть той же информацией, которую В получает от Y. В отличие от этого А имеет связи с тремя различными пулами информации (в лице кругов на рисунке ниже).

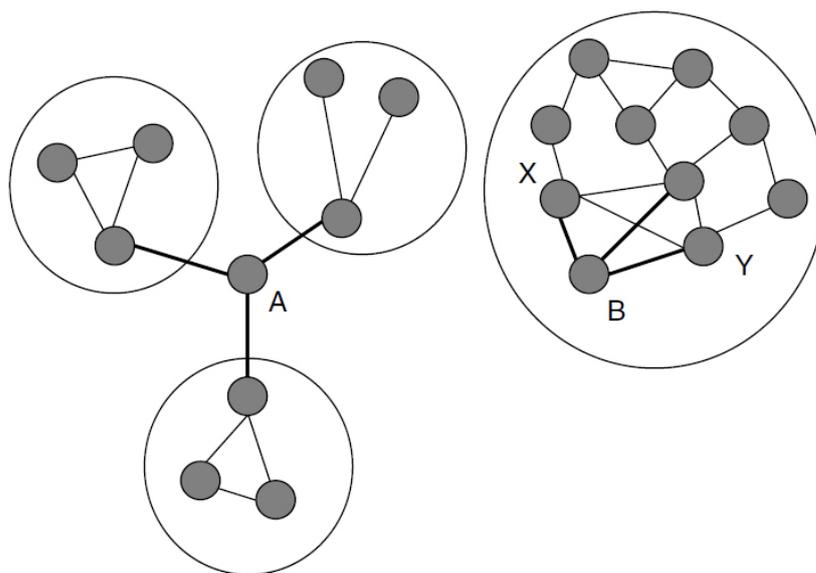

Рис. 5 Узел Эго сети А имеет больше структурных пустот, чем В

Берт утверждает, что, в результате А, скорее всего, будет получать более избыточную информацию в любой момент времени, чем В, который, в свою очередь, может обеспечить А возможностью лучшего исполнения или будет восприниматься как источник новой идеи.

Килдуфф²² говорит, что изображение Бертом его социального мира существенно отличается от картины Грановеттера из-за различных измерений. Например, Килдуфф видит Грановеттера в качестве автора, рисующего счастливый мир, где люди формируют отношения, которые лишь эпизодически оказываются полезными, в то время как Берт предлагает более стратегический и инструментальный взгляд. Тем не менее, на уровне конкретики теорий ССС и СП, должно быть очевидно, что теория Берта тесно связана с идеей Грановеттера. На языке Берта А имеет больше структурных пустот, чем В, что означает, что А имеет больше избыточных связей. На языке Грановеттера А имеет больше мостов, чем В. Но независимо от того, будем ли мы называть их избыточными связями или мостами, концепция и ее последствия одни и те же: это более новые сведения. В чем Грановеттер и Берт отличаются друг от друга, это то, что Грановеттер далее утверждает, что сила связей определяет, будет ли она служить в качестве моста. Берт не согласен с этим, и даже приводит эмпирические доказательства того, что мостовые связи слабее, и что они более подвержены распаду.²³ Тем не менее, Берт видит силу связей в качестве простого «коррелята» базового принципа, который является избыточным. Таким образом, разница состоит в предпочтении дистальной причины (прочность связей), как делает Грановеттер, и проксимальной причины (преодоление связи), как делает Берт. Первый дает ироничную и нелогичную сюжетную линию, а второй «захватывает каузального агента непосредственно и, таким образом, обеспечивает прочную основу для теории». Кроме того, Грановеттер использует лиц, устроившихся на работу, в качестве результата, где они имеют избыточную информацию, в то время как Берт говорит о получении содействия. В целом, это лишь небольшие различия в орнаменте. Обе теории основаны на той же базовой модели, по которой работают сети.

Большинство людей имеет небольшое количество сильных связей, или людей, которые больше всего зависят от их поддержки и социального контакта. Люди, как правило, имеют больше слабых связей или случайных контактов. Слабые связи, как правило, меньше влиятельны, но могут являться критическими путями для новой информации. Теория социальных сетей рассматривает атрибуты лиц менее важными, чем их отношения и связи с другими участниками сети. Исследования в ряде научных областей показали, что социальные сети работают от семей до народов, и играют решающую роль в определении пути решения проблем, организаций, которые их выполняют и степени, в которой отдельные лица достигают успеха, преследуя свои цели.

Дескриптивная теория сетей

В качестве описательного подхода сеть используется в качестве анализа интеграционных процессов, происходящих в странах Евросоюза. Сторонники этой теории считают, что ЕС сам по себе представляет дифференцированную политическую систему.²⁴ Кроме того, процедура принятия решений в институтах ЕС отличается от классических методов, практикуемых в национальных государствах. Дискуссии ведутся группами экспертов, а большинство решений принимается Еврокомиссией, члены которой не получали полномочий от своих избирателей. Такие механизмы напоминают работу транснациональных структур, таких как ВТО и МВФ. Как пишет Байков, пока еще нет

²² Kilduff M. Serendipity vs. strategy: A tale of two theories. Presentation, Intra-Organizational Networks Conference, April 10, University of Kentucky, Lexington. 2010.

²³ Burt R. S. Bridge decay. Soc. Networks. 2002. 24(4) 333–363.

²⁴ Rhodes R.A.W. Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity, and Accountability. Buckingham, 1997. P. 37.

полноценной сетевой теории в отношении ЕС, хотя ее сторонники сформулировали три основополагающих вывода: 1) характер структурирования политических сетей оказывает непосредственное влияние на осуществляемую политику; 2) в квазифедералистских образованиях наподобие ЕС система управления единственным образом складывается только на сетевой, а не на типичной для национального государства иерархичной системе с прямой электоральной легитимизацией и разделением властей; 3) сетевое управление со временем начинает ставить вопросы, связанные с эффективностью и легитимностью такого режима.²⁵

Сеть как социально-политический феномен

Все же, что такое сеть? Принято считать, что социальная сеть представляет собой структуру, состоящую из отдельных лиц или организаций (узлов), которые связаны одним или более конкретным типом взаимозависимости. Этими взаимозависимостями могут являться дружба, родство, общий интерес, финансовый обмен, групповая принадлежность, антипатия, социальные отношения, вера, знания или престиж. Люди находятся под сильным влиянием сети близких соратников, и эти ассоциации имеют решающее значение для понимания поведения индивида.

В общественно-политических и социальных науках сетью принято считать социальную структуру, состоящую из узлов, которыми являются люди и организации, а также связей (взаимоотношений) между ними.

В общем смысле термин «сеть» применяется для обозначения групп (кластеров) субъектов различной природы, которые вступают в те или иные схемы взаимодействия в политической, социальной или экономической сфере.²⁶

Смысл «сети», « сетевого принципа» также состоит в том, что главным элементом всей модели является «обмен информацией» с максимальным расширением форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения, обратной связи. «Сеть», в широком понимании, представляет собой новое информационное пространство, в котором разворачиваются основные стратегические процессы, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. «Сеть» в таком широком понимании включает в себя одновременно различные составляющие, которые ранее рассматривались строго отдельно – все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «сети», между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен²⁷.

Согласно наиболее общему определению, политическая сеть представляет собой сложное сочетание относительно стабильных, децентрализованных, неиерархических отношений, которые связывают разных по природе акторов (государственных и негосударственных). Они обмениваются ресурсами ради достижения общей цели.

По версии Бомберга и Петерсона политическая сеть представляет собой «группу акторов, каждый из которых вовлечен в тот или иной сегмент политического управления, осознает в нем свои интересы и обладает способностью повлиять на успех или неудачу принятия и реализации того или иного политического решения и предусмотренной им практической меры».²⁸

С позиции политика как стратегической игры «политическая сеть представляет собой более или менее стабильные образцы социальных отношений между

²⁵ Байков А.А. Сравнительная интеграция. - М.: Аспект пресс, 2012. С. 207-208.

²⁶ Байков А.А. Сравнительная интеграция. - М.: Аспект пресс, 2012. С. 206.

²⁷ В современном американском языке, помимо существительного «the network» - «сеть», появился неологизм – глагол «to network», что приблизительно переводится как «осетевить», «охватить сетью», «внедрить сеть в», «подключить к сети».

²⁸ Bomberg T., Peterson T. Decision-Making in the European Union. NY, 1999.

взаимозависимыми акторами, формирующиеся вокруг политических проблем и / или решений, функционирующие, воспроизводящиеся и изменяющиеся посредством серий стратегических игр».²⁹

Сети также определяют как «относительно стабильные и длительные взаимоотношения, позволяющие мобилизовать и свести воедино рассеянные ресурсы с тем, чтобы организовать коллективные (или параллельные) действия, направленные на достижение общей цели в политике»³⁰.

В общем смысле термин «сеть» применяется для обозначения групп (кластеров) субъектов различной природы, которые вступают в те или иные схемы взаимодействия в политической, социальной или экономической сфере. Высказывается мнение, что сетевые механизмы сотрудничества со временем будут приобретать все большее распространение, что отражает общую ориентацию на отношения взаимности и взаимозависимости, по контрасту с иерархией и зависимостью³¹.

Если «железные треугольники» представляли собой прототипы институтов лоббизма, которые широко распространены в США и стали частью политической культуры в этой стране, то в ЕС сетевой подход стал необходимой практикой, связанно с интеграционными процессами.

В связи с распространением политических сетей, исследователями также отмечалось, что европейские политические сети есть нечто более серьезное и глубокое, нежели неформальный лоббизм. В частности М.С. Стерженева отмечала, что «группы интересов легко выходят в Европейском Союзе за национальные границы. Негосударственные игроки самостоятельно изменяют свои цели и ожидания сообразно действиям других. Государства же в итоге следуют ориентирам, которые им посылает интеграционная среда.

В рамках европейских политических сетей речь ведется не о том, чтобы выбрать, чью позицию предпочесть. Дело сводится к тому, чтобы учесть как можно больше нюансов и позиций, предпочтений и интересов. Кроме того, от участников сети наднациональные институты ждут содействия в осуществлении решений, особенно если отдельные правительства этому противятся.

Группы интересов, стремящиеся оказать влияние на власть, играют важную роль во всех современных демократических обществах. Но на национальном уровне подобная разновидность представительства интересов существует бок о бок с формальными каналами представительного правления, которое реализуется в ходе межпартийной борьбы и через выборы. В ЕС отсутствует система, в которой одна правящая партия сменяла бы другую на основании итогов прошедших выборов. Поэтому здесь роль политических сетей несколько иная.

Во-первых, сети обеспечивают наднациональные институты информацией относительно широкого круга национальных предпочтений и специфики национальных режимов хозяйствования, позволяя находить решения, которые устраивают подавляющее большинство участников. Во-вторых, их использует Комиссия, чтобы повлиять на отдельные правительства, если на каком-то конкретном направлении последние сопротивляются реализации общеевропейского интереса. В-третьих, участники сетей непосредственно задействованы в выполнении принятых европейских решений. Наконец, в-четвертых, косвенным образом политические сети помогают укреплению в ЕС демократической легитимности.

²⁹ Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. - М.: ИД КДУ, 2013. С. 90.

³⁰ Patrick Kenis and Volker Schneider. Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // Policy Network: Empirical Evidence and Theoretical Considerations / Marin Bernd and Renate Mayntz (eds.). Frankfurt aM: Campus Verlag, 1991. P. 36.

³¹ Keck M.E. and Skinnink K. Activities Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics. Ithaka, NY and London, 1998.

Демократические институты всегда определяют фон, конкретный контекст, в условиях которого функционируют политические сети. Однако специалисты, изучающие сети, зачастую неправомерно игнорируют демократические аспекты их существования. Вероятно, в какой-то степени это можно объяснить традицией, восходящей к М. Веберу, согласно которой проводится различие между политикой (в ходе ее проведения отдается предпочтение социальным идеалам и ценностям) и администрированием (подразумевающим узкую реализацию уже принятых решений). Однако фактически политика имеет место на всех уровнях (квази)государственной администрации. Особенно это дает о себе знать в рамках системы, где (как в Европейском Союзе) наднациональная власть не располагает монополией на легитимное принуждение"³².

В целом политические сети существуют как специфическая форма политического действия и управления, которая также формирует свою среду и ангажирует в себя акторов на основе политических активистов, будь то оппозиция или сторонники власти.

Оборонные инициативы также во многом связаны с понятием сети. В военной сфере смысл реформы, проводимой в США и других странах в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в создании мощной и всеобъемлющей глобальной сети, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. В таких условиях война становится сетевым явлением, а военные действия – разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы – все это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация.

Также можно сказать, что «сеть» – это новое многомерное информационно-психологическое и информационно-техническое пространство, пронизывающее как сферу коллективных взаимодействий, так и индивидуальный мир человека. В этом пространстве в современном обществе протекают все без исключения процессы, основными участниками которых становятся субъекты, вовлеченные в «обмен информацией» – ее производство, распределение, потребление, доступ, обратную связь и т. д.³³

Типы сетей

Как указывают специалисты по не конвенциональным и социальным конфликтам Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт «в идеальной форме действующие лица ... представляют собой сети небольших разнородных объединений, которые напоминают ячейки. Они рассредоточены и взаимосвязаны. Сеть должна быть аморфной и не иметь «головы», хотя не все узлы сети должны «быть эквивалентны» друг другу. Сеть может быть в форме цепи, звезды или иметь взаимосвязанную гибридную и многоуровневую структуру»³⁴.

³² Стерженева М.С. Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Международные процессы, 2006, №1. <http://www.intertrends.ru/nineth/005.htm>

³³ Крикунов Александр. Сетевые технологии информационной войны в деятельности ЧВК и НПО 24.11.2011 <http://catu.su/component/content/article/43-2011-11-18-08-27-06/166-2011-11-24-19-57-23.html>

³⁴ Arquilla J. and Ronfeldt, D. The Advent of Netwar. Santa Monica, CA: RAND, 1996. P. 47

Базовые типы и уровни сетей

Цепь
(Контрабанды)

Звезда
(Наркокартели)

Всеканальная сеть
(Мирные сети)

- * Различные типы подходят для различных целей и ситуаций
- * Всеканальный тип дает сети наивысший потенциал
- * Соединение всех трех типов представляет сетевого актора

Рис 6. Базовые типы и уровни сетей

Сеть по типу цепи напоминает очередь, поток товаров или информации в одну линию, где контакты разделены и для того, чтобы пройти цепь от начала до конца, необходимо пройти через все взаимосвязанные узлы. Сеть по типу звезды или колеса действует по принципу франшизы или картеля, где совокупность действующих лиц связаны с центральным (но не иерархичным) узлом или актором, и должны для координации или связи друг с другом проходить через этот узел. Всеканальная сеть напоминает речевой интерфейс какой-то группы, где каждый актер имеет связь со всеми другими.

Также могут быть гибридные формы сетей и иерархические формы организаций. Например, традиционные иерархические системы могут быть внутри отдельных узлов сети.³⁵

Все сети имеют четыре уровня: организационный, доктринальный, технологический и социальный.

- Организационный уровень - отвечает на вопрос каков размер актора или их комбинации, организованной в сеть. Это стартовая точка для оценки действующего лица. Особенно, какие члены сети и как могут действовать автономно, есть ли иерархическая динамика, препятствующая автономии и как она может быть совмещена с сетевой динамикой.

- Доктринальный уровень связан с вопросом почему предполагаемые члены организуются в сеть. Это преднамеренно или случайно? Какие есть доктрины, идеологии, интересы и другие причины или мотивации для того, чтобы они использовали такую форму. Этот уровень анализа важен для объяснения того, что удерживает сеть от распада

³⁵ Савин Л.В. Сетевая и сетевая война. Введение в концепцию. - М: Евразийское движение, 2011.

и позволяет ее членам действовать стратегически и тактически без центрального управления или лидера. Доктрина может отражать обязательства к сотрудничеству и нахождению в сети (но без перехода к иерархическим отношениям). Как бы ни было, согласно распространенной точке зрения, сеть может включать членов, которые отличаются по приоритетам, специфическим целям и выбору средств.

- Технологический уровень отвечает на вопрос, какой является модель, ее способности, плотность информационных и коммуникационных потоков. Какие технологии ее поддерживают? Насколько хорошо они удовлетворяют организационной модели? Этот уровень может включать в себя смесь старых и новых, высоко- и низкотехнологических возможностей, но в основном это новые технологии, которые делают осуществимыми новые формы организации и доктрины. Более высокая пропускная способность, более продвинутые средства связи, восприятия, памяти и поиска означают лучшие перспективы для сетевой коммуникации и организации. Элементы структуры и возможности на этом уровне могут значительно повлиять на организационный и доктринальный уровни.

- Социальный уровень отвечает на вопрос, насколько хорошо и как члены сети лично знают друг друга и связаны между собой. Это классический уровень анализа социальной сети, где сильные персональные связи, часто на основе родства, этнической принадлежности, дружбы и совместного опыта помогают гарантировать более высокий уровень межличностного доверия, чем в других формах организаций, например, иерархических. Этот традиционный уровень остается важным в информационную эпоху.³⁶

Следовательно, существует три типа и четыре уровня сетей, которые могут комбинироваться.

Усиление сети, возможно, особенно при всеканальной структуре, зависит от того, насколько хорошо функционируют все четыре уровня. Сильнейшие сети - это те, в которых организационный уровень поддерживается пропитывающей его доктриной или идеология гармонична всей структуре и где все это прослоено продвинутыми телекоммуникациями и имеют на базовом уровне традиционные сети персональных и социальных уз. Каждый уровень и общая структура могут получить преимущество от обилия и разнообразия. Характеристики каждого уровня влияют на другие уровни.

При хорошо развитой сети она сама по себе может быть более влиятельной и значительной, чем любой из ее членов (динамика может помочь отодвинуть каждого отдельного члена от доминирования в сети). Всеканальные сети часто имеют особые преимущества в ситуациях, где цели членов, направленные на сохранение своей автономии и независимости и уклонение от иерархического контроля вписываются в повестку дня взаимозависимости и преимуществ от координации. Такая сеть может стать наиболее прочной и долговечной. Когда ее члены разрабатывают стратегические и коллективные интересы, являющиеся частью сети, это может преобладать над индивидуальными интересами и когда они предпочитают сохранять такую форму, а не сливаться в иерархическую организацию, сети укрепляют власть и влияние.

Следовательно, нормативные документы, регулирующие права и свободы, личное желание граждан быть более независимыми и одновременно иметь возможность принимать участие в принятии решений являются стимулирующими факторами для развития сетевой модели государственного управления.

Если рассматривать типы политических сетей, то принято выделять шесть разновидностей, которые характеризуются различными моделями взаимодействия государства и групп интересов:

- 1) корпоративистские;

³⁶ Arquilla J. and Ronfeldt, D. The Advent of Netwar. Santa Monica, CA: RAND, 1996. P. 48-52

- 2) плюралистические;
- 3) клиентельные;
- 4) «железные треугольники»;
- 5) «проблемные сети»;
- 6) политические сообщества.³⁷

Сети и власть

Центральным вопросом в понимании любого типа сети, состоит ли она из лиц, групп, организаций или даже страны, является признание - какой из акторов в сети является властью. Способность актора оказывать влияние на других акторов, чтобы они делали то, что они не могут делать иначе, или чтобы избежать влияния, оказываемого таким образом, влияет на многие аспекты поведения акторов и последующие результаты. Исследователи, пытаясь определить сильных акторов, часто сосредотачиваются на его атрибутах - характеристике актора или формальном распределении ролей актора в организации или сети, которые могут разрабатывать дифференциалы власти между субъектами³⁸ или на поведенческих стратегиях власти и тактике, которую акторы используют, чтобы получить влияние.³⁹ Тем не менее, власть по своей сути - это явление структурного характера, где влияние одного актора над другим требует рассмотрения в рамках более широкой сети отношений.⁴⁰ «Нахождение в нужном месте» в сети тесно связано с властью потому, что некоторые сетевые позиции позволяют акторам иметь более широкий доступ к ресурсам, проходящим через сети или больший контроль над этими потоками в зависимости от того как зависят другие акторы от фокусного актора.⁴¹

Большинство исследований, проведенных с этой структурной точки зрения на власть были сосредоточены на сети, где потоки предположительно были положительными или нейтральными. Например, исследователи на межличностном уровне изучили, как позиции в положительных сетях определяют, какие акторы имеют доступ к различным, полезной и достоверной информации, что может привести к власти в организациях⁴² или что может повысить их мастерство или креативность.⁴³

Аналогичным образом, исследователи международных сетей проверяли, как зависимость с точки зрения международной торговли или взаимные связи в альянсе или структурные эквивалентны в этих положительных сетевых связях, могут повлиять если две страны в конечном итоге вступают в конфликт.⁴⁴

Тем не менее, мало внимания уделялось акторам и потокам, которые могут представлять собой активные угрозы другим сетевым акторам.⁴⁵

³⁷ Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. - М.: ИД КДУ, 2013. С.111-112.

³⁸ French, J.R., Raven, B. H. The bases of social power. In: Cartwright, D., Zander, A. (Eds.), *Group Dynamics*, Harper & Row, 1968. NY, pp. 259-269.

³⁹ Kipnis D., Schmidt, S.M., Wilkinson, L., 1980. Intraorganizational influence tactics: explorations in getting one's way. *Journal of Applied Psychology* 65, 440-452.

⁴⁰ Pfeffer J. *Power in Organizations*. Marshfield, MA: Pitman; McClurg, S.D., Young, J.K, 2011. A relational political science. *Political Science and Politics*. 1981. 44, 39-44.

⁴¹ Brass D.J. Being in the right place. *Administrative Science Quarterly* 29, 1984. 518-539.

⁴² Brass D. J. Burkhardt. M. E. 1993. Potential power and power use: An investigation of structure and behavior. *Academy of Management Journal* 36, 441-470. 0; Sparrowe and Liden, 2005.

⁴³ Burt, R.S. Structural holes and good ideas. *American Journal of Sociology*. 2004.110(2), 349-99; Burt, R.S. *Neighbor Networks: Competitive Advantage Local and Personal*. Oxford: Oxford University Press. 2010.

⁴⁴ Maoz, Z. Network polarization, network interdependence, and international conflict, 1816-2002. *Journal of Peace Research*. 2006.43(4), 391-411; Maoz, Z., Terris, L., Kuperman, R., Talmud, I., 2007. Network centrality and international conflict: Does it pay to be important? In Thomas N. Friemel (Ed.). *Applications of Social Networks Analysis*. Konstanz (Germany): Universitat Verlag Konstanz, pp. 121-151.

⁴⁵ Maoz Z. Pacifism and fightholism in international politics: A structural history of

Джейсон Смит, Дэниел Гэлгин, Вирджиния Кидвелл-Лопес, Джузеппе Лабьянка, Дэниел Брасс и Стефан Боргатти⁴⁶ внесли свой вклад в литературу по политическим сетям, представляя теорию и инструмент для определения властных позиций, основанных на контроле в «политически заряженных» сетях, где акторы могут иметь как союзников и противников. Пограничные условия этой теории состоят в том, что акторы пытаются достичь каких-то целей и внедрены в сети как с потенциальными союзниками, так и с противниками. Эти политически заряженные сети включают в себя акторов, которые активно борются за превосходство как для повышения своей собственной позиции, так и потенциально подрывая чужие результаты.⁴⁷

Эти авторы утверждают, что союзники и противники неразрывно связаны между собой - вымогательство у союзников делается с определенной целью противодействия потенциальным угрозам, созданные противниками. Таким образом, эти отношения должны быть изучены как часть большей сети целом в отличие от отдельных реляционных сетей. Многие реальные сети имеют эти типы отрицательных, соперничающих, или угрожающих связей, которые стремятся подорвать потоки или взаимодействия внутри сети, а также содержать коалиции и контр-коалиции союзников.⁴⁸

Данный подход рассматривает положение актора в пределах всей сети союзников и противников и полагается на следующий общий принцип: будучи связанным с акторами, которые сами находятся под угрозой фокусный актор увеличивает потенциальную власть, потому что эти союзники становятся зависимыми от фокусного актера в отношении ресурсов и поддержки. Эта группа авторов предложила разработанный ими Индекс политической независимости (ИПН), а также использовала подход к власти как доступу, который фокусируется на потенциале актора, который он использует, чтобы получить доступ к ресурсам другим акторам через положение актора в сети. Огромное количество других акторов, с которыми связан фокусный актор, часто считается признаком потенциала этого актера к доступу и использованию этих ресурсов таким образом, что делает их ценным для других, и, следовательно, делает актора наиболее властным.⁴⁹

Помимо подхода к власти в качестве доступа существует подход к власти как контролю или зависимости, который тоже важен для понимания власти актора, особенно в политически заряженных сетях. Этот подход признает, что когда фокусный актор зависит от другого актора в отношении ресурсов, значит другой актор имеет потенциальную власть над фокальным актором.⁵⁰

С другой стороны, фокусный актор может стать более властным за счет уменьшения своей зависимости от другого через развитие альтернативных источников для приобретения необходимых ресурсов (например, образовать связи с другими акторами в сети). Таким образом, политическая независимость или безопасность фокусного актера

national and dyadic conflict, 1816-1992. *International Studies Review* 6(2), 2004.107-133; Tita and Radil, 2011

⁴⁶ Jason M. Smith, Daniel S. Halgin, Virginie Kidwell-Lopez, Giuseppe Labianca, Daniel J. Brass and Stephen P. Borgatti. *POWER IN POLITICALLY CHARGED NETWORKS*, LINKS Center for Social Network Analysis, Department of Management, Gatton College of Business and Economics, University of Kentucky, Lexington

⁴⁷ Siegel J. Contingent political capital and international alliances: Evidence from South Korea. *Administrative Science Quarterly* 52, 2007. 621-666.

⁴⁸ Labianca G., Brass, D.J., Gray, B. Social networks and perceptions of intergroup conflict: the role of negative relationships and third parties. *Academy of Management Journal* 41, 1998. 55-67.; Labianca, G., Brass D.J. Exploring the social ledger: Negative relationships and negative asymmetry in social networks in organizations. *Academy of Management Review* 31, 2006. 596-614.; Murnighan, J., Brass, D., Intraorganizational coalitions. In Bazerman, M., R. Lewicki, B. Sheppard (Eds.) *The Handbook of Negotiation Research*. 1991. Greenwich, CT: JAI Press., pp. 283-306.

⁴⁹ Brass D. J. Burkhardt. M. E. 1993. Potential power and power use: An investigation of structure and behavior. *Academy of Management Journal* 36, 441-470.

⁵⁰ Emerson R. Power-dependence relations. *American Sociological Review* 27(1), 1962.3 1-41.; Emerson, R., Exchange theory, part II: Exchange relations and network structures. In; Berger, J., Zelditch, M., Anderson, B. (Eds.), *Sociological Theories in Progress* 2, Houghton Mifflin, 1972. Boston, MA, pp. 58-87.

усиливается при наличии альтернатив⁵¹ и сводит к минимуму способности других контролировать потоки, которые в конечном счете достигают актора.

С этими разработками возникла дилемма - принять существующие теории и методы, или изменять и создавать новые. Некоторые политологи утверждают, что есть множество богатых традиций по исследованиям в области социальных сетей, и что нет никакой необходимости "изобретать велосипед".

Например, Хафнер-Бертон и др.⁵² полагают, что работы Маоза⁵³ в которых он создал новые теории и методы для анализа взаимозависимости и поляризации среди государств в целях прогнозирования военных конфликтов между государствами, не может быть лучшей стратегией для политологов, чтобы двигаться вперед. Хафнер-Бертон и др. считают, что «необходимость новых общесистемных мер на данном этапе развития (в области политической науки) является непонятной... Существующие меры, которые могут быть применены к сетям (например, централизация) могут выполнять те же задачи»⁵⁴.

Другие выступают за срединный путь, с исследованием и адаптацией существующих сетевых подходы, насколько это возможно, при поддержании гибкости и готовность к внедрению новых подходов при необходимости.

Сетевое управление

Существует определение, что сетевое управление включает в себя избирательный, устойчивый и структурированный набор автономных фирм (а также некоммерческих организаций), участвующих в создании продуктов или услуг, основанных на явных и открытых контрактах, для адаптации к окружающей обстановке, координации и безопасных обменов. Эти контракты являются социальными, а не законными обязательствами.

Термин «избирательный» используется, чтобы указать, что члены сети обычно не включают в себя целую индустрию. Скорее они образуют подмножество, которое часто обменивается друг с другом, но относительно редко с другими.

Под «устойчивыми» имеется в виду то, что члены рабочей сети неоднократно взаимодействуют друг с другом в течение долгого времени. Совместная работа с течением времени в виде последовательных обменов, которые происходят при содействии структуры сети, в свою очередь, создают и воссоздают структуру сети. В этом смысле, сетевое управление - это скорее динамический процесс организации, а не статическое объединение.

Слово «структурированный» используется для того, чтобы указать, что обмен внутри сети не являются ни случайным, ни формальным, а паттерном, отражающим разделение труда. Фраза «автономная фирма» используется для того, чтобы подчеркнуть потенциал для каждого элемента сети, который юридически независим. Тем не менее, не исключаются бизнес-единицы, которые могут разделять общую собственность или которые могут инвестировать напрямую друг в друга.

⁵¹ Willer D., Walker, H., Markovsky, B., Willer, R., Lovaglia, R.J., Thye, S., Simpson, B., Network exchange theory. In Berger, J. and Zelditch, M. Jr. (Eds.) *New Directions in Sociological Theory: The Growth of Contemporary Theories*. NY: Rowen and Littlefield, 2002. pp. 109-44.

⁵² Hafner-Burton E, Kahler M, Montgomery A., Network analysis for international relations. *International Organization* 63, 2009. 559-592.

⁵³ Maoz Z., Network polarization, network interdependence, and international conflict, 1816-2002. *Journal of Peace Research*. 2006. 43(4), 391-411.; Maoz, Z., Terris, L., Kuperman, R., Talmud, I., Network centrality and international conflict: Does it pay to be important? In Thomas N. Friemel (Ed.). *Applications of Social Networks Analysis*. Konstanz (Germany): Universitat Verlag Konstanz, 2007. pp. 121-151.

⁵⁴ Hafner-Burton E, Kahler M, Montgomery A., Network analysis for international relations. *International Organization* 63, 2009. 559-592.

Также для описания сетевого управления используется термин «неявные и бессрочные контракты», который указывает на средства адаптации, координации и обеспечения обменов, которые не являются производными от властных структур или правовых договоров. Формальные контракты могут существовать между некоторыми парами членов, но они не определяют отношения между всеми сторонами. Таким образом, управление сетью состоит из автономных фирм, которые работают как единое целое в решении своих задачах, требующих совместной деятельности; в других областях эти фирмы, скорее всего, являются ожесточенными конкурентами. В целях укрепления сотрудничества по общим задачам, сетевая форма управления опирается в большей степени на социальную координацию и контроль, такие как профессиональная социализация, коллективные санкции и репутация, чем на органы власти или правовые ресурсы.

Специалистами отмечается, что основными принципами управления сетевой организации являются: отношение, разведка, убеждение и наделение полномочиями. Они в свою очередь имеют еще по несколько компонентов:

- Отношение: социальная компетентность лидера, доверие команды, забота о команде;
- Разведка: поиск информации, диагностика поведения команды, систематическое исследование проблем;
- Убеждение: внешняя поддержка, влияние на команду;
- Наделение властью: делегирование полномочий, практика гибкого принятия командных решений, коучинг.⁵⁵

Каждая из четырех функций требует специфических моделей поведения, и авторы исследования, посвященного работе сетевой организации с принципами самоуправления называют одиннадцать таких моделей.⁵⁶ Кратко остановимся на них.

Отношение. Успех в построении отношений с командой и создании эффективных ее взаимосвязей со всей организацией требует от внешних лидеров трех составляющих: социальной и политической (имеется в виду корпоративная политика) осведомленности, умения добиваться доверия команды и заботы о ее членах.

Что значит быть социально и политически осведомленным? В одном из кейсов исследования внешний лидер предоставил своей команде такой уровень свободы, который не вписывался в общую политику компании. Этот инцидент демонстрирует недостаток политической осведомленности: менеджер просто не предвидел столкновение решений своей команды с общими интересами компании.

Доверие команды. Наиболее успешные внешние лидеры осознают ценность построения хороших взаимоотношений с командой, вплоть до получения статуса инсайдера. В противном случае команда может просто отказаться от своего лидера как не учитывающего ее интересы.

Забота о команде. Личные проблемы членов команды не должны восприниматься только лишь как помехи эффективной работе всей группы. Наоборот, внешний лидер может использовать их как способ наладить отношения с командой через каждого ее участника.

Разведка. Внешние лидеры должны получать максимум необходимой информации у своих руководителей, партнеров и внутренних специалистов, диагностировать поведение членов команды и систематически исследовать возникающие в ней проблемы.

⁵⁵ Бианки В.А., Серавин А.И. Практика и психология регионального партстроительства. – СПб.: Копи-Парк, 2006.

⁵⁶ Urch Druskut V., Wheeler J. How to Lead Self-Managing Team. MIT Sloan Management Review. Summer, 2004. P.65-71.

Поиск информации. Адекватная информация, полученная извне, помогает лидерам управлять принятием решений в команде, особенно когда необходимо направить эти решения в русло общей корпоративной политики организации. Недостаток знаний о внешних процессах может привести команду и ее лидера к конфликту с менеджментом, а своевременное получение информации и донесение ее до команды предоставляет лидеру возможность более эффективно защищать ее перед собственным руководством. В противном случае команда склонна развивать внутри себя отношение «мы против них».

Диагностика поведения команды. Поскольку внешние лидеры обычно отвечают за деятельность сразу нескольких команд, они редко попадают непосредственно на тот момент, когда в одной из групп происходит что-то критическое. В результате они просто оказываются перед фактом, после чего им необходимо добывать недостающую информацию, анализируя буквально каждую реплику членов своей команды.

Систематическое исследование проблем. Проблемы в команде практически неизбежны, и при столкновении с возникшими сложностями лидеру стоит начать с подробных расспросов членов команды, чтобы собрать как можно больше данных и выявить сущность вопроса, после чего надо обратиться к высшему руководству за дополнительной информацией. Так лидер сможет вырабатывать рекомендации, которые будут приемлемы как для всей его команды, так и для менеджмента компании.

Убеждение. Эта функция включает в себя две необходимых составляющих: получение внешней поддержки и влияние на команду.

Внешняя поддержка. Поскольку самоуправляемая команда особенно нуждается в своем лидере, когда нужно привлечь внимание к своей работе внешних топ-менеджеров, лидеру необходимо поддерживать постоянную связь с различными подразделениями компании.

Влияние на команду. Возможность влиять на принятие командных решений позволяет внешнему лидеру приводить их в соответствие с интересами всей компании. Для этого предварительно необходимо ввести в практику все составляющие, описанные ранее, включая завоевание доверия команды, погружение в ее проблемы, аккумулирование всей необходимой внешней информации.

Наделение властью. Внешние лидеры могут эффективно передать власть своей команде через три главных компетенции: делегирование полномочий, гибкость принятия решений и коучинг.

Делегирование полномочий. Как правило, внешние лидеры проявляют предельную осторожность в количестве и типе полномочий, которые они делегируют. Во многих случаях они ограничиваются наделением своей команды большей ответственностью, нежели свободой. Склонность принимать решения за свою команду и решать ее проблемы втайне от нее самой в большинстве случаев ведут к неуспеху всей деятельности команды.

Практика гибкого принятия командных решений. Случается, что команда предлагает что-то, что кажется лидеру неправильным. Но прежде чем выразить свое категорическое несогласие, он должен подумать над тем, что это все-таки не его решение, а мнение всей его команды. Конечно, не всегда команда принимает оптимальные решения, и основная задача внешнего лидера как раз и заключается в том, чтобы предотвратить наиболее серьезные ошибки. Но даже если предложение команды необходимо отвергнуть, ее лидер должен это сделать после максимально открытого обсуждения.

Коучинг. Коучинг включает в себе несколько видов деятельности, включая работу с каждым сотрудником лично, предоставление команде обратной связи и т.п. Однако авторы исследования подчеркивают, что в самоуправляемой команде нет необходимости постоянно заниматься обучением и наставничеством, гораздо важнее заслужить доверие

членов команды и оправдать ее право на самоуправление перед высшим менеджментом организации.

Теория хаоса и сложных систем

В последнее время в отношении государственных образований стали часто применяться термины, которые использовались в точных науках и постнеклассических дисциплинах. Это теория сложных систем, эмерджентность, самоорганизующаяся критичность, диссипативные структуры и др.

Американский дипломат Стивен Манн, в частности, использовал теорию хаоса для анализа геополитической ситуации и дипломатической стратегии. Как он отмечал, «новая наука о хаосе, лежащая в тревожной границе между физикой и математикой, определяется четкими ключевыми принципами:

- Теория хаоса прилагается к динамическим системам - системам с очень большим количеством подвижных компонентов;

- внутри этих систем существует непериодический порядок, по внешнему виду беспорядочная совокупность данных может поддаваться упорядочиванию в разовые модели;

- подобные «хаотические» системы показывают тонкую зависимость от начальных условий; небольшие изменения каких-либо условий на входе приведут к дивергентным диспропорциям на выходе.

- тот факт, что существует порядок, подразумевает, что модели могут быть рассчитаны как минимум для более слабых хаотических систем».⁵⁷

С недавнего времени заговорили и о так называемых хаордических организациях, которые косвенно связаны с теорией хаоса. Сам термин «хаорд» предложил американский экономист Ди Хок, который являлся одним из создателей платежной системы VISA.⁵⁸ «Становление, развитие, функционирование и жизнь расчетной сети, по Д. Хоку, является прообразом глобального общества, в котором хаос и порядок будут не противостоять друг другу, но существовать в новой системе, которую он предложил назвать «хаордом» - от «chaos» («хаос») и «ordo» («порядок»)».⁵⁹

Его идею подхватили теоретики из области различных наук. В частности, по мнению специалистов инновационного менеджмента, организации должны уделять приоритетное внимание концепции хаордической организации по следующим причинам⁶⁰:

1. Шкала.

Учитывая, что мы сейчас достигли мировой популяции в шесть миллиардов человек в мире, который все более взаимосвязан, становится все более и более очевидным, что механическая, организационная структура, основанная на управлении сверху вниз, не может быть эффективной. На этой шкале единственной эффективной организацией представляется та, которая имеет биологический тип, руководствуется организационными принципами и рассчитывает на полный потенциал людей думать, творить и самоорганизовываться.

2. Полная демократия.

Как с народами, так и с компаниями, концепция демократии развивается шаг за шагом с развитием технологии. Организации, которые отвечают сами за себя, общества

⁵⁷ Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление // Геополитика, 18.02.2010.

<http://geopolitica.ru/Articles/890/>

⁵⁸ Hock Dee. Birth of the Chaordic Age. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 1999.

⁵⁹ Дугин А.Г. Геополитика. - М.: Академический проект, 2011. С. 344.

⁶⁰ Савин Л.В. Коучинг война. Взгляд на конфликты с точки зрения менеджмента // Информационные войны, № 4, 2013. С. 68-73.

отвечающие сами за себя, равенство, акцент на сотрудничестве, каждый в роли обслуживающего и каждый в роли обслуживаемого - концепция хаордических организаций имеет все, чтобы действовать с такими идеями. Это средство, которое делает идеалы демократии и гуманности ощутимыми, появилось впервые в истории...

3. Человеческое выражение.

Механические, стандартизированные и ограниченные организационные структуры никогда не добьются успеха в адекватном деле вопросов человеческой мотивации. В принципе, всегда есть фундаментальные ограничения. Самый законный источник мотивации - простор для творчества - всегда контролируется, ограниченно, и является субъектом навязанных и неестественных стандартов.

Хаордические организации имеют большой потенциал для включения творчества человека, выходящего за нынешние ограничения. В самом деле, если мы не загрязняем хаордические принципы страхами, которые являются неотъемлемой частью процесса управления, основанного на контроле, то не будет никаких пределов для того, что могут создавать люди.

4. Основные ценности, день сегодняшних.

Автономия, свобода, уважение - ценности, которым люди больше всего придают значение и по-настоящему берегут - это реальная свобода и реальное человеческое уважение, что гораздо более соответствует хаордическим принципам, чем более традиционным формам организационной структуры. В традиционной организации, эти ценности всегда находятся «под давлением» и ограничены. Это происходит естественно, с одной стороны, учитывая, что контроль, по определению, ограничивает пространство для свободного действия. Но с другой стороны, эти ценности ограничиваются также из-за злоупотребления властью, создания «подонков» в организации, организационной политики, неэтичных соглашений, отсутствия прозрачности и т.д.

5. Эра Знаний.

В эпоху, когда все человеческие знания будут доступны тем, кому это нужно, очень важно, чтобы пространство, которое нужно людям, существовало. Отсутствие такого пространства было бы огромной тратой человеческого потенциала. Принципы хаордических организаций обеспечивают существование таких пространств. Традиционные организационные структуры, которые фрагментируют работу, принципиально ограничивают пространство, и тем самым уменьшают ареал для возможных действий (основываясь на презумпции, что сотрудники не имеют необходимых знаний или достаточного потенциала для того, чтобы создать то, что требуется). Предполагается, что сотрудники организации не способны мыслить и что они не могут сделать то, что продумывается другими, т.е. их «начальством». В хаордических организациях мыслящие люди, наоборот, почитаются, хотя все остальные тоже уважаются, как пишет Оскар Мотомура.⁶¹

Не менее любопытна и теория сложных систем, которая при соответствующей адаптации может использоваться для государственного управления.

Одним из пионеров в этом направлении был Ларс Скуттнер, чья монография «Общая теория систем: идеи и приложения» послужила базой для определения самих законов функционирования системы. Их пятнадцать.

1. Второй закон термодинамики. Хотя он относится к перераспределению тепла между телами внутри замкнутой системы, по мнению ряда авторов, в ряде случаев он применим и для сложных систем, которые принципиально являются открытыми.

⁶¹ Oscar Motomura. Chaordic Organizations. См. <http://oscarmotomura.com/en/default.htm>

2. Закон комплементарности. В теории систем этот закон звучит так: две любые проекции или модели системы позволяют получить знания о системе, при этом они не вполне независимы, но и не вполне совместимы.

3. Холизм. Согласно Скиттнеру, система обладает целостными свойствами, которые не проявляются ни в одной из ее частей и их взаимодействиях, а части обладают свойствами, которые не проявляются в системе как целом.

4. Принцип темноты гласит, что система не может быть познана полностью. В-первых, сами элементы системы не могут иметь полные сведения о ней, и, конечно же, в политических процессах каждый будет отвечать за доступную ему информацию. В вооруженных силах США пытались решить эту проблему за счет создания глобальной информационной сети и сетецентричной основы боевых действий, где оперативный обмен информацией между всеми ячейками должен был создать ситуационную осведомленность. На тактическом уровне отчасти это удалось решить, но на стратегическом и глобальном до поставленной задачи еще очень далеко. Частично размещение новых баз США и инсталляций объясняют желание Вашингтона достичь информационного превосходства для осуществления контроля над врагами и союзниками. Однако из-за принципиального несогласия других государств и разницы между политическими культурами полный спектр доминирования вряд ли будет осуществим даже за счет военной мощи США.

5. Принцип «восемьдесят-двадцать», согласно которому поведение системы формируется за счет 20% ее элементов, а остальные 80% выполняют функции стабилизаторов системы, т. е. своего рода несут охранительную службу. Возможно, что математическое моделирование могло бы способствовать адекватному распределению ресурсов (как людских, так и материальных) при внедрении сетецентричной модели государственного управления.

6. Уильям Эшби, занимавшийся вопросами кибернетики, т. е. управления, был причастен к формулировке закона необходимого разнообразия. Согласно нему разнообразие управляющих элементов системы должно быть не меньше, чем разнообразие возмущений на входе в систему. Иными словами, чем больше разнообразия возможных действий системы, тем легче ей будет справиться с возможными отклонениями. Хотя этот закон довольно прост, некоторые действия представителей власти показывают неспособность мыслить сложными категориями и перейти к новым моделям управления. Поэтому к великому разнообразию возмущений на входе нужно быть готовыми заранее.

7. Принцип иерархии. При слове иерархия сразу представляется пирамида, состоящая из слоев сословий, что верно для аграрного периода истории человечества, или из слоев политико-бюрократической лестницы, что отражает принцип функционирования государства в индустриальную эпоху. Однако в данном случае в иерархиях, основанных на естественных феноменах, каждый уровень состоит из нескольких интегрированных систем. Поэтому иерархия в сложных системах представляет собой довольно комплексный процесс, а не конструкцию, состоящую из отдельных блоков. В международных отношениях примером могут служить надгосударственные структуры, для которых необходим свой управленческий язык, отличный от модулей, применяемых в самих государствах. Нечто подобное необходимо будет разработать и для Евразийского Союза, при этом новый язык должен качественно превзойти уже имеющиеся.

8. Модульность. Любая система разделена на определенное количество модулей. При этом исследователи отмечают, что критическим сетям свойственно спонтанное появление модульной организации. Наличие таких модулей приводит к тому, что в системе появляются так называемые стены устойчивости, которые затрудняют прохождение сигналов. Это может быть как партийное сопротивление, так и бюрократия чиновников, а также специфические интересы региональных или национальных элит.

Армянский политолог Рачья Арзуманян в своем исследовании, связанном со сложными системами и вопросами современной безопасности⁶², отмечает, что подобные модули являются горизонтальными структурами, а упоминавшаяся ранее иерархия - вертикальной структурой в сложных системах, которые помогут лучше понять и инструментально использовать систему, т. е. управлять ею.

9. Избыточность ресурсов. Данное требование нуждается для обеспечения стабильности в условиях возмущения, о котором говорилось при описании закона необходимого разнообразия и принципа «80-20». Также необходимо отметить, что для информационной эпохи это важное условие говорит о том, что для получения надлежащего объема информации необходимы дополнительные каналы связи и ее надежная защита. Утечка информации и ее намеренно неправильная интерпретация может быть использована для дестабилизации системы изнутри.

10. Принцип большой плотности потока также связан с предыдущими. Если поток ресурсов через систему будет достаточно большим, тогда больше ресурсов будет доступно для того, чтобы справиться с возмущением. Здесь кажется все довольно просто, но, на самом деле, кроме задач по обеспечению устойчивости системы здесь поднимаются вопросы качественного скачка, развития и эволюции, т. е. тех императивов, которые необходимы для общества, реализации качественной политики, и новых достижений в науке и технике.

11. Принцип субоптимизации Ларс Скуттнер определяет следующим образом. Если все подсистемы в отдельности будут построены так, чтобы работать с максимальной эффективностью, то это не значит, что система в целом будет действовать так же эффективно. И наоборот, можно разработать максимально эффективную модель всей системы, но ее элементы не будут такими же. Это наводит на определенные мысли, связанные с унификацией и стандартизацией управленческих решений и процессов. Следовательно, согласно этому принципу, не будет такой организации или коллектива, которые будут эффективны на всех уровнях иерархии. Отсюда можно сделать вывод о необходимости адекватного подбора кадров и правильной организации управленческих процессов.

12. Следующий принцип, который также имеет отношение к предыдущим, говорит об избыточности потенциального управления. Поэтому для того, чтобы достичь желаемого поведения, необходимо иметь достаточно хорошее представление о системе.

13. Принцип причинной обратной отрицательной и положительной связи, который хорошо знаком по физике, связан с равновесием системы. При наличии отрицательной обратной связи равновесное состояние системы остается инвариантным на широком диапазоне начальных условий. Странный аттрактор Лоренца также подходит под описание этого принципа.

А вот положительная обратная связь приводит к противоположным эффектам. Этот феномен еще называют законом креативности, так как если рассматривать социальную систему, то различные результаты у всех групп с одинаковыми исходными параметрами вполне возможны.

14. Принцип времени релаксации говорит о том, что если время релаксации системы меньше, чем среднее время между возмущениями, то стабильность системы возможна. Он может быть напрямую связан с интеграционными процессами, так как они являются реорганизацией экономических, правовых, политических и социальных механизмов. Если реорганизация будет идти слишком быстро, то она не успеет адаптироваться к ним и «переварить» предыдущие воздействия. И, конечно же, само наложение воздействий создаст неясность, какие именно решения привели к тем или

⁶² Арзуманян Р. Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. - М.: Регнум, 2012.

иным результатам. В свете требований модернизации общества со стороны определенных представителей властных элит, вполне логично задуматься о том, настолько ли хороши реформы, как их преподносят, и о том, насколько длительной должна быть «передышка» между ними.

15. Принцип пятнистости. Довольно интересный постулат, предложенный Скуттнером, говорит о том, что системы, выстроенные на ограничивающих правилах, где заранее оговорено, что является допустимым, а что нет, являются менее стабильными, чем системы, которые развиваются беспорядочно. На первый взгляд это довольно парадоксальная идея, однако и распад СССР и другие подобные процессы показывают, что жесткие, точнее, негибкие системы распадаются скорее, чем хаотичные. Это связано с тем, что с учетом изменяющейся внешней среды система может потратить слишком много ресурсов, чтобы следовать одной и заранее спланированной модели поведения. Это представляется еще более затруднительным, когда внешние игроки понимают это и оказывают определенное влияние извне.⁶³

Сложные задачи

Вызовы нынешнего времени апеллируют не только к сложным организациям, но и к сложным задачам, решение которых требует особого подхода.

Сложность задач относится к различным специализированным ресурсам, необходимым для выполнения продукта или услуги. Сложность задач создает поведенческую взаимозависимость и усиливает необходимость координации деятельности. Различные специалисты и входы могут быть результатом повышенной сферы деятельности, необходимой для ряда бизнес-функций, количество созданных продуктов или обслуживания различных рынков. Сложность задачи при ограниченном времени делает координацию через ряд последовательных обменов неосуществимой. Давление времени связано с необходимостью сокращения временных интервалов в быстро меняющихся рынках, таких как полупроводники, компьютеры, кино и мода, или из-за необходимости сокращения расходов в высоко конкурентных рынках, таких как автомобили и архитектура. Сложность задачи в сочетании с нехваткой времени привело к созданию координационных команд, где квалифицированные в различных областях члены работают одновременно для производства товара или услуги. Команды координируют деятельность через взаимное приспособление (горизонтальные информационные потоки и групповые встречи), которое ускоряет обмен информацией между сторонами и уменьшает время, чтобы завершить сложные задачи.

Сетевое управление объединяет несколько самостоятельных, разнообразно квалифицированных партий под сильным давлением времени для того, чтобы создать сложные товары или услуги. Необходимость ускорения продуктов и услуг для рынков является критическим состоянием для сетей. В киноиндустрии приблизительное время для кинопроизводства сократилось с двух лет в 1950-е гг. до шести недель в 1970-х гг. Использование сетей и координации в автомобильной промышленности для повышения организационных возможностей (например, неформальный характер и частое общение между производственными подразделениями и между рабочими уровнями) дало японцам конкурентное преимущество над европейцами и американцами, которые использовали последовательную координацию); Эти сокращения времени на выполнения заказа и снижение затрат были значительными - 17 часов чтобы собрать машину в Японии против 25 и 37 часов для США и Европы. Также утверждается, что автомобильные фирмы по

⁶³ Савин Л. Евразийский Союз и теория сложных систем // Евразия, 19 июня 2013
<http://evrazia.org/article/2310>

всему миру направляются в сторону сетевого управления в целях достижения разнообразия в условиях интенсивного давления времени.⁶⁴

Сетцентризм

Не существует общепринятого определения термина «сетцентричности». Хасан и др.⁶⁵ описывают сетцентричную структуру как такую, которая позволяет членам организации создавать и эффективно использовать информацию, чтобы увеличить конкурентное преимущество за счет сотрудничества малых и гибких самоуправляемых команд. Возможность сделать это приводит к результатам от разработок информационно-компьютерных технологий, а также последующих изменений от индустриальной к информационной эпохе.

Инструменты цифровой демократии при сетцентризме предоставляют нам новую гибкость и независимость. Списки рассылки по электронной почте, групповое он-лайн обсуждение и блоги изменили ожидания людей, которые осваивают новые модели для демократических, гибких и сетцентричных подходов, хотя многие организации до сих пор придерживаются решительно традиционных «эго-ориентированных» методов. Существует накапливающаяся напряженность между эго-ориентированным мышлением и сетцентрическим мышлением, что представляет собой противоречие между институциональной властью, которая исходит от организации и транзакционной властью, присущей ежедневным взаимодействиям ее членов.⁶⁶

Сетцентричное мышление может, действительно, быть нелогичным для тех, кто достиг зрелости в традиционных организациях гражданского общества.⁶⁷

Новая форма власти позволяет органам, принимающим решения, расширяться до самых краев организации, до членства, которое не только создает ажиотаж среди сторонников, но и открывает глубокий кладезь творчества и экспертизы.

Подход старой власти постоянно удерживает этот необыкновенный ресурс знаний не использованным. Это описывается Алле⁶⁸ следующим образом. Это основа концепции интеллектуального труда, где работники имеют контроль над своей собственной деятельностью через знания, полученные в ходе подготовки и опыта.

Новые гетерархические и сетевые социальные структуры социального взаимодействия и творческой деятельности становятся частью цифровой гражданской культуры. Они соединяют людей вдоль всех традиционных границ. По словам Митчелла «сети и сообщества киберпространства подключили игроков в различных секторах, что всегда делали транспортные системы и города на земле»⁶⁹.

Ален де Вулпиан отмечал, что «этот процесс является чрезвычайно сложным. Он влияет на все уровни нашей общественной жизни, от экстремальных микро (например жизни супружеских пар и семей, сети друзей) до макро и мега (например, рождение новых организаций, жизнь компаний и государства, или регулятивные мировые органы). Если говорить упрощенно, то можно сказать, что взрыв личной автономии питает и обогащает социальную ткань, создавая экстремальные уровни комплексного взаимодействия,

⁶⁴ Jones C., Hesterly, W. S., & Borgatti, S. P. A general theory of network governance: Exchange conditions and social mechanisms. *Academy of Management Review*, 1997. 22(4): 911-945.

⁶⁵ Hasan H., Warne L. Crawford K. *Emergent Collective Learning in Network-Centric Organisations*, Society for Organisational Learning Global Forum, Vienna. 2005.

⁶⁶ Hasan H & Pousti, H. SNA as an attractor in emergent networks of research groups, CD. *Proceedings of the 17th Australasian Conference of Information Systems (ACIS 2006)*, Adelaide, 6-8 December 2006.

⁶⁷ Miller J. and Stuart R. *Network-Centric Thinking: The Internet's Challenge to Ego-Centric Institutions*, 2005.

⁶⁸ Allee V. *The Future of Knowledge: Increasing Prosperity through Value Networks*, Butterworth-Heinemann, USA. 2003.

⁶⁹ Mitchell W. J. *City of Bits*, MIT Press, 1997. p. 131.

благодаря которому выбираются ряд технических и технологических прогрессов; и эти выборы сами по себе укрепляют уровни индивидуальной автономии и социальной сложности. Эти взаимозависимости являются

вызывают к жизни новую форму общества, которая выбирает и выбирается новыми формами управления».⁷⁰

Эти новые связи и формы управления создают благоприятную почву для адаптации, инновации и новых творческих решений застарелых проблем. Тем не менее, исследования показывают, что организационные структуры и процессы идут медленнее, чтобы измениться в надлежащую сторону.⁷¹

Качество взаимодействия и отношений между людьми имеет решающее значение для эффективности и оперативных результатов. Поэтому в области создания сетевых организаций намеренно предпринимаются усилия по налаживанию кооперативных и гибких культур сообщества внутри иерархической бюрократической среды, которая традиционно является жесткой и конкурентоспособной.

Сетевая организация

Довольно близким понятием к сетевому управлению является сетевая организация. Предполагается, что при данном подходе организационная культура должна измениться от единственной, определяемой исключительно одной формой организацией (например, иерархии) к адаптивному гибриду, включающему несколько форм организаций в рамках одной организации.

Сетевая организация является разумным ответом на сложную среду и действующего актора чувствительности этой среды. Бизнес-климат в новом тысячелетии характеризуется глубокими и постоянными изменениями в связи с глобализацией, экспоненциальными прыжками в технологических возможностях и другими рыночными силами. Быстрое развитие информационных и компьютерных технологий направляет и поддерживает переход от индустриальной к информационной эре.

Соответственно, в этом мире быстрых изменений и неопределенности организации должны постоянно обновлять, изобретать и возрождать себя, чтобы творчески реагировать. Сетевая организация направлена на подключение к скрытым ресурсам знаний работников при поддержке и стимулировании информационно-компьютерных технологий, в частности социальных технологий, связанных с Web 2.0 и Enterprise 2.0. По существу, сетевая организация больше связана с людьми и культурой, чем технологиями.⁷²

Считается, что сетевая организация характеризуется тремя взаимосвязанными направлениями - работой со знаниями, гибридными предприятиями и разумной организацией.

Работа со знаниями.

Существует синтез мышления, обучения и действия в основе творческой человеческой деятельности, которая лежит в основе концепции интеллектуального труда. Работники умственного труда трудятся над задачами, которые когнитивно требовательны, включают сложные технические решения, высокий уровень профессионального и личного опыта. Работник знание проницателен, не только в отношении средств и цели своей

⁷⁰ De Vulpian A. Listening to Ordinary People, keynote address at the Society of Organizational Learning Conference, Vienna, September. 2005.

⁷¹ Warne L. Ali I. and Hasan H. The Network Centric Environment viewed through the Lens of Activity Theory, in G. Whymark and H. Hasan (eds) Activity as the Focus of Information Systems Research, Knowledge Creation Press, UCQ, 2005. P. 117-140.

⁷² Hasan H., Pousti H. SNA as an Attractor in Emergent Networks of Research Groups, 2006.

работы, но также по политическим и социальным аспектам. Большая часть этих знаний является негласными и разделяются внутри рабочей группы, становясь встроенной в ее культуру.

Существует большое пространство неизведанной территории между реальной работой со знаниями, которая ведется в организации, официальной организационной структурой и установленной практикой. Концентрация на формальных организационных программах, направленных на отдельных рабочих, игнорирует реальный характер методов работы, которые находятся в пространстве между организацией и отдельными точками зрения. Это пространство часто остается скрытым от организационного ландшафта и недооценено. Выявление характера этого скрытой пространства является ключом к пониманию работы со знаниями и имеет решающее значение для успешных организационных результатов и обучения.

Гибридные предприятия.

Многие предприятия являются гибридами иерархических бюрократических, гетерархических рабочих групп, распределенных по организационным и пространственным границам, и ответственных независимых личностей, где конкуренция и сотрудничество сосуществуют в связи со строгим разделением трудовой деятельности. Сетецентричные организации проводят разделение трудовой деятельности посредством собственного направления отдельных лиц и рабочих групп, а не через иерархию.

Предприятия, которые имеют сложные гибридные структуры, состоящие из иерархий и сетей больше похожи на органические эко-системы, чем на машины.⁷³

Последние связаны с эксплуатацией и бюрократией, а первые могут быть инновационными и объединены в сеть. Это отражает напряженность в отношениях между естественным стремлением к росту беспорядка, тогда как люди стремятся навести порядок, разрабатывая все более сложные жесткие структуры и системы. Вполне естественно, что организации могут являться частично механистическими, а частично органическими с постоянными преобразованиями среди этих форм. Сетецентричные организации принимают системы управления, которые управляют этими постоянными преобразованиями.

Разумная организация.

Сложная среда представляет собой предприятие со слишком большим диапазоном и разнообразием входов, так что их трудно понять логически. Попытки иметь дело со сложностью будут неудачны, если они направлены на упрощение либо установление контроля над сложными ситуациями. В данном случае есть смысл сохранять и поддерживать естественные творческие энергии сложных условий, поощряя появление новых инновационных форм работы.

Разумные предприятия станут гибкими и адаптируемыми путем включения большего творчества и разнообразия в свои структуры, процессы и человеческие ресурсы. Неформальность, интерактивность и адаптируемость небольших групп людей, сохраняет пространство для того, что мы традиционно называем "здоровым смыслом", а также для понимания и действия в условиях подотчетности и ограничений формального предприятия. Разумные менеджеры отказываются от некоторых традиционных подходов к управлению работниками знаний в малых самоуправляемых командах. Сетецентрическая организация также будет иметь повышенную потребность и зависимость от зондирования и анализа данных, а также действия обратной связи, обусловленного повторным применением цикла «чувства и реакции».

⁷³ Burns T., Stalker G.M. The Management of Innovation, 1961.

Сеть как экосистема

Необходимо отметить, что еще один существенный элемент, подтолкнувший к реорганизации политических институтов по принципу сетецентричного управления – это новая модель экономики. Не случайно на этот аспект указали Артур Сибровски и Джон Гарстка в своей совместной статье, посвященной необходимости реорганизации вооруженных сил США. Авторы отмечали, что происходит совместная эволюция экономики, информационных технологий, бизнес-процессов и организаций, которые связаны друг с другом тремя темами:

- Смещение акцента с платформы на сеть;
- Переход от рассмотрения действующих лиц в качестве независимых субъектов к рассмотрению их как части постоянно адаптирующихся экосистем;
- Важность принятия стратегических решений, направленных на адаптацию или даже выживание в таких меняющихся экосистемах.⁷⁴

В качестве удачного примера был приведен опыт компании Wal-Mart, которой удалось добиться перелома путем перехода к сетецентричным операциям и перевода информационного превосходство в конкурентное преимущество. Понимая, что можно экономически эффективно синхронизировать поставку и спрос сверху вниз, со временем компания создала сложную операционную архитектуру, состоящую из сенсорной структуры и сети транзакций, для того, чтобы получить высокий уровень осведомленности в рамках своей розничной экосистемы.

«Сканнеры с точек продажи - часть сенсорной сети - собирают информацию о 90 млн. сделок, которые осуществляются каждую неделю. Эта информация передается к поставщикам в режиме реального времени, поэтому они способны лучше контролировать производство и распространение продукции, а также управлять своими цепочками поставок».⁷⁵

Нечто подобное в финансовом секторе сделала немецкая компания Deutsche Morgan Grenfell, запустив услугу «Автобан». С нею DMG устранила асимметрию в обслуживании с помощью информационного превосходства. Этот сервис предоставляет стоимость покупки и продажи на все виды более чем 200 валют и акций, представленных на рынке. Информация по ценам передается всем проверенным клиентам, независимо от их габаритов, через сеть финансовых услуг Bloomberg. Клиенты могут использовать эту осведомленность в режиме реального времени для того, чтобы начать и завершить транзакцию в считанные секунды.

Сделав переход к сетецентричным операциям, DMG применила операционную архитектуру, сходную с компонентами Wal-Mart: сенсорная сеть, которая в открытом доступе объединяет информацию о рынке; сетка для транзакций, которая позволяет получить высокую скорость операций и информационная сетка в виде сети финансовых услуг Bloomberg.

Это свидетельствует о том, что на переход к сетецентричной модели управления и широкое распространение сетевых структур повлияла новая модель экономики, в том числе финансовые инструменты, такие как система VISA, уже упоминаемая ранее.

⁷⁴ Moore, James F. *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*, Harper Business, 1996.

⁷⁵ Cebrowski A., Garstka J. *Network-Centric Warfare: Its Origins and Future*. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.

Концепция рабочей сети

Одним из новейших подходов является создание рабочей сети (worknetting). Рабочая сеть (Worknet) является формой организации, где заинтересованные стороны, лица или учреждения могут сплотиться вместе вокруг общей цели. В то время как сетевые центры находятся вокруг отношений между партнерами, сетевые рабочие центры присутствуют во всех отношениях каждого партнера с общей целью. Таким образом, уникальные преимущества и вклад каждого партнера может быть оптимизирован и расширен, так как они находятся в контексте взаимного интереса рабочих сетевых центров.

Рабочая сеть (Worknet) представляет собой термин, описывающий группу онлайн участников и приложений для совместной работы над определенной темой или целью. Это область, которая связана с пересечением организационного поведения и информатики. Сама деятельность называется создание рабочей сети (worknetting) и была описана в 2007 году как новое направление для 2008 года в бюллетене для маркетологов, а в дальнейшем обсуждалась и разрабатывалась на Web 2.0 Expo 2008 в Сан-Франциско.

Worknetting является новой разработкой, и может рассматриваться как ближайший шаг вперед от социальных сетей в Интернете. Тогда как создание социальной сети сосредотачивается на создании интернет-зависимости для ее участников на основе личных и организационных профилей и позволяет им общаться друг с другом, worknet позволяет сети людей и организаций, по-настоящему сотрудничать и делать бизнес друг с другом на основе общих интересов, через сотрудничество над проектом, совместное создание продукции или политики, организации мероприятий, управление, обмен опытом и т.д. Эта деятельность называется worknetting. Группа участников и соответствующих приложений вместе составляют worknet.

Worknetting может проводиться между людьми в различных организациях, но также и внутри одной организации. Хизер М. Карузо и др. указывает, что «независимо от того, как устроена организация с многочисленными отделами, она должна найти эффективные способы для спонтанной и ответственной координации информации и деятельности через свои единицы».⁷⁶

Worknets также могут включать коммуникацию между практикующими сообществами, которые поставляют социальный капитал: «Разрабатывая связи между практикующими, которые могут или не могут быть размещенным [...] сообщества практики служат в качестве генераторов для социального капитала».⁷⁷

Концепция worknet исходила с точки зрения, что хотя многие приложения в настоящее время существуют в Интернете в качестве самостоятельных приложений для ведения бизнеса и совместной работы (например, Google Docs) большинство из них рассеивается и, таким образом, создать "туманное рабочее пространство" для кросс-организационного и межличностного сотрудничества. И они не связаны с людьми или организационными профилями, тем самым, снижая возможный уровень доверия, необходимый для ведения бизнеса через Интернет. Это осложняется еще и тем, что многие заинтересованные стороны действуют в ряде закрытых сетей (часто называемых порталами) в то же время, что требует от участников иметь несколько профилей для каждого портала в котором они участвуют. Worknet позволяет сетевой группе установить сотрудничество, сообществу соответствовать цели, а инструменты, связанные с этой целью объединять в одном пространстве.

⁷⁶ Heather M. Caruso. Boundaries Need Not Be Barriers: Leading Collaboration among Groups in Decentralized Organizations, Harvard University, 2007.

⁷⁷ E. L. Lesser, J. Storck. Communities of practice and organizational performance. IBM SYSTEMS JOURNAL, VOL 40, NO 4, 2001. P. 831-841.

Большим отличием между социальными сетями и worknet является не только тип приложения для совместной работы, которое предлагается участникам за рамками простых сетей и коммуникаций, это также подход: Worknetting не рассматривает участника в качестве отправной точки, пытаясь дать участникам много целей с приложениями, но представляет общий знаменатель между участниками в качестве отправной точки, используя различные структуры и приложения для дальнейшего взаимодействия, что и является единственной причиной для такой совместной работы.

Самую раннюю онлайн форму worknetting можно посмотреть на сайте worknets.com. Предоставление рабочей сети онлайн в качестве платформы, облегчающей работу совместной группы, развивается с новыми веб-технологиями, обеспечивающих новые способы, позволяющие создавать команды, сообщества и сети по всему миру.

Основным элементом рабочей сети является социальный капитал. Социальный капитал развивается в трех ключевых измерениях: структурном, отношенческом (реляционном) и когнитивном.

Структурное измерение. В основном, структурный измерение социального капитала относится к способности людей устанавливать коммуникации к другими людьми внутри организации.

Эти соединения «составляют информационные каналы, которые уменьшают количество времени и инвестиций, необходимых для сбора информации».⁷⁸

Реляционное измерение. Создание связей через сети является одним из важных компонентов создания социального капитала. Другим компонентом является развитие межличностных отношений, которые усиливают эти начальные связи между частными лицами. Предполагается, что существуют четыре компонента реляционного измерения: обязательства, нормы, доверие, и идентификация. Обязанности относятся к чувству взаимности, например, готовность ответить благосклонностью на благосклонность. Нормы включают в себя установку общих стандартов поведения, которые люди готовы соблюдать. Доверие предполагает предсказуемость действий другого человека в той или иной ситуации, в то время как идентификация относится к процессу, посредством которого люди видят себя объединенными с другой персоной или группой индивидуумов.

Данные тематических исследований показывают, что практикующие сообщества играют важную роль в оказании влияния на реляционное измерение внутри организации.

Многие виды деятельности лицом к лицу, не только стали проще для людей, чтобы определять других лиц со сходными интересами, но и позволили людям развивать чувство эмпатии вокруг общих испытаний и невзгод. Встречи лицом к лицу не только построили коммуникацию между членами сообщества, но и способствовали доступу к более опытным практикам, на что новые сотрудники ранее не могли рассчитывать. Учитывая, что наиболее знающие практики часто имеют наибольший спрос на их время, членство в сообществе служило в качестве механизма отбора для определения тех, на кого они были готовы тратить время. Другой механизм, который способствовал чувству взаимного доверия и обязательств, состоял в развитии общих хранилищ и баз данных дискуссий, которые активно управлялись сообществом. В этих общих пространствах люди начали оценивать, кто делал взносы в рамках более крупного пула знаний сообщества, и начали обсуждать готовность других делиться документами, шаблонами и другими подобными артефактами знаний.

Когнитивное измерение. В дополнение к коммуникациям и доверию, третьим важным аспектом социального капитала является развитие общего контекста между двумя сторонами. Как пишут Нахапьет и Гошал, «в той степени, в которой люди разделяют общий язык, это облегчает их способность получать доступ к людям и их информации. В

⁷⁸ Nahapiet J., Ghoshal S., "Social Capital, Intellectual Capital and the Organizational Advantage," *Academy of Management Review* 23, 1998. No. 2, 242–266.

той степени, в которой их язык и коды различны, это удержит людей друг от друга и ограничивает их доступ».⁷⁹

Это использование общего языка включает в себя, но выходит за рамки языков, таких как английский, испанский, японский, и т.д. В нем также рассматриваются сокращения, тонкости и лежащие в основе предположения, которые являются основой каждодневного взаимодействия. Кроме того, эта идея общего контекста также может быть расширена с использованием общих нарративов или историй, которые могут позволить лицам осмыслить их нынешнюю рабочую среду и их относительную роль в ней.

Еще одно направление деятельности, которое было полезно в создании общего контекста - это развитие таксономии в рамках общих репозиториях, управляемых членами сообщества. Практически все случаи, которые мы изучали предусматривали разработку какой-то структурированной хранилище, где отдельные члены могут представить артефакты знания, такие как научно-исследовательских работ, презентаций и других форм интеллектуального капитала, которые могут быть переработаны на других. По классификации и организации этих документов в течение таксономии, где другие могли найти материалы, многие из сообществ помогли создать общий механизм для структурирования и хранения коллективной памяти их членов.

13 февраля 2006 г. в статье компании Forrester Research, исследующей рынки предполагалось, что: «Легкость подключения, вызванное дешевыми устройствами, модульным содержанием и общими вычислительными ресурсами оказывают глубокое воздействие на нашу глобальную экономику и социальную структуру. Люди все чаще брать пример друг с друга, а не с институциональных источников, таких как корпорации, СМИ, религия и политические органы. Чтобы выжить в эпоху социальных сетей, компании должны отказаться от управления сверху вниз и тактики коммуникации, связывать сообщество со своими продуктами и услугами, использовать сотрудников и партнеров в качестве маркетологов, и стать частью живой ткани брендируемых сторонников».

Сотрудничество между компаниями показало, что оно стало ключевым фактором эффективности бизнеса. «Как правило, глобальные компании, которые сотрудничают лучше, работают лучше. Те, которые сотрудничают меньше, то и выполняют меньше». Сотрудничество между компаниями будет вестись между профессионалами, нанятыми этими компаниями. А Worknets позволяют установить и поддерживать отношения между компаниями.

Смена власти в традиционных организациях

Традиционные организации, которые способствуют жесткой иерархической структуре и эгоцентричным методам до сих пор используют устаревшие концепции, где полномочия по принятию решений лежат исключительно в области корпоративной штаб-квартиры. Изменения в результате развития информационно-компьютерных технологий и Интернета, сделали более трудным обеспечение платформы для эффективного, действенного управления и операций. Как отметил Де Вулпиан «мы находимся в процессе перехода от пирамидального, иерархического общества к одноэтажному обществу, где властвуют гетерархические отношения».⁸⁰

Существует противоречие между эго-ориентированным мышлением и сетевым мышлением - противоречие между институциональной властью, что

⁷⁹ Nahapiet J., Ghoshal S., "Social Capital, Intellectual Capital and the Organizational Advantage," *Academy of Management Review* 23, 1998. No. 2, 242-266.

⁸⁰ De Vulpian, A. "Listening to Ordinary People", keynote address at the Society of Organizational Learning Conference, Vienna, 2005. September.

исходит от организации, и транзакционной властью, присущей ежедневному взаимодействию ее членов. Прогрессивные организации имеют тенденцию к переориентации на поддерживающие команды в стиле сетевого сообщества. Существует растущее осознание того, что если «решения позволили перейти от корпоративной штаб-квартиры к отдельным бизнес-единицам, эти единицы, в свою очередь распределяют власть и принятия решений самоуправляемым командам и центрам прибыли»⁸¹

Это основа концепции интеллектуального труда, где работники имеют контроль над своей собственной деятельностью через знания, полученные в ходе как подготовки, так и опыта.

Также структура сетей может строиться как по иерархическому принципу, так и гетерархическому.

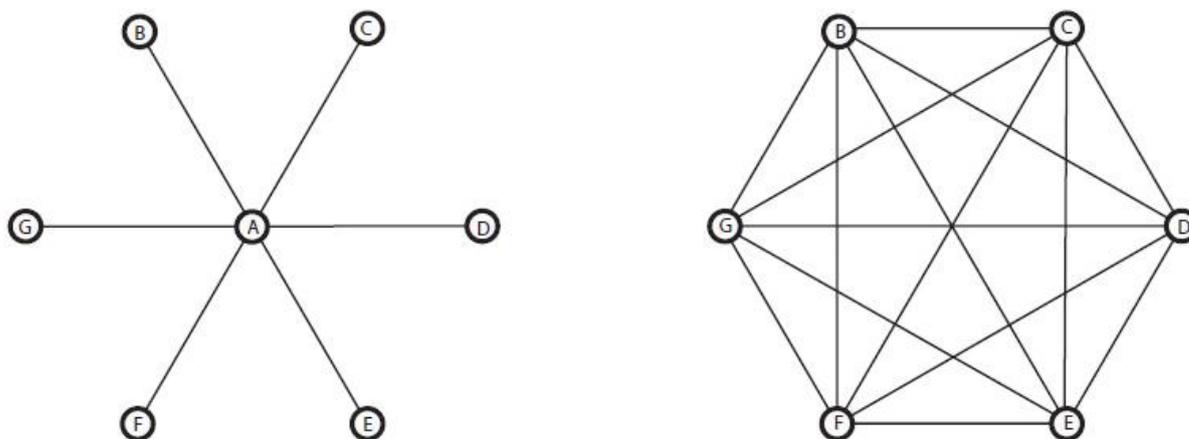

Рис. 7. Иерархическая сеть в форме звезды и гетерархическая универсальная сеть

Барьеры на пути к обмену информацией в рамках организации

Даже если в организационном плане будет построена идеальная сеть, а ее звенья иметь достаточно ресурсов для реализации деятельности, она не будет избавлена от проблемы, связанной с информационным взаимодействием. Как пишет Х. Карузо, существует три основных проблемы в организации сетевидной модели управления и сотрудничества - это межгрупповое предубеждение, территориальность группы и слабые переговоры.⁸²

Межгрупповое предубеждение.

Одним из ключевых препятствием для обмена трансграничной информации происходит по причине, что организации устанавливают границы группы, чтобы начать с построения узнаваемого и значимого различия между группами. Основная потребность в самоуважении призывает членов затронутых групп использовать такие различия в свою пользу - то есть, поставить себя (в силу членства в группе) отдельно от других таким образом, чтобы повисить свой имидж и репутацию.

Для этого, члены организации будут вести себя таким образом, чтобы создать благоприятную репутацию для своей группы по отношению к другой группы, или «положительную самобытность».⁸³

⁸¹ Allee, V. "The Future of Knowledge: Increasing Prosperity through Value Networks", Butterworth-Heinemann, USA. 2003.

⁸² Heather M. Caruso. Boundaries Need Not Be Barriers: Leading Collaboration among Groups in Decentralized Organizations, Harvard University, 2007.

⁸³ Henri Tajfel and John C. Turner, "The social identity theory of inter-group behavior," in Psychology of Intergroup Relations, ed. S. Worchel and L. W. Austin, Chicago: Nelson Hall, 1986.

Это создает основу для межгрупповых предубеждений - систематическую тенденцию к несправедливому отношению к своей собственной группы или ее членов лучше, чем другой группе или ее членов.

Межгрупповое предубеждение может быть крайним в ситуации, когда группы стремятся получить лучшие результаты для себя, потому что они воспринимают себя перед лицом реалистично групповых конфликтов - соперничества из-за какого-то дефицитного ресурса.⁸⁴

Финансирование компании, доступ к рынкам, права на интеллектуальную собственность, а также другие многочисленные организационные активы потенциально являются дефицитными ресурсами, из-за которых организационные группы могут (или чувствуют, что они должны) конкурировать.

К сожалению, в то время как конкуренция по этим конкретным вопросам иногда может быть необходимой и разумной, исследования показывают, что конкурентные побуждения могут перейти к ненужной межгрупповой враждебности за пределами формальной конкуренции.⁸⁵

Туман, созданный законной конкуренцией между организационными группами, может даже запретить членам группы признать или воспользоваться несвязанными возможностями для обмена взаимовыгодной информацией и сотрудничества. Борьба за ведомственные офисные помещения может, например, снизить готовность членов ИТ-подразделений к обмену всех видов, не связанных активов (например, оборудование, персонал, знания), с "другой стороной". Воспринимаемая конкуренция может также создать преувеличенный страх саботажа, предрасполагающий участников группы утаивать информацию от других групп, которая могла бы сделать их уязвимыми.

Территориальность группы.

Организационные границы служат не только для отличия групп друг от друга, но и для определения групп в более абсолютном смысле - идентификация и очерчивания территории, которую будет занимать организация. Эта территория, как правило, включает в себя физическое пространство и иные материальные объекты, а также любое количество нематериальных объектов, таких как деятельность, функции, проблемы, идеи и информация.⁸⁶

К сожалению, создание такой территории может иметь негативные последствия для трансграничного сотрудничества, так как она дает членам группы чувство психологической собственности - претензии, или чувства собственности и привязанности к территориальным объектам.⁸⁷

Группы могут начать рассматривать себя в качестве единственного законного исполнителя определенных задач или обладателя определенных знаний, а затем привязывать себя к этим ожиданиям за счет ограничения своей деятельности и обмена информацией для внутригрупповых пользователей. Такое поведение классифицируется как случаи групповой территориальности - действия, предпринимаемые группой или

⁸⁴ Robert A. Levine and Donald T. Campbell, *Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes, and group behavior*. New York: John Wiley & Sons, 1972.

⁸⁵ Muzafer Sherif, O. J. Harvey, B. Jack White, William R. Hood, and Carolyn W. Sherif, *Intergroup conflict and cooperation; the Robbers Cave experiment*. Norman, OK: University Book Exchange, 1961.

⁸⁶ Ernest Beaglehole, *Property; a study in social psychology*. New York: Macmillan Co., 1932; Gurcharan Das, "Local memoirs of a global manager." *Harvard Business Review*, 1993. 71, no. 2; Michael G. Pratt and Jane E. Dutton, "Owning up or opting out: The role of emotions and identities in issue ownership." in *Emotions in the workplace: Research, theory, and practice.*, eds. Neal M. Ashkanasy, Charmine E. Härtel, and Wilfred J. Zerbe (Westport, CT: Quorum Books/Greenwood Publishing Group, 2000).

⁸⁷ Jon L. Pierce, Tatiana Kostova, and Kurt T. Dirks, "The state of psychological ownership: Integrating and extending a century of research." *Review of General Psychology* 7, no. 1. 2003; Jon L. Pierce, Tatiana Kostova, and Kurt T. Dirks, "Toward a theory of psychological ownership in organizations." *Academy of Management Review* 2001. 26, no. 2.

отдельными лицами от имени своей группы, которые предназначены для отражения, коммуникации, сохранения или восстановления психологической собственности группы на ее территории. В отличие от межгруппового предубеждения, это льготное внимание на внутренней группе не вытекают из желания улучшить положение в своей группе по отношению к другим. Вместо этого, такое поведение является направленным вовнутрь; оно вытекает из необходимости уважать и подтверждать идентичность, эффективность и безопасность группы в рамках организации. Тем не менее, территориальность группы может представлять собой значительное препятствие на пути к возникающему межгрупповому сотрудничеству и обмену информацией.

Например, территориальность группы может проявляться как институт барьеров, которые препятствуют членам чужой группы даже попытаться получить доступ к информации о группе. Такое поведение называется "маркировкой".⁸⁸ и оно предназначено, чтобы сделать территорию группы оформленной, отражать личность ее владельцев, и продемонстрировать свою собственность другим лицам. Маркировка использует как физические символы (отметка на почтовых ящиках, логотип группы на фирменном бланке и т.д.), так и более социальные (например, жаргон эзотерической группы, чтобы обращаться к запатентованным знаниям), часто группы сначала стараются осведомить других о своей территории, и начать процесс ведения переговоров, чтобы остальные приняли их территориальные притязания в социальной среде.

Более решительные территориальные действия могут возникнуть, когда группа чувствует необходимость защищать или восстанавливать свою территорию. В таких ситуациях, группы стремятся ограничить территориальный доступ отдельным членам группы. Первоначально группы, вероятно, принимают меры упреждающей защиты, принятые до любого территориального нарушения с целью сорвать такие попытки (например, хранить или шифровать свою информацию на защищенном паролем компьютере). Если члены чужой группы преодолеют упреждающую защиту, группа, скорее всего, займет реакционную оборону - это будет реакция на территориальное нарушение, направленное на ликвидацию последствий от него и восстановление территории для группы (например, дискредитация понимания информации чужой группы, и получение новой информации более высокого качества).

Территориальное поведение в децентрализованных организациях поддерживается тремя важными и универсальными потребностями группы. Во-первых, территориальность служит нуждам группы по созданию, развитию и охраны концепции своей группы рамках организации - групповой идентичности. Территория группы здесь может быть полезна, потому что люди могут всего лишь искать тех, кто имеет доступ к территории в качестве показателя принадлежности к группе. Примечательно, что в отличие от межгруппового предубеждения, потребность в групповой идентичности, скорее всего, поощряет группы цепляться за территории как с высоким, так и с низким статусом, при условии, что эта территория утверждает их членство и отношения с другими организационными подразделениями.

Вторая необходимость группы, которая опоясывает территориальность группы - это необходимость создания и поддержания чувства групповой эффективности в организационно-значимых областях. Эта форма эффективности относится к вере группы в коллективную способность организовывать и проводить действия, необходимые для достижения желаемых целей.⁸⁹

На самом широком уровне, идентификация и защита территории группы помогает группам определить цели, которые они должны стремиться достигнуть. Более того, когда

⁸⁸ Graham Brown, Thomas B. Lawrence, and Sandra L. Robinson, "Territoriality in Organizations." *Academy of Management Review*. 2005. 30, no. 3.

⁸⁹ Albert Bandura, *Self-efficacy: the exercise of control*. New York: W.H. Freeman, 1997.

территория группы широко признается другими, такое признание может служить в качестве косвенного одобрения эффективности группы в смежных областях.

Последняя необходимость для территориальности группы состоит в необходимости обеспечения безопасности в рамках организационной среды - потребность в относительно стабильном и знакомом "месте", с которого идут запросы, доступ и взаимодействие с остальной частью организации. Когда группа чувствует себя в безопасности в своей среде, она может легче развивать ожидания и прогнозы относительно своего окружения, облегчая планирование и выполнение мероприятий. Кроме того, она может расслабиться или искоренять любые опасения по поводу выдавливания из окружающей среды, поэтому члены группы могут делать долгосрочные инвестиции в их работу и настраиваться на более амбициозные цели.

Слабые переговоры в рамках организации.

Последний барьер для эффективного трансграничного обмена информацией состоит в слабой стратегии членов различных организационных подразделений при проведении переговоров друг с другом. В одном часто используемом моделировании в классе, два подразделения реалистичной (но вымышленной) организации проводили переговоры по передаче технологии.⁹⁰

Два подразделения могут заключить сделку, которая создаст ценность для компании, а природа соглашения повлияет на фактический уровень рентабельности, который получают каждое подразделение и сама организация. Моделирование показывает, что люди спонтанно создают большой пирог, чтобы разделить его внутри корпорации, но претендуют на больший кусок пирога для своего подразделения. Тем не менее, обе стороны обычно обращают внимание только на требовательный аспект, разрушая ценность для себя и своей организации. Эти неудачи объясняются как неправильными когнитивными предположениями, а также отсутствием навыков и сильных ситуационных сил, необходимых для содействия более эффективным переговорам.⁹¹

Возможно, три самые важные ошибки, допущенные при этом представляют собой миф о "фиксированном пироге" в переговорах, неспособности тщательно рассмотреть процессы принятия решений у своего партнера по переговорам, и отказ признать возможность обсуждения в первую очередь.

Когда стороны вступают в переговоры, они слишком часто предполагают, что их задача состоит в том, чтобы разделить фиксированный пирог ресурсов. Исследователи описали эту тенденцию, чтобы просмотреть конкурентные ситуации в качестве подхода выигрыш-проигрыш как мышление «мифического фиксированного пирога».⁹² Это общее убеждение приходит с опытом переговорщиков с такими видами конкуренции, которые являются чисто распределительными, например, спортивные мероприятия, университетские конкурсы, а также некоторые виды систем корпоративного продвижения.⁹³

На самом деле, чисто распределительные переговоры в переговорах в рамках организационных границ достаточно редки. Но в вопросе фиксированного пирога можно включить и многие другие вопросы. Например, переговоры могут также включать интересы сторон по срокам информации или обмену продукцией, рассмотрение краткосрочных и долгосрочных потребностей, или распределения кредита для совместных

⁹⁰ Max H. Bazerman and Jeanne M. Brett. "El-Tek Simulation." Dispute Resolution Research Center, Northwestern University. 1988.

⁹¹ Howard Raiffa, John Richardson, and David Metcalfe, *Negotiation Analysis. The Science and Art of Collaborative Decision-making*. Cambridge MA: Harvard University Press, 2003.

⁹² Max H. Bazerman. "Negotiator judgment: A critical look at the rationality assumption." *American Behavioral Scientist*, 1983. 27. no. 2: 211-228.

⁹³ Max H. Bazerman and Katie Shonk. "The Decision Perspective to Negotiation," in *Handbook of Dispute Resolution*, eds. R. Bordone and M. Moffitt. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2005.

результатов. Путем выявления более широкого набора интересов и проблем, становится легче вести переговоры, чтобы сделать взаимовыгодные компромиссы, которые увеличат ценность пирога. К мифу о фиксированном пироге относится и познавательный отказ в полной мере учитывать перспективу и процессы принятия решений другой стороной. Хотя многие люди признают важность "поставить себя на место других", достаточно исследований показывает, что большинство из нас не в состоянии сделать это. Цена, которую мы платим за эту неудачу состоит в худших результатах переговоров. Для того, чтобы лучше определить области, где взаимовыгодные сделки возможны, переговорщики должны понять, как, и в каких областях их партнеры по переговорам оценивают вопросы иначе, чем они сами. Объединив эти значения асимметрии в интеграционных сделках, обе стороны могут сделать лучше, чем они могут, просто придя к компромиссу по всем вопросам. В отличие от этого, когда члены организации из одного подразделения не рассчитывают или не знают о лежащих в основе интересах на переговорах другого подразделения, то становится все более вероятным, что взаимовыгодные сделки не состоятся, и что организация пострадает.

В прошлом когнитивный барьер для эффективных переговоров между отделами состоял в том, что стороны не признавали, что они участвуют в переговорах вообще, и таким образом, отсутствовала сопровождающая возможность для создания ценности. Так как многие (ошибочно) рассматривали основную функцию переговоров в качестве распределения фиксированного пирога, переговоры часто подвергались стигматизации в качестве враждебной деятельности. Таким образом, при взаимодействии с представителями других подразделений, многие благонамеренные агенты чувствуют, что они не должны подходить к взаимодействию через переговоры. В процессе, однако, они отказываются от возможности создания ценности как для организации в целом, так и для своих подразделений.

Помимо когнитивных предубеждений, культурные нормы также могут также сильно повлиять на переговоры между отделами.

Чтобы преодолеть эти три угрозы, подрывающие возможности децентрализованной сетевидной организации, необходимо выполнить три условия.

1. Связать интересы с вышестоящими интересами.

Подходы к преодолению межгрупповых предубеждений часто сосредотачиваются на уменьшении наличия или выпуклого различия между группами. Если можно заменить разные цели группы общей целью, то группы, вероятно, обнаружат, что они имеют мало оснований для вражды. В действительности у них нет содержательной основы для продолжения определять друг друга в качестве отдельных групп. Подобный подход манипулирует групповой идентичностью непосредственно для улучшения сотрудничества, поощряя группы заменить субординационные (мы и они) групповые тождества на вышестоящую (мы) идентичность. Такая реклассификация может усилить внимание на сходстве членов группы, и уменьшить внимание на их различиях, тем самым успешно снизив предубеждения.

В децентрализованных организациях, однако, может быть важным сохранение и даже подчеркивание заботы о различных групповых целях и идентичностях, с тем, чтобы содействовать эффективному открытию соответствующих ресурсов и опыта. Фокусировка членов группы исключительно на вышестоящих организационных структурах или целях может также отвлечь пользователей от мышления и действия теми методами, которые в соответствии с их членством в группе, уменьшают их способность обеспечивать локализованный фокус, перспективы и действия, от которых зависит децентрализованная организационная структура. Предполагается, что организации могут извлечь наибольшую выгоду, не только акцентируя вышестоящие интересы, но, одновременно, подчеркивая способы, от которых эти интересы зависят от подчиненных групповых целей и идентичностей. Такие усилия не только требуют, чтобы менеджеры принимали как

групповые, так и вышестоящие интересы - менеджеры также должны четко и несколько по-особому формулировать жизненно важный вклад целей каждой группы в достижение целей организации, а также идентичности каждой группы для идентичности организации. Должно быть ясно, что ни одна группа не может достичь вышестоящей цели, и ни одна группа не может дать организации достаточное богатство и глубину. Члены группы, таким образом, должны поощряться, чтобы они рассматривали себя принципиально связанными с членами другой группы, осознавая при этом тот факт, что сама связь зависит от их способности передавать их самобытный опыт другим.

2. Рамочное сотрудничество как решение потребностей группы.

Естественным порывом для групп и их членов является удовлетворение своих потребностей в идентичности, эффективности и безопасности, которое становится внутренне сосредоточенным и использует территорию группы. Следовательно, группы игнорируют или не признают возможности удовлетворить свои потребности за счет взаимодействия с другими группами.

Лидеры могут сдвинуть такой подход и удовлетворить потребность группы по строительству и выражению групповой идентичности путем маркировки совместных отношений и поведения в качестве ценной характеристики, а также определяя участие (или его отсутствие) в совместном обмене информацией в качестве средства, с помощью которого группа устанавливает свои позиции на характеристике «стремления к сотрудничеству». Повышение профиля стремления к сотрудничеству как измерение идентичности позволяет группам относиться друг к другу не только с точки зрения их собственной территории, но и с точки зрения их подхода к обмену и эксплуатации территории. Таким образом, лидеры создают новые возможности для групп, направленные на обогащение своей идентичности, уделяя внимание и регулируя интенсивность и способы их усилий по взаимодействию с другими организационными группами.

С ростом популярности кросс-функциональных команд, кажется, что должно быть особенно легко сотрудничать членам группы для развития новых компетенций и повышения их чувства эффективности. Тем не менее, поскольку люди часто втягиваются в сотрудничество по функциональным или дисциплинарным границам, члены группы могут подумать, что они были выбраны, чтобы, прежде всего, «представлять» и отстаивать идеи своей группы, включая подходы к взаимодействию. Даже когда лидеры подчеркивают стремление для различных групп сотрудничать в целях содействия их совместному пониманию организации, это послание направляет внимание группы на демонстрацию их эффективности, а не на возможности улучшения. Поэтому предлагается, что лидеры одобряют сотрудничество в рамках организации не только как возможность внести свой вклад в другие группы и организации, но и как важную возможность опираться для этого на ресурсы и перспективы других групп, так как в противном случае рост и достижения будут недоступны.

Лидеры могут также обратиться к нуждам группы по причинам безопасности в организационной среде, путем формирования понимания участников группы информационного обмена и сотрудничества. Можно начать с вероятности того, что внутри территориального внимания группы будут освещаться риски в области безопасности трансграничного сотрудничества, которые повлекут за собой уязвимость, потери тотального контроля и предсказуемости в отношении видов деятельности группы. Рекомендуются, чтобы лидеры устранили эту озабоченность и сосредоточили внимание людей на том, что эти же черты сотрудничества также дают группам осознание, влияние и способность комфортно приспособиться к намерениям друг друга, так что каждая группа может избежать каких-либо действий исподтишка со стороны внешней группы. Подчеркивая такую перспективу существенных потерь, лидеры могут извлечь выгоду от

потребностей группы к выживанию и увеличить готовность групп и их членов принять риски безопасности, связанные с информационным обменом и сотрудничеством.

3. Поощрение эффективного поведения ведения переговоров.

Члены организации не максимизируют ценность своих переговоров между отделами из-за недостаточной подготовки к переговорам и недостаточному стимулированию использования техники создания ценностей. Без помощи со стороны члены организации вряд ли опровергнут «миф о фиксированном пироге» или признают и устранят их естественное невнимание к интересам других. А потому нет ничего удивительного в том, что обучение переговорам в настоящее время считается стандартным элементом учебной программы в ведущих бизнес-школах во всем мире. Ведущие организации не могут позволить себе отставать в развитии этого основного качества, так как путем предоставления необученным сотрудникам ролей, которые включают взаимодействие разных подразделений, организации утрачивают огромные возможности для создания ценности и подвергают себя ненужному риску. Второй аспект помощи членам организации по эффективному проведению переговоров, охватывающих границы подразделений, состоит в установлении прочных и явных норм, которые поощряют постоянное применение техник по созданию ценностей - совместный сбор информации и ее раскрытие.

Для получения оптимальных результатов, поэтому, необходимо, чтобы лидер прививал и усиливал нормы, которые способствуют совместному подходу к созданию ценности в переговорах, поощряют обмен информацией и явно препятствуют накоплению информации. Конечно, конкурентные тактики подходят для подразделений, стремящихся разделить пирог, чтобы его общая ценность была максимальной, но совместные нормы лучше влияют на процесс создания ценности.

Фактор поколений

Тезис И.С. Тургенева о барьере непонимания между различными поколениями, выраженный в романе «Отцы и дети» напрямую относится и к управленческой культуре. Очевидно, что новые технологии быстрее усваиваются и адаптируются более молодым поколением, тогда как более старшее поколение в своей работе опирается на личный опыт, коллегиальную лояльность, апеллирует к авторитету и старается не использовать новшества, особенно, связанные с технологиями.

Существуют разные типы определения поколений, при этом они отличаются в разных странах. В России приняты термины «шестидесятники», «семидесятники», «перестроичники», тогда как в США говорят о «бэби-бумерах» и поколении next.

Недавно в обиход было введено название «Поколение Y», который используется социологами для описания молодых людей, родившихся после 1980 г. и для которых Интернет стал неотъемлемой частью жизни. Для них также существуют синонимы «поколение net» и «поколение C». Последний ярлык предложили специалисты компании Booz & Company, занимающиеся вопросами стратегии и технологической трансформации (на английском языке ряд слов, характеризующих новый тип людей, начинается с буквы «C» – connected, communicating, content-centric, computerized, community-oriented, clicking).⁹⁴

В их исследовании «Появление поколения C» указывается, что эти люди, как правило, родились в 1990 г., а к 2020 г. будут составлять 40% населения в странах Европы, США, БРИКС и 10% в остальных странах. Они образуют самую большую в мире группу потребителей. Это будет первое поколение, которое не знает иной реальности, кроме той,

⁹⁴ Friedrich R., Michael Peterson M., Koster A. The Rise of Generation C. Implications for the world of 2020. http://www.strategyand.pwc.com/media/file/Strategyand_Rise-of-Generation-C.pdf.

что представлена в Интернете, мобильных устройствах и социальных сетях. Они хорошо знакомы с технологиями, постоянно используют различные сервисы для коммуникации, в работе с мобильным телефоном чаще применяют текстовые сообщения, а не голос. Это новое «поколение С», полагают исследователи Booz & Company, создаст жизненный цикл, который поможет стимулировать экономический рост.

По этим расчётам, взаимосвязь технологий и социальных сетей породит общество нового формата, отличное от традиционных социальных связей (семья, друзья, коллеги по работе и т.д.). Новое общество, расширив (или исказив) традиционные социальные отношения, вберёт знакомых, онлайн-собеседников, анонимов из групп по интересам. Этот тип общественного объединения условно назван «социальное животное 2.0».

Авторы концепции предрекают в скором времени увеличение политического и экономического давления на индивида, расширение доступа к личной информации людей – их счетов, деталей о платежах и покупках, предпочтений, интересов, членствах и т.д. При этом зависимость от цифровых технологий у старших поколений также будет возрастать.

Социальная виртуализация будет проходить повсеместно. Интернет также станет децентрализованным. Традиционные порталы уйдут в прошлое. Интернет-сервисы будут динамично переконфигурироваться, исходя из предпочтений потребителей. Центром бытия человека станет цифровая идентичность, структурирующая сферы работы и досуга, включающие в себя труд, дом, развлечения, коммуникации, шопинг, передвижения, заботу о здоровье и т.п. Эти сферы будут обволакивать кольцо «приспособлений» – технических устройств, необходимых для связи, а над ним находится еще один концентрический круг под названием «подключение». Таким образом, индивид будет находиться во «всегда подключенном мире».⁹⁵

Пока это не является данностью, но в той или иной форме может проявляться в различных сферах жизни, в том числе в политическом управлении и предпринимательстве.

Особенно важны, на наш взгляд два фактора, отмеченные в докладе, которые могут быть применимы в сетевом государственном управлении. Первый – это социальная виртуализация. Поскольку подключение, социальные сети, а также отношение к личной свободе будут проникать дальше, проходя сквозь стены корпораций и государственных служб, то и жизнь чиновников и служащих будет сдвигаться от традиционной иерархической структуры. Вместо этого, работники, смешивая бизнес и личные дела в течение дня, будут «самоорганизовываться» в живые «сообщества по интересам». К 2020 году более половины сотрудников крупных корпораций будет работать в виртуальных проектных группах.

Второй – это цифровое предпринимательство. Опытные и инновационные цифровые предприниматели появятся во всем развивающемся мире в огромных количествах. Рост этих предпринимателей представляет собой потенциал, который значительно нарушит традиционные западные бизнес-модели. И них есть так называемая «высоко подключенная аудитория», которая может извлечь выгоду из своих новых идей. В городах Китая, например, 76 % людей уже постоянно находятся в сети, а 61 % имеют широкополосный Интернет у себя дома. Западные страны в настоящее время лидируют всего в отношении двух критических онлайн-услуг – электронной коммерции (Германия) и Интернет-рекламе (Великобритания), в то время как незападные страны идут впереди в ряде других направлений: широкополосный Интернет (Южная Корея), социальные сети (Бразилия), онлайн-игры (Китай), мобильные платежи (Япония) и

⁹⁵ Савин Л. Теория хаоса и стратегическое мышление // Фонд стратегической культуры, 23.03.2011 <http://www.fondsk.ru/news/2011/03/23/teorija-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie-2513.html>

микротранзакции через SMS (Филиппины).⁹⁶ Россия также могла бы извлечь определенные уроки из данных подходов, чтобы реализовать в сфере различных проектах регионального и федерального значения.

Социальные технологии

В настоящее время получила распространение новая гражданская цифровая культура, в котором так называемые «социальные» и/или «разговорные» технологии или социальное программное обеспечение предоставляют беспрецедентные возможности для повседневной деятельности пользователей. Термин Web 2.0 вошел в обиход, чтобы отразить продолжающийся переход World Wide Web из коллекции веб-сайтов к полноценной вычислительной платформе, обслуживающей социальные веб-приложения, такие как электронная почта, форумы, чаты, блоги и вики для конечных пользователей. Конструктивистские теоретики в области обучения⁹⁷ объясняют, что процесс выражения знаний добавляет к его созданию еще и беседы, которые идут на пользу для уточнения знаний. Чунг и др. утверждают, что разговорное управление знаниями выполняет эту цель, потому что разговоры, например, вопросы и ответы, становятся источником соответствующих знаний.⁹⁸

Социальные технологии облегчают процессы, где создание и хранение знаний осуществляется через дискуссионный форум, в котором участники вносят свой вклад посредством дискуссии с вопросами и ответами, или через Weblog, типичным примером которого является процесс рассказывания историй или через вики, используя совместное написание.⁹⁹

В корпоративной среде появляется термин Enterprise 2.0, который отражает использование произвольной формы социального программного обеспечения внутри компании, направленного на поддержание работы подразделения и отдельного работника знаний. Гордон и Ганесан отстаивают другое видение для систем управления знаниями, которое специально предназначено для фиксирования и использования рассказов в общинах и организациях в контексте нормальных, обычных разговоров.¹⁰⁰

Беседа и другие виды коммуникации человека с человеком должны быть использованы в современных системах управления знаниями, так как значение беседы используется для упаковки и передачи неявных знаний. Привлечение этих социальных технологий выгодно по причине их низкой стоимости, интуитивно понятной функциональности и возможности подключения. Социальные технологии поддерживают новые формы сетецентричного взаимодействия и деятельности между людьми, что позволяет и улучшает неформальный доступ для создания и распространения информации. Эти технологии расширяют возможности обычных людей чтобы иметь глобальное присутствие для деловых, политических и социальных целей. Новые социальные технологии в фокусе этого проекта являются инструментами растущей цифровой демократии.

⁹⁶ Friedrich R., Michael Peterson M., Koster A. The Rise of Generation C. Implications for the world of 2020. http://www.strategyand.pwc.com/media/file/Strategyand_Rise-of-Generation-C.pdf.

⁹⁷ Vygotsky L. "Mind in Society", Cambridge, MA: Harvard University Press; Leidner, D. & Jarvenpaa, S. 1995. "The use of information technology to enhance management school education: A theoretical view", MIS Quarterly, 1978. Vol.19, No.3, pp.265-291.

⁹⁸ Cheung, K. S. K., Lee, F. S. L., Ip, R. K. F., & Wagner, C. "The Development of Successful On-line Communities", International Journal of the Computer, the Internet and Management, vol.13, no.1, 2005, 71-89.

⁹⁹ Hasan, H. and Pfaff, C.C. 2006. "Emergent Conversational Technologies that are Democratising Information Systems in Organisations: the case of the corporate Wiki", Proceedings of the Information Systems Foundations (ISF): Theory, Representation and Reality Conference, Australian National University, Canberra, 27-28 September 2006.

¹⁰⁰ Gordon A.E., Ganesan K. Automated Story Capture From Conversational Speech, K-CAP'05, October 2-5, 2005, Banff, Canada

Новые инструменты используются не только для установления диалога между обществом и властью, но и как дополнительный механизм внешней политики. По мнению Н.А. Цветковой «существует несколько терминов, используемых американским правительством для обозначения инновационного способа оказания влияния на зарубежное общество при помощи Интернета: цифровая дипломатия (digital diplomacy), интернет-дипломатия (Internet diplomacy), дипломатия социальных сетей (Twitter diplomacy) и публичная дипломатия Web 2.0. (public diplomacy Web 2.0.). Наиболее распространенным термином среди руководства США, занимающегося вопросами внешней политики и установления влияния в других странах, является последний.

Публичная дипломатия Web 2.0. – это механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством следующих методов: размещение радио и телепередач в сети Интернет, распространение в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонализированных страничек членов правительства США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны»¹⁰¹.

¹⁰¹ Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. 13.04.2011
<http://www.ushistory.ru/stati/559-programmy-web-20-v-publichnoj-diplomatii-ssha.html>

Глава 2. Глобальный характер сетей

Философские предпосылки сетевого мышления

Менее заметным, но существенно важным фактором в выборе средств решения и управления является философия, на которой базируется политическое устройство государства. Принципиально разными по типу, если исходить из данной предпосылки, являются государственные устройства Китая, Ирана, Великобритании, Саудовской Аравии. С другой стороны маркер демократии также не может являться однозначным показателем. Индия, согласно Конституции этой страны, является демократическим государством, но там сохраняется кастовая система и стратегическое мышление, которое впитало в себя корпус философских и религиозных трактатов, не имеющих ничего общего с европейским наследием. Поэтому демократии Индии и США в корне отличаются друг от друга.

Именно философия и ряд идей, постулирующих такие понятия, как ризоматическое корневище (Жиль Делез и Феликс Гваттари), сетевые структуры (Мануэль Кастельс), вирулентные процессы (Жан Бодрийяр) стали теоретической базой, обосновывающих развитие сетецентричных подходов, которые внедрялись в государственные структуры благодаря квазиполитическим процессам, протекавшим в западных обществах.

Явление постмодерна для западного общества было само по себе логическим продолжением процессов секуляризации, либерализации и отказа от принципа наличия истины последней инстанции. В Средневековой Европе это был Бог и церковь, институт которой был вынесен за пределы политики после заключения Вестфальского мира (1648 г.). Французская революция (1789 г.) окончательно упразднила теоцентрическую модель, провозгласив права человека. Субъектность сместилась от государств в лице их правителей к частному лицу, индивидууму. Легитимность модернизма в дальнейшем была подорвана двумя Мировыми войнами, значительно ослабляя основы государства и права в традиционном понимании. Последним сдерживающим фактором являлось наличие двуполярной системы международных отношений, при которой обеим сторонам необходимо было постоянно проводить мобилизационные усилия во внутренней и внешней политике. После распада Советского Союза исчезли последние сдерживающие факторы для окончательного установления парадигмы постмодерна.

Одним из признаков постмодерна является ризома, которая представляет собой структуру, не имеющую организующего центра, иерархии, симметрии и устойчивую к влиянию извне. При попытке ее устранения внешние симптомы действия ризомы неизбежно проявляются в другом месте, так как само корневище практически невозможно уничтожить. Эту аллегория Жиль Делез переносит и на общественно-политические отношения, указывая, что ризоматические общественные структуры не имеют жесткой иерархии, четкой идентификации, окончательно определенных ценностей и устремлений. Это аморфные образования, которые постоянно переорганизуются, могут менять направление деятельности и мимикрировать под существующие тенденции в зависимости от обстоятельств. Кроме того, эпоха постмодерна, в которой мы сейчас пребываем, характеризуется новым качеством информации.

Во-вторых, нужно отметить, что информационная революция является неотрывным элементом культуры Постмодерна, а информационное общество зачастую отождествляют с постмодернистским.

Следовательно, постмодерн с его характеристиками, одними из которых является отсутствие центра и иерархии, а также сетевой принцип организации, представляет собой некую данность, где протекают общественно-политические процессы. Это относится также и к Российской Федерации, где параллельно с развитием информационных

технологий и инфраструктуры происходят и менее заметные общественные процессы, частично самоорганизующиеся, а в некоторых случаях инициированные извне.

Интернет коммуникации и новые технологии как катализатор сетевых процессов

Три информационные и коммуникационные технологии лежат в основе взрыва «социальной паутины»¹⁰²:

- Мобильные коммуникации - расширение доступа в Интернет с помощью нового поколения мобильных телефонов и карманных компьютеров;
- Социальные медиа - которые позволяют людям легко загружать свой собственный контент (текст, фото, видео), искать (и обсуждать) содержание контента, сгенерированного другими; и
- Социальные сети онлайн - которые дают людям возможность поддерживать и расширять свои личные и профессиональные сети, а также облегчать потока информации через эти сети.

Эти три технологии по-новому и вместе расширяют возможности, изначально предусмотренные для веб-коммуникаций и связей между людьми, идеи и институты. Они позволили обществу начать экспериментировать с поворотом когнитивных излишков в нечто хорошее для себя и своих общин.¹⁰³ Все чаще обычные люди получают доступ к платформам, позволяющим им изменить статус-кво¹⁰⁴ и представить как может действовать неиерархическое партиципаторное правительство.

Интернет как сетевая коммуникационная технология также является важным сегментом глобальной информационной сети. Барт и Зодерквист в связи с ростом значения Интернет ввели неологизм «нетократия», предложив новую классовую парадигму для общества постмодерна. Они указывают, что владение информацией становится более важным, чем недвижимость или средства производства. В связи с этим нетократы будут характеризоваться тем, что они манипулируют информацией, а не управляют собственностью или производят товары. Так что их деятельность связана с глобальными сетями, а их приверженности носят скорее виртуальный характер, нежели географический». Кроме того, сеть интерактивна и заряжает нетократов энергией. И, более того, в нетократическом обществе всегда включена дезинформационная дымовая завеса. При этом потребительский класс погружен в туман бесконечного количества информации, в котором невозможно разглядеть знание, которое доступно только нетократам. В связи с этим Барт и Зодерквист называют нетократов новой правящей элитой, которая управляет консумериатом (потребителями)¹⁰⁵.

Сетевые (со)общества

Анализируя социально-политические процессы, Л.Л. Фитуни указывает, что «особенностью сети является горизонтальная структура, т.е. коммуникация осуществляется не по вертикали, а по горизонтали не ведущего и ведомого, а (внешне) равноправных участников при их прямых контактах друг с другом. При этом важны три

¹⁰² Willard T. Social Networking and Governance for Sustainable Development, International Institute for Sustainable Development, March 2009.

¹⁰³ Shirky C. Gin, Television, and Social Surplus. April 2008

<http://www.shirky.com/herecomeseverybody/2008/04/looking-for-the-mouse.html>

¹⁰⁴ Godin S. Spark: Whoppers, Ethical Marketing, and Leadership 2.0. N. Young, Interviewer. 2009, January 21СВС. http://podcast.cbc.ca/spark/spark_20080115_sethgodin.mp3.

¹⁰⁵ Барт А, Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод с шведского языка. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

основных элемента, которые, как считается, должны присутствовать в сетевом социальном движении: а) общее коммуникативное пространство; б) объединяющая идея или смысловой концепт и в) связанность и (формальное) равенство участников»¹⁰⁶.

Социальные сети никогда не сводятся только к коммуникационным сетям и к перемещению имеющейся информации. Коммуникационным узлом здесь является какой-либо социальный субъект, способный, подобно ЭВМ в компьютерных сетях, обрабатывать и накапливать, создавать новую информацию, более того, быть субъектом свободного волеизъявления и действия. Это может быть сетевая структура индивидов, сеть филиалов, сеть организаций, сеть институтов. Каждая ячейка способна не только клонировать материнскую ячейку, но и реализовывать индивидуальное начало. Современные средства коммуникации создали возможность объединять в сети не только подобное, но и неподобное, не только клоны, но и индивидуумов, способных совершать не только линейные операции, но и нелинейные. Не только сети объединяют социальных субъектов, но и эти субъекты, включаясь в разные сети, способны соединять сети. Современные сети способны разворачиваться и сжиматься, открываться и закрываться, образовывать самую причудливую геометрию охвата, оперативно включать новых участников и освобождаться от них. Все это означает достижение принципиально новой ступени социальной комплексности¹⁰⁷.

Мануэль Кастельс в своей работе «Становление общества сетевых структур» указывает, что сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Он пишет, что сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества. А далее он утверждает, что «подобная сетевая логика влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур (network society)»¹⁰⁸. Кроме того, распространение Интернет технологий также привело к политизации виртуального пространства и, как следствие, перемещение конфликтов в эту среду. В другой работе Кастельс отмечает, что «общественные движения и политический процесс использовали и будут использовать Сеть во все возрастающей степени с превращением Интернета в главный инструмент деятельности, информирования, вербовки, организации, доминирования и контрдоминирования. Киберпространство становится конфликтной территорией»¹⁰⁹.

Согласно Кастельсу сетевая структура такого общества представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов, а их содержание зависит от характера конкретной структуры сети, которые могут быть довольно различными, и представлять собой финансовые учреждения, рынки ценных бумаг, криминальные группировки, политические структуры государств, средства массовой информации и т.д. Сами структуры при этом

¹⁰⁶ Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом. // Азия и Африка сегодня, 2011. № 12, С.12-13.

¹⁰⁷ Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление
Вопросы философии. 2008. № 7 <http://www.nazarchuk.com/articles/article16.html>

¹⁰⁸ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. (под ред. В.Л. Иноземцева). - М., 1999. С. 494.

¹⁰⁹ Кастельс М. Галактика Интернет. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. с. 164.

являются открытыми и могут расширяться путем включения новых узлов, если они соответствуют коду коммуникации (т.е. их ценности или задачи совпадают).

Важным обстоятельством является то, что «по сравнению с государством сетевые структуры имеют существенно большую степень корпоративности, а, значит, соответственно, являются более целостными, более высоко организованными, более эффективными по управлению и достигаемым результатам. Сетевые структуры никак не скованы ни собственными размерами, ни всякого рода территориальными ограничениями. Наоборот, «сеть» стремится к расширению и распространению, ведущим к возрастанию ее социальной значимости и, соответственно, влияния вплоть до полной монополизации контроля над социальной действительностью»¹¹⁰. Следовательно, сети могут находиться на определенной территории, но также действовать экстерриториально, и иметь множественные, многоуровневые сегменты в своей структуре, которые на первый взгляд не связаны друг с другом.

Традиционные государственные структуры, основанные на принципе иерархии, в этом отношении также уступают сетям, так как им необходимо следовать устоявшимся правилам и действовать в легитимной сфере, а на принятие решений и согласование вопросов порой уходит довольно много времени.

Трансграничный характер сетей

Немаловажным фактом также является взаимное проникновение политических, общественных, экономических и религиозных организаций других государств вследствие относительной открытости современной международной политической структуры. Как правило, более технологичные и мобильные, т.е. сетевые общества проникают в более «неподвижные» и закрытые, и проводят там социально-политические изменения по логике постмодерна. В отношении политической культуры можно сказать, что структуры западных неолиберальных обществ быстрее проникают в однородные, отличные по политической системе государства и проводят там реформы, размывающие существующую систему и иерархию.

Иными словами, сетевые процессы свободно проникают сквозь границы и государств, и цивилизаций и по-своему структурируют стратегическое пространство мира¹¹¹.

Ряд исследователей связывают феномен сетевых организаций с законами нелинейной физики и математики, теорией хаоса и сложных систем. Так, по мнению С. Аткинсона и Дж. Моффата, сетевая организация должна иметь:

1. Нелинейное взаимодействие;
2. Децентрализованный контроль;
3. Самоорганизацию;
4. Неустойчивый порядок;
5. Совместную эволюцию (коэволюцию);
6. Коллективную динамику¹¹².

¹¹⁰ Крикунов А. Сетевые технологии информационной войны в деятельности ЧВК и НПО 24.11.2011 <http://catu.su/component/content/article/43-2011-11-18-08-27-06/166-2011-11-24-19-57-23.html>

¹¹¹ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. - СПб.: Амфора, 2008.

¹¹² Atkinson, Simon & Moffat, James. The Agile Organization. From Informal Networks to Complex Effects and Agility. DoD, Washington, DC: CCRP, 2006. P. 37.

Сети и глобализация

Глобализация является комплексным процессом, имеющих многочисленные компоненты – экономический, политический, социальный, культурный, технологический, информационный. Отечественными и зарубежными авторами неоднократно указывалось на негативную роль как процессов мировой глобализации, так и распространения неолиберализма в качестве политико-экономической основы глобализации в традиционных обществах и государствах с другим политическим укладом (в первую очередь – в развивающихся странах, которые открыты внешним воздействиям).

В частности Жак Деррида писал, что «идеальный или эйфорический образ глобализации как процесса открытия границ, делающего мир более гомогенным, надо оспорить с абсолютной серьезностью и бдительностью. Не только потому, что указанная гомогенизация там, где она произведена в действительности или предположении, имеет как лицевую, так и оборотную стороны, но также и потому, что видимая гомогенизация часто скрывает за собой старые или новые формы социального неравенства или гегемонии (то, что я называю гомо-гегемонизацией), которые мы должны знать, чтобы распознавать в новых обликах и бороться с ними»¹¹³.

Глобализация, по мнению многих авторов, приводит к изменению самой природы и характера государства, а его функции и суверенитет постепенно снижаются.

На примере Евросоюза видно, как ряд государств вынуждены были поступиться рядом классических национальных функций во имя целей более крупного объединения. Блок НАТО также вынуждает государства, которые являются членами альянса пожертвовать частью суверенитета для коллективной обороны (это взносы государств, переход на единый технический стандарт, делегирование ряда полномочий и передача оперативной информации в штаб-квартиру в Брюсселе).

Экономическая глобализация также подрывает суверенитет и дееспособность государств. Она связана с переносом производства в развивающиеся страны, где используется дешевая рабочая сила, ускорением товарооборота, доставки продукции и услуг, а также переноса. Это позволяет получать субъектам хозяйствования глобализации сверхприбыли, в то же время производя разрушительные изменения, как в экономике эксплуатируемых государств, так и на их территории в целом, подрывая экологию, социальную сферу. В ряде случаев глобализация превращала страны в так называемые недееспособные государства, какими стали Афганистан, Сомали, Судан. Отмечено, что важными инструментами подобной деструктивной практики являются Всемирный банк, Международный Валютный Фонд, а также другие финансовые и экономические надправительственные институты, такие как Всемирная Торговая Организация.

Культурная глобализация приводит к нивелированию национальных особенностей в различных странах, подменяя многовековые традиции суррогатной эрзац-культурой. Ведущую роль в этом процессе, как отмечал Збигнев Бжезинский, играют США¹¹⁴.

Во главе процессов глобализации, как и распространения неолиберализма, находились США, страны Западной Европы, а также транснациональные корпорации, руководство которых так или иначе связано с политической элитой данных государств. Еще в первой половине XX века было отмечено, что «"цивилизационные" формы поведения распространяются на прочие континенты именно потому, что через них осуществляется вхождение в сеть взаимозависимостей, а центр этой сети занимают люди Запада».¹¹⁵

¹¹³ Деррида Ж. Глобализация, мир и космополитизм. Космополис № 2 (8), М., 2004.

¹¹⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М.: Международные отношения, 1994.

¹¹⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. - М.: Университетская книга, 2001. Т. 2 С. 259

Негативный взгляд на осетевление мира представлен в книге Дэвида Сингха Гревела «Сетевая власть: социальная динамика глобализации».

Гревел называет глобализацию «разрушительным и неравномерным процессом, посредством которого мы приходим к общим стандартам»¹¹⁶.

Стандарты являются своего рода конвенцией, «общими нормами и практиками», что приводит к содействию сотрудничеству в сети. Тем не менее, коллективный эффект от взаимозависимых индивидуальных выборов может достичь критической точки, где один стандарт, если он широко доступен, но не совместим с другими стандартами, начинает вытеснять альтернативы. В этих обстоятельствах стандарт устанавливает слишком высокую стоимость для индивидуальных лиц, поэтому, хотя присоединение к доминирующему стандарту и является активным выбором человека, которые Гревел называет "свободным", но не является добровольным. Иными словами, голосование за стандарт является актом сознательного выбора без согласия человека. Динамика, толкающая этот процесс по Гревалу называется «сетевой властью»¹¹⁷. Сетевая власть видна в таких областях, как технологии (например, преобладание операционной системы Microsoft), торговли (международных организаций, такие как ВТО со своими стандартами), культура (распространение английского в качестве языка межнационального общения). В каком-то смысле Гревел прав, так как те, кто контролирует потоки информации и смысловые коды, могут утверждать стандарты, вынуждая сделать безальтернативный выбор (либо вообще его не делать).

Как справедливо замечает Мануэль Кастельс, «в условиях глобальной экономики в сетевом сообществе, где большинство значимых дел зависят от таких поддерживаемых Интернетом сетей, оказаться исключенным – это все равно, что оказаться обреченным на маргинальность либо быть вынужденным искать какой-то альтернативный принцип центральности»¹¹⁸.

Итальянский профессор Карло Форменти, специализирующийся на теории новых медиа, также отмечал, что современный капитализм переструктурирует свои правила, «беря язык, коммуникации, эмоции и чувства, и заставляя их работать». Он приводит пример таких веб-сообществ, как MySpace и YouTube. Люди, вовлеченные в эти "сообщества", практически не озабочены коммерческой деятельностью. Но в реальности, эта растущая социальность используется в качестве картографирования профильных рынков, куда и направляются эти «сообщества»¹¹⁹.

Тем не менее, в глобализации есть и преимущества, в частности, доступ к знаниям, практически моментальный обмен информацией между заинтересованными лицами, возможность дистанционно использовать материальные и людские ресурсы.

Хотя необходимо отметить, что в настоящее время лидерская роль в использовании информационных средств бесспорно и безраздельно принадлежит США. Поддержание лидерства в области развития информационных и телекоммуникационных технологий рассматривается американским военно-политическим руководством в качестве важнейшего компонента глобального информационного превосходства¹²⁰.

Как высказались недавно представители Республиканской партии США, «необходимо принять как аксиому, что вопрос создания и распространения сетей по всему миру, каковы бы они ни были - военные, дипломатические, культурные и пр., в США

¹¹⁶ David Singh Grewal. Network Power: The Social Dynamics of Globalization, New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008, p. 20

¹¹⁷ David Singh Grewal. Network Power: The Social Dynamics of Globalization, New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008, p. 106.

¹¹⁸ Кастельс М. Галактика Интернет. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. с. 318.

¹¹⁹ http://www.tni.org/detail_page.phtml?act_id=17040&username=guest@tni.org&password=9999&publish=Y

¹²⁰ Корсаков Г.Б. Информационное оружие супердержавы // Пути к миру и безопасности. Выпуск 1 (42). Москва: ИМЭМО РАН, 2012. С. 34.

является неким внутренне присущим императивом. Само мышление американцев является сетевым и они мыслят остальные регионы и страны как некие комбинации сетей»¹²¹.

Губернатор штата Луизиана Бобби Джиндал и сенатор Джим Тэйлент в совместной работе «Перестраивая оборонный консенсус Америки» пишут, что необходимо подумать о мире, где важно не понятие национальных границ, а серии взаимосвязанных сетей - финансовых, транспортных, социальных - которые легко атаковать и тяжело защитить, и от которых Америка зависит гораздо больше, чем множество наших врагов.

С точки зрения организационного поведения есть тенденция рассматривать все большее количество людей, которые обретают власть, а крупные компании становятся сетями. Этот феномен был назван сетевым обществом. Его популяризировал Яна ван Дейк в своей книге *De Netwerkmaatschappij* (1991). Это стало возможным частично с помощью социальных вычислений, которые стали более широко известны из-за связи с рядом последних тенденций. Они включают в себя растущую популярность социальных программ и web 2.0, увеличение академического интереса к анализу социальных сетей, появление открытого исходного кода в качестве жизнеспособного способа производства, и растущую убежденность, что все это может иметь огромное влияние на повседневную жизнь.

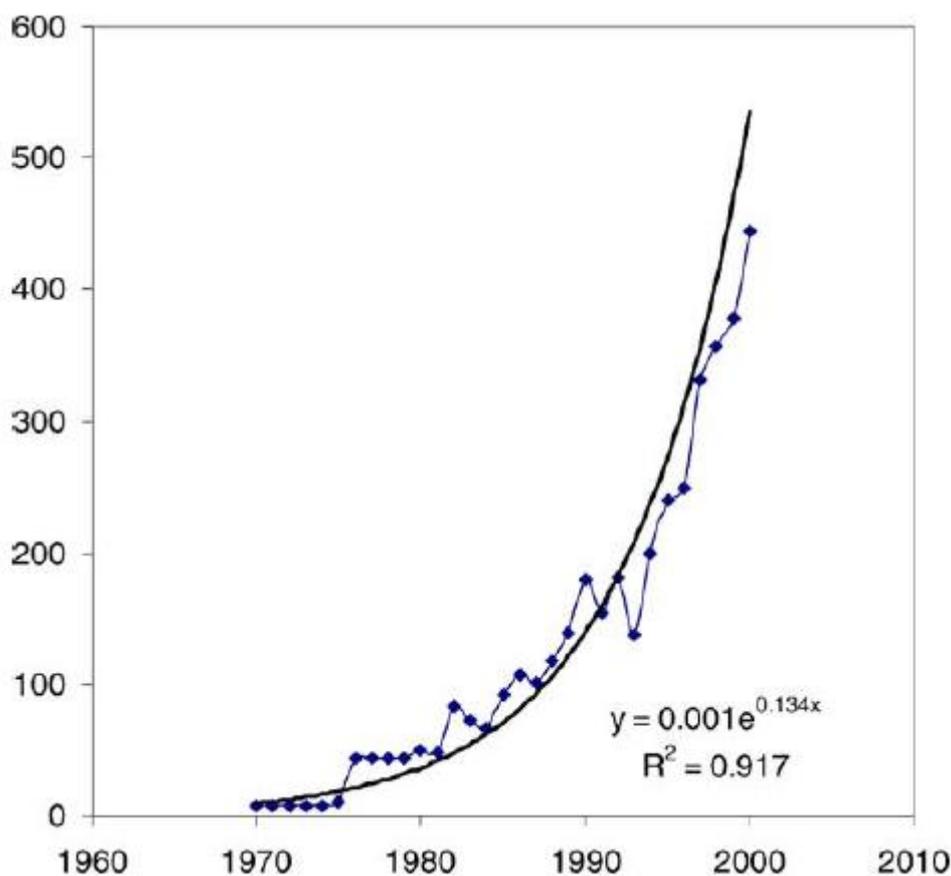

Рис. 8. Экспоненциальный рост проиндексированных научных публикаций, содержащих в названии или тезисах термин «социальная сеть».¹²²

В 70-х гг. на Западе началась широкая дискуссия о сетях и возможностях интернет-технологий, качественном скачке и поддержке негосударственной общественной сферы началась, когда различные движения (в основном, феминистские) разрабатывали

¹²¹ Bobby Jindal, Jim Talent. *Rebuilding The American Defense Consensus*. Alexandria, America Next, 2014, P. 8

¹²² Borgatti S.P., Foster P.C. // *Journal of Management*, 2003 29(6), P. 992.

возможные пути увеличения своей автономии. В других регионах интерес к сетевой политической практике возник в 80-х-90-х гг., в среде оппозиционных движений, которые апеллировали к опыту партиципаторной демократии.

«После многочисленных протестов рабочих в 1976 г. оппозиционеры в Польше создали Комитет помощи лицам, пострадавшим от правительства. Параллельно с этим начала появляться андерграундная пресса, которая создавала независимое общественное пространство. Участие граждан и привлечение новых членов росло, в результате чего появился целый ряд политических и экономических сетей, которые помогали организовывать население и оказывать давление на правительство для проведения реформ. Именно с учетом этого возникло движение "Солидарность" и было официально признано в 1980 году», - пишет один из современных авторов в отношении становления сетевых общественных структур¹²³. Дальше он показывает как развивались такие сети и к чему они могут привести. «Сетецентричные группы гражданского общества, особенно с учетом власти Web 2.0, могут сыграть важную роль в проведении коллективных действий. Такие группы подключают единомышленников, связывают индивидуумов с более широкой национальной или глобальной проблемой, и используют эти индивидуальные устремления согласно целенаправленному плану действий, вокруг которого население может сплотиться. Кроме того, воздействие плюралистической структуры управления сети и чувство собственности, которое исходит от участия в серьезном деле, являются мощной опорой для большего политического участия. Сети одновременно снижают необходимость централизованного управления и предоставляют максимум гибкости в проведение реформ...Понимание глубины горизонтальных сетей в обществе переживает переходный период и, соответственно, является одним из приоритетов для ориентации на внешнюю помощь...Инициативы по стимулированию и укреплению социальных сетей являются стратегическими инвестициями в додемократических обществах. Эти сети представляют собой ценные ресурсы, что способствует повышению уровня благосостояния и социальной гармонии. Они также создают нормы, навыки и организуют потенциал, который в состоянии бросить вызов монополии на политическую власть»¹²⁴.

Это очень важное замечание – что в ряде стран некоторые инициативы ориентированы на внешнюю помощь и могут мобилизовать ресурсы для свержения действующей власти. Далее дадим слово известным социологам, которые специализируются на современных коммуникационных технологиях, трансформации обществ и процессах, связанных с ними.

Американский социолог Джеймс Розенау отмечал, что мировая политика вступила в эру турбулентности и может разделяться на государствоцентричный и мультицентричный миры¹²⁵. Одной из основных характеристик мультицентричного мира он называл появление подгрупповости (sub-groupism). Она выражается в самопроизвольном создании неформальных сетей, их дроблении и кооптации.

С технологическими инновациями он связывал несколько видов трансформаций общества. К первой он относил «умелую революцию» - когда аналитические, эмоциональные и творческие умения взрослых людей становятся все более изощренными и они превосходят знания и сноровку предыдущих поколений. Второй вид он называл «организационным взрывом» - когда появляется готовность людей создавать и присоединяться к различным ассоциациям (он отмечает, что некоторые могут сохранять иерархию, а другие имеют более размытую структуру) и этот процесс происходит во всем

¹²³ Siegle J. Social Networks and Democratic Transitions// Developing Alternatives. Fall 2008. p. 40.

¹²⁴ Ibid. pp. 41-44.

¹²⁵ См. Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990; Rosenau J. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003.

мире. К третьей он относил «мобильные беспорядки» - процессы, при которых большие массы людей перемещаются из одной страны в другую¹²⁶. В ряде последних работ он указывал, что линкаж-политика представляет собой многочисленные способы, благодаря которым транснациональные процессы проникают в государства в обход правительств и влияют на гражданское общество.

Жан Бодрийяр в книге «К критике политической экономики знака» упоминает идею Ганса Энценбергера, который, решая проблематику односторонности коммуникации, проявляющейся как в монополии специалистов и профессионалов на медиа, так и в монополии классового врага, предлагает «каждому стать манипулятором или активным агентом, монтажником, короче говоря, каждый должен сменить свой статус принимающей инстанции на статус производителя/передатчика»¹²⁷. В 1972 г. Бодрийяр справедливо критиковал такую идею, что если каждый начнет пытаться быть медиа, то из этого выйдет лишь частное дилетантство. По прошествии почти тридцати лет он сам заговорил о новом типе динамики, отличной от динамики каузальных последовательностей. «Мир определенности уступил место миру технологичности, вселенной, где открываются безграничные перспективы последовательного осуществления каких угодно преобразований»¹²⁸. Похоже, что эти преобразования – сетевые.

Кастельс описывает сетевую структуру как комплекс взаимосвязанных узлов, а их содержание зависит от характера конкретной структуры сети. Эти структуры самые различные - это банки, рынки ценных бумаг, криминальные группировки, политические структуры государств, телевизионные каналы и т.д. При этом структуры являются открытыми и могут расширяться, путем включения новых узлов, если они соответствуют коду коммуникации (т.е. их ценности или задачи совпадают). Социальные структуры с сетевой основой имеют высокую степень динамики и открыты для инноваций. При этом, сложилась ситуация, когда капитализм носит глобальный характер и строится вокруг сетей финансовых потоков с опорой на знания и информацию.

Кастельс отмечает, что «информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют основную нить общественной структуры... Речь идет о начале иного бытия, о приходе нового, информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования»¹²⁹.

Новая власть по Кастельсу находится в информационных кодах и в образах репрезентации, разбросанных вокруг, с помощью которых общества организуют свои институты, люди обустроивают свои жизни и выбирают манеру поведения. Эта власть находится в человеческом сознании. Подобные проекты, направленные на символическую мобилизацию, могут выражаться в двух формах: пророках и сетях. Пророки, чаще всего, склонны к ненасильственным действиям, например, как каталонский лидер Хорди Пухол или как Мартин Лютер Кинг. Также они могут быть революционерами как субкоманданте Маркос либо фанатиками как Унабомбер или бин Ладен¹³⁰.

В другой книге, ставшей бестселлером, - «Галактика Интернет» Мануэль Кастельс анализирует взаимосвязь информационных технологий с общественными движениями. «Представляется вполне естественным, что общественные движения и политический процесс использовали и будут использовать Сеть во все возрастающей степени с

¹²⁶ Rosenau J. The Study of World Politics: Theoretical and methodological challenges. Vol. 1. Abingdon: Routledge, 2006, p. 9.

¹²⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. - М.: Библион, Русская книга, 2003. с. 201.

¹²⁸ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. - Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 42.

¹²⁹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. (под ред. В.Л. Иноземцева). - М., 1999. С. 505.

¹³⁰ Castells, Manuel. The Power of Identity. 1997, p. 359-361.

превращением Интернета в главный инструмент деятельности, информирования, вербовки, организации, доминирования и контрдоминирования. Киберпространство становится конфликтной территорией»¹³¹. При этом он отмечает, что в 1990-е гг. практически все наиболее значимые общественные движения в мире организовывались при помощи Интернета. Как пример конфликта Кастельс приводит одно из социально-революционных движений в Латинской Америке: «в середине 1990-х гг. движение сапатистов в мексиканском штате Чьяпас захватило воображение людей во всем мире, организовав поддержку своему делу посредством Интернета и факсимильной коммуникации связанных со СМИ и децентрализованной структурой групп солидарности»¹³².

Майкл Хардт и Антонио Негри считают, что биополитическое производство порядка находится в «создаваемых индустрией коммуникаций аматериальных сетях производства, языка, коммуникаций и мира символов. Развитие коммуникационных сетей органически связано с появлением нового мирового порядка, иными словами, это причина и следствие, продукт производства и производитель. Коммуникация не только выражает, но и организует ход глобализации. Она направляет это движение, умножая и структурируя сетевые взаимосвязи»¹³³.

Сетевые медиа

Возможности Интернета в целом повлияли на природу мульти-медиа и коммуникаций, радикально изменив нецифровые медиа предыдущих движений - не только в смысле журналистских возможностей быстро распространять информацию, но и в плане взаимодействия редакционных коллективов с читателями, активистами, интеллектуалами, т.е. стать более прямым инструментом движений и играть ключевую роль в стимулировании связей, предоставляя открытую площадку для дебатов.

Важно отметить, что местные и национальные организации стали взаимодействовать на транснациональном уровне, выступая против наднациональных организаций управления, но оставаясь при своих традициях и ситуациях.

Нынешние социальные движения являются неформальными сетями, связывающие плюрализм индивидуумов и групп, которые, с организационной точки зрения, более менее структурированы. В то время как партии и группы лоббирования имеют четко обозначенные границы (например, в основном идентифицируя членов с помощью партбилета), социальные движения состоят из нефиксированных сетей и индивидуумов, которые ощущают себя причастными общему, коллективному делу.

Кроме того, «они характеризуются тем, что первоначально применяют протест в качестве средства давления на институции, а лишь после заявления о своем протесте перед широкими общественными массами, движения могут обратиться к депутатам и правительственной бюрократии»¹³⁴.

Принцип самоорганизации сам по себе представляет динамический элемент в выработке узнаваемого макроповедения, которое обеспечивает успешное достижение комплексных целей. Это происходит за счет того, что мы имеем дело с комплексными системами, с системами, которые имеют множество агентов, динамично

¹³¹ Кастельс М. Галактика Интернет. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. с. 164.

¹³² Там же, с. 165.

¹³³ Хардт М., Негри А. Империя. - М.: Праксис, 2004. С. 44.

¹³⁴ Donatella della Porta. An example: The Movement for Global Justice.// Networked Politics. Rethinking political organization in an age of movements and networks. Berlin. June 2007, p. 37.

взаимодействующих различными способами, следующих местным правилам и способных совместно эволюционировать в симбиозе с окружающей обстановкой¹³⁵.

Но трансформация политических партий, профсоюзов и других организаций, переход к бесклассовым или мультиклассовым движениям все же стала возможна из-за кризиса внутри этих иерархичных структур, возникших вследствие глобализации и успехов новой экономики. Новые инициативы, скорость, креативность, гибкость вышли из природы сетевого капитализма. И взяли эти качества на вооружение против этого капитализма¹³⁶.

Скорость, гибкость, инициативность, креативность – такая же терминология начала применяется у военных специалистов США с конца 90-х гг. прошлого столетия, когда заговорили о сетевых войнах и новой революции в военном деле.

Нетократия

Если в первой главе мы говорили о необходимости выявления принадлежности актора к власти внутри социальной сети, то Барт и Зоддерквист имеют несколько иную точку зрения. В своей работе «Нетократия» они шаг за шагом показывают, кто в реальности стоит за электронной демократией, популярной в последнее время в развитых капиталистических странах Запада, свободной конкуренцией и прочими элементами постиндустриального общества.

Согласно авторам, сейчас в обществе нарастает тенденция к информированности, а это значит, что необходимо синхронизировать свое мышление и окружающую среду.

Барт и Зоддерквист предлагают новый термин для обозначения того типа власти, который появляется с ростом значения информационных сетей – нетократия (netocracy). Этот «новый гегемон информационной эры бесцеремонно оперирует святынями буржуазии: неприкосновенностью личности, выборной демократией, социальной ответственностью, системой права, банковской системой, фондовыми рынками и т. д.»¹³⁷.

Они указывают, что в информационном обществе наиболее важным мемом будет то, что можно представить как узел в рыбацкой сети, некий портал власти (подобно интернет-порталу), связующее звено во всеобъемлющей сети. Вокруг этого звена сформируется важнейший кластер информационной парадигмы - Нетократическая сеть.

Во многом это стало возможным благодаря СМИ, которые зажили своей собственной жизнью, формируя основание для новой властной структуры.

Первоочередной задачей журналистов стала постановка информационной драматургии, а не анализ политических событий. Подобный сценарий уже был предсказан французским социологом Ги Дебором.

Сетевые технологии, согласно Барту и Зоддерквисту напрямую связаны и с избирательными технологиями. «Забудьте идею «один человек - один голос»! Теперь значение имеет то, приняты ли вы в «нужную» сеть, чтобы иметь возможность влиять на важные политические решения. Нынешний принцип: «один член сети - один голос». Мышечная сила лоббистских групп и всякого рода неправительственных организаций (НПО) растет все быстрее, рабочие методы деятельности этих групп прекрасно

¹³⁵ Arturo di Cortino. Free software as a Common. // Networked Politics. Rethinking political organization in an age of movements and networks. Berlin. June 2007, p. 45.

¹³⁶ Peter Waterman. A New Social Unionism, Internationalism Communication and Culture -in a Nutshell. // Networked Politics. Rethinking political organization in an age of movements and networks. Berlin. June 2007, p. .

¹³⁷ Бард А., Зоддерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод с шведского языка. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004, с. 53

соответствуют всеобщей информатизации общества, которая произвела на свет несвященный союз групп влияния и всемогущих масс-медиа»¹³⁸.

Свою точку зрения они выразили и на ведение конфликтов, однако, на наш взгляд, несколько переоценили значение информационных технологий, хотя к моменту написания книги эти размышления выглядят довольно релевантными. По их мнению, войны из-за наступления информационной эры между нациями практически прекратились и уступили место конфликтам между заинтересованными группами, такими как компании и группы давления. «Люди больше не готовы приносить свои жизни на алтарь нации, так же, как при капитализме больше не были намерены жертвовать собой во имя феодальных ценностей, Бога и монархии. Мечта о бескровной войне, так лелеемая при позднем капитализме (война в Заливе, конфликт в Косово), должна поэтому рассматриваться как прямой результат политического мнения, согласно которому защита нации или демократии более не стоит жертв. Разница между голливудскими боевиками и пост-модернистской войной неразличима. Война приемлема, только когда сведена до уровня видеоигры с predetermined победой «хороших парней». Нация, таким образом, низводится до сценической декорации»¹³⁹. Очень серьезное заявление, - действительно, контролируя масс-медиа, можно создавать иллюзию по отношению к целой стране с ее населением. Имея в своем распоряжении аппарат телевизионных и радио студий, газет и журналов со штатом журналистов, в короткое время можно направить общественное мнение в нужную сторону. Достаточно вспомнить, какая информационная атака на Россию проходила в западных СМИ во время осетино-грузинского конфликта в августе 2008 г.

Следующим этапом являются компьютерные сети. Они, «как и любая доминирующая технология своего времени, порождают своих победителей и проигравших. Успех победителей базируется, как выразился наставник Маклюэна и пионер современных исследований в области коммуникаций Гарольд Иннис, на монополии на знание. Те, кто контролирует новые технологии и их применение, быстро накапливают значительную власть, что немедленно приводит к консолидации этой вновь сформированной группы и мощному импульсу к защите ею своих интересов. По понятным причинам трудно ожидать, что у этой группы появится большое желание сделать свое эксклюзивное знание широко доступным, поскольку это обесценит и ее власть, и привилегии. Одним из способов, с помощью которых победители манипулируют общественным сознанием, являются их заявления, что никаких победителей и проигравших на самом деле не существует, а блага, которые несет новая технология, будут равномерно и справедливо распределены между всеми»¹⁴⁰.

Но ожидания благ электронной демократии не оправдались. Кроме того, по мнению Барта и Зодерквиста, новая форма нетократической глобализации, представляющей собой скорее социальный феномен, базируется на предоставляемых новыми технологиями возможностях коммуникации и контакта между различными культурами через огромные расстояния. Следовательно, цель нетократов - улучшать и развивать взаимные коммуникации, включая страные опыты и жизненные стили, которые становятся возможными благодаря новым технологиям. Поэтому нетократы стремятся познать все универсальное на глобальной арене и предложить новый универсальный язык. По сути дела, это уже не экономическая форма глобализации, построенная на извлечении максимальных прибылей с помощью дешевой рабочей силы и новых рынков Третьего мира, а электронный колониализм, построенный на культурном доминировании. По мнению авторов «Нетократии», капиталистический проект рано или поздно выйдет из-под контроля, и капиталисты неминуемо уступят свое влияние

¹³⁸ Там же, с. 90

¹³⁹ Там же, с. 92

¹⁴⁰ Там же, с.99

нетократам, но «нетократический проект глобализации не может провалиться и вознаградит своих участников, самих нетократов, еще большей властью»¹⁴¹.

Есть правда, сомнения, что если капиталисты и нетократы просто объединятся, да и нетократы, как видно из результатов доходов компаний, развивающих информационные и сетевые технологии, являются такими же капиталистами.

Авторы правы в том, что нетократическая глобализация ведет к появлению глобальной электронной культуры. У капиталистов будут свои сети, у рабочего класса – свои. «Нетократы будут характеризоваться тем, что они манипулируют информацией, а не управляют собственностью или производят товары. Так что их деятельность связана с глобальными сетями, а их приверженности носят скорее виртуальный характер, нежели географический»¹⁴².

Что же происходит с политическим истэблишментом? Как и в случае, когда вооруженные силы становятся делом частных и транснациональных компаний, классическая власть становится все более беспомощной, а целостность общества разрушается. «И права, и обязанности исчезают вместе, рука об руку»¹⁴³. Власть становится аморфной, невидимой, одновременно создается иллюзия ее отсутствия.

«Власть переходит к небольшим неправительственным акторам, которые могут организовать в распознанные сети более быстро, чем традиционные государственные структуры», - пишут Джон Аркилла и Дэвид Ронфельдт в своей книге «Подготовка к конфликтам в информационную эпоху», изданной корпорацией Rand.¹⁴⁴

Все эти процессы осетевления напрямую влияют и на структуру общества, при этом подобные сети взаимно накладываются друг на друга, пересекаются и расширяются, создавая новые измерения. На классовые структуры могут накладываться этнические, локальные, региональные, субкультурные, политические и т.п. В Британии политологи проводили анализ «политических сетей», которые существовали в период между 1997 и 2007 гг. в среде мигрантов и беженцев. Анализ показал, что работодатели и предприятия (совместно с другими государственными и негосударственными субъектами) являлись частью жестко организованного, идеологически сплоченного "политического сообщества", связанного с экономической миграцией. Это политическое сообщество имело решающее значение для развития экономической политики в области миграции, в отличие от интеграционной политики и законодательства, связанного с беженцами. Ученые выявили, что основная интерпретация изменений иммиграционной политики Великобритании (которые были обусловлены действиями элиты - мощной исполнительной властью) является корректной для отслеживания динамики политики в отношении беженцев, но неприменима для развития иммиграционной политики в целом, которая была более сложной, и где бизнес играл ключевую роль¹⁴⁵.

¹⁴¹ Там же, с. 150

¹⁴² Там же, с. 158

¹⁴³ Там же, с. 158

¹⁴⁴ Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Santa Monica: RAND, 1997.

¹⁴⁵ Goodman, Sara Wallace. Somerville, Will. The Role of Networks in the Development of UK Migration Policy// Political Studies, Volume 58, Issue 5, December 2010, pp. 951–970

Глава 3. Концепция применения сетевых подходов к формированию современных механизмов функционирования гражданского общества и иных демократических институтов

Сети и суверенитет страны

Государственное управление, построенное по сетевому принципу, позволяет более эффективно и оперативно находить оптимальные решения внутренних и внешних проблем страны, создавать инновационные общественные повестки, достигать более высоких материальных и нематериальных стандартов жизни, в то время как жесткая иерархическая конфигурация может оказаться менее эластичной и подверженной проведением некомпетентных решений, принятых единолично.

В тоже время стоит понимать, что сетевой принцип, обеспечивающий коллективную синергию, может резко усиливать негативную поляризацию, и в некоторый момент закономерные всплески активности могут выйти из под общественного и государственного контроля. Другими словами, сетевой принцип построения общества может быть использован и для проведения целенаправленных манипуляций со стороны внешних акторов, активизации конфликтных линий, дискредитации государственного строя. Речь идёт о “мягкой силе”, которая действует на людей через тонкую настройку сознания, тем самым можно констатировать факт, что власть в информационную эпоху переходит от тех, кто отдаёт приказы к тем, кто манипулирует общественным сознанием.

Сети давно исследуются в контексте обеспечения национальной безопасности. Появляются новые термины – такие как «транснациональные сети», «сетевые организации» и другие. С точки зрения анализа воздействия сетевых структур на страновой суверенитет, отметим позицию американского политолога Анн-Мари Слотер, выраженную в книге «Новый мировой порядок»¹⁴⁶. Утверждается, что современный политический мир состоит из множества интернациональных сетевых «государств», в то время как в настоящих национальных государствах такие составные сетевые части становятся столь же важны, как и их центральное руководство. Таким образом, Слотер выдвигает понятие «disaggregated state», которое можно интерпретировать как «фрагментированное» государство, которое утратило свою исходную внутреннюю цельность и часть полномочий ввиду процесса перераспределения функциональных возможностей и функций между самим государством и негосударственными субъектами. Из термина «disaggregated state» («фрагментарное государство») возникают «фрагментарный суверенитет» («disaggregated sovereignty») и «фрагментарная юрисдикция» («disaggregated judges»).

Исходя из этого, утверждаем, что национальный суверенитет утрачивается ввиду фрагментации государственности, а интернациональные сети становятся всё более влиятельными. Государства участвуют в жизни таких интернациональных сетей, тем самым отдавая часть своих полномочий и ресурсов виртуальному пространству, столь сильно объединяющих реальных граждан. Сети сплетают новые межгосударственные конструкции, связывая государственные институты разных стран, обеспечивая их взаимодействие; традиционные межгосударственные отношения заменяются интернациональными сетевыми отношениями, де-факто функционируя автономно.

Таким образом, на смену внутригосударственной идентичности приходит некоторая «сетевая идентичность». Более того, это является особым видом современных сетевых войн — уничтожение национальной идентичности и подмена её

¹⁴⁶ Slaughter, A.-M. A New World Order: Government Networks and the Disaggregated State. Princeton University Press, 2004.

космополитизмом. «Вытеснение традиционных ценностей и идеологии», согласно Стивену Манну¹⁴⁷, является одной из основных причин утраты государством суверенитета. Современные сети отлично справляются с этой задачей.

Интеграционные сетевые механизмы напрямую влияют на сознание людей, которое формируется уже не в рамках политических образований, а социальных групп, взаимосвязанных по сетевому принципу. В современных условиях, согласно С.Лэшу¹⁴⁸, власть «не просто находится в потоках: она состоит в формирующихся нелинейных, социо-технических системах, которые проводят, блокируют и соединяют эти потоки». Сегодня власть - это не господствующее или подавляющее нас присутствие; она локализована в наших связях.

Информационно-цифровой суверенитет

Россия вошла в информационную эпоху со значительным отставанием и используемые страной технологии не являются национальными, что говорит о уязвимости страны в рамках глобальных манипуляций. Информационная эра переносит фронт войны с физического на информационный, и Россия должна позаботиться как о информационной безопасности, так и цифровой, ведь в современном мире, государство, нацеленное на суверенитет, должно иметь полную цепочку технологий, начиная от процессора и заканчивая собственной операционной системой и прикладными программами.

На данный момент, полноценным цифровым суверенитетом обладают только Соединенные Штаты: в их распоряжении собственная система геолокации GPS, микросхемы и процессоры, сетевое оборудование, операционные системы и многое другое. Немаловажным является и наличие у США так называемого кибероружия – различных вредоносных и разведывательных программ, внедряемых через Интернет, особенно через социальные сети.

Обеспечение цифрового суверенитета позволит обладать должной устойчивостью в случае кибервойны, защищая от вирусов, атак, взломов, утечек, закладок, кражи данных, спама, выключения инфраструктуры и ПО; обеспечение информационного - самостоятельно управлять информацией и иметь устойчивость в информационных войнах.

Цифровой суверенитет – это вопрос непосредственной электронной безопасности. Государство должно иметь полную цепочку технологий, начиная от своего процессора и заканчивая своей операционной системой и прикладными программами.

Данная цепочка состоит из следующих составляющих:

- Аппаратные комплексы («железо») - собственные аппаратные платформы, включая все электронные компоненты, в том числе процессоры, микросхемы, сетевое оборудование и иное;
- Программное обеспечение («софт») - собственная или полностью контролируемая программная платформа, необходимое программное обеспечение, криптографические алгоритмы и протоколы;
- Интернет-архитектура;
- Автоматизированные системы управления (АСУ), CRM и т.д.;
- SQL (базы данных);
- Инженерия и другое.

На данный момент, Россия обладает цифровым суверенитетом лишь частично, но главное — имеет огромный потенциал для обеспечения себя таковым. Среди позитивных

¹⁴⁷ Mann S., *Chaos Theory and Strategic Thought*, 1992

¹⁴⁸ Lash S., "Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation?", *Theory, Culture, and Society*, 2007.

мер в данном направлении можно назвать запуск системы «Глонасс», а также наличие национальных поисковиков, почтовых сервисов, собственные социальные сети, антивирусы. Не так давно был произведен запуск собственных процессоров, ввиду чего можно говорить о начале процесса формирования «железной» базы для построения суверенных электронных систем.

В последние годы в России инициирован процесс импортозамещения. В планах Министерства промышленности и торговли - «в течение 2,5 лет запустить в России собственное производство продукции стратегического назначения, по возможности сохранив при этом кооперацию с зарубежными странами и партнерами по тем направлениям, где вопросы, связанные с национальной безопасностью, не стоят на первом месте»¹⁴⁹. Особая поддержка будет оказываться тем иностранным компаниям, которые заинтересованы в повышении уровня локализации своей продукции на территории России.

Информационный суверенитет – это способность управлять собственным информационным пространством и иметь устойчивость к разного рода информационным атакам. Если мы посмотрим на войны последних лет – все они начались благодаря информационной атаке внутри страны, потом информационной атаке извне. Людей вводят в заблуждение сначала национальные СМИ, потом их мнение поддерживает иностранное СМИ и складывается ощущение, что транслируется правда.

Для обеспечения информационного суверенитета, страна должна обладать национальными цифровыми ресурсами, в том числе поисковыми машинами и справочными ресурсами, социальными сетями, про-национальными Интернет СМИ, видеохостингами и фотохостингами, набором инструментов, обеспечивающих защиту от кибератак, внедрения вредоносных программ, утечек и хакерских взломов.

Вместе с этим необходимо наличие кадрового потенциала, способного обеспечить бесперебойную и адекватную работу национальных киберактивов, включая их инновационную модернизацию и защиту.

Безусловно, национальные цифровые ресурсы должны наполняться здоровой пропагандой, формируя умеренно патриотическое мышление и соответствующий уклад жизни. В том числе и развитие механизмов электронной демократии должно опираться на целенаправленную информационную политику государства по популяризации информационно-коммуникационных технологий как среди населения в целом, так и среди отдельных категорий граждан.

Максимизировать сохранность информации в государственных органах позволит применение закрытых сетей («интранет»). Если созданный для работников портал доступен только в рамках локальной сети Компании включая удаленные филиалы, такая система называется intranet («внутренняя сеть»), если такой портал находится в сети Интернет, однако невидим в поисковых системах и требует авторизации при входе, система относится к extranet («внешней сети»).

Интранет, в отличие от сети Интернет - это внутренняя частная сеть организации. Как правило, интранет — это Интернет в миниатюре, который построен на использовании протокола IP для обмена и совместного использования некоторой части информации внутри этой организации. Интранет построен на базе тех же понятий и технологий, которые используются для Интернета, такие как архитектура клиент-сервер и стек протоколов Интернет (TCP/IP). В интранете встречаются все из известных интернет-протоколов, например, протоколы HTTP (веб-службы), SMTP (электронная почта), и FTP (передача файлов).

¹⁴⁹ «Госпрограмма по импортозамещению будет разработана к началу осени» // Минпромторг России, 28.05.2014. <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/all/#!/8561>

Инtranет можно представить как частную версию Интернета, или как частное расширение Интернета, ограниченного организацией с помощью брандмауэра. Первые интранет-веб-сайты и домашние страницы начали появляться в организациях в 1990—1991. Однако по неофициальным данным, термин интранет впервые стал использоваться в 1992 году в таких учреждениях, как университеты и корпорации, работающие в технической сфере.

Информационная безопасность — это и вопрос «корпоративного воспитания» сотрудника. В должностных инструкциях государственных органов должен быть ясно и четко сформулирован и описан раздел, связанный с конфиденциальностью информации, ежегодно актуализируемый ввиду появления новых видов и сервисов передачи данных.

Сетецентрический мониторинг

Мониторинг есть систематическое накопление и обработка данных о состоянии и динамике изменения параметров анализируемого объекта или процесса и представление результатов в удобном для руководителя или эксперта виде. Наиболее близкий русский эквивалент термина мониторинг — «отслеживание, систематический сбор и анализ информации, используемой при принятии управленческих решений». Задачей мониторинга при комплексном управлении подготовкой к ликвидации последствий различного вида катастроф и рисков является своевременная оценка возникновения угроз кризиса каждого вида, анализ динамики их развития и их комплексная оценка. В динамике это сбор и анализ данных о разрушениях и жертвах, потерях от рисков и воздействиях на общественное мнение, вызванных группой катастроф и пропагандистскими выступлениями в СМИ.

Сетецентрическая система мониторинга объединяет средства мониторинга всех уровней и направлений управления в единое целое. Она должна обеспечивать доведение всей необходимой информации до адресатов в реальном времени или близком к нему по мере ее получения и, что очень важно, используя информацию, полученную на всех уровнях и направлениях управления. Такой подход позволяет резко улучшить понимание сложившейся ситуации руководителями всех степеней, повысить уровень взаимодействия и осуществлять синхронизацию усилий по горизонтали и вертикали управления.

В условиях перехода к информационному обществу, динамичного развития электронных СМИ и социальных сетей, повышения уровня компьютерного образования населения и легкости самостоятельного получения человеком любой информации, в том числе касающейся сферы идеологии и демократии, возрастает значимость для власти оперативно и качественно реагировать на запросы общества. В особенности это касается наиболее актуальных запросов общества, тем более, что современный уровень развития технологий позволяет их проводить мониторинг на основании данных открытых источников с использованием модели с рабочим названием «24/7/365» (24 дня – 7 дней в неделю – 365 дней в году). Подобные программы разработаны и за рубежом и активно применяются для снятия или создания очагов напряженности в разных уголках планеты, ведь только так возможно следовать предписанию Председателя Государственной Думы С.Е. Нарышкина - «власть должна опережать запросы общества». (Российская Газета, декабрь 2012 года).

По нашему мнению, массивом данных, пригодных для извлечения знаний, является как официальные данные Росстата, так и следующие данные:

- статьи, заметки, сводки, официальная информация, размещаемые СМИ и госорганами в сети Интернет и комментарии к таким публикациям;
- записи в социальных сетях;
- оценочные метки (данные о нажатых кнопках нравится/не нравится);

- поисковые запросы.

Кроме этого система мониторинга «24/7/365» должна в первую очередь оценивать возможности возникновения конфликтных, острых социальных ситуаций в том или ином регионе в режиме реального времени. Подобная система должна выявлять активность пользователей сетевых ресурсов в связи с острым, актуальным событием в регионе, определять основные запросы и ожидания граждан по ситуации и отправлять информацию в ситуационные центры для более глубокого анализа.

Сетецентрическая концепция ориентирована не только на эффективное управление имеющимися техническими, финансовыми и другими средствами, но и на достижение информационного превосходства в экономике, политике, социальной сфере и т.д., обеспечивая способность системы оперативно адаптироваться к быстроменяющейся обстановке и переносить функции стратегического и оперативного управления по вертикали и горизонтали в соответствии с потребностями сложившейся обстановки. Для этого сетецентрический мониторинг должен обеспечивать в реальном времени комплексный многоуровневый анализ потоков малоинформативных в отдельности, а зачастую и противоречивых первичных сведений о появлении новых объектов или процессов. В идеале система должна уметь изменять логику анализа сложившейся обстановки по мере изменения источников информации и полученных новых данных о складывающейся ситуации. Выход из строя одной или нескольких локальных подсистем мониторинга не должен привести к коллапсу всего сетецентрического мониторинга. Ниже приведены два примера из совершенно разных областей сетецентрического мониторинга, иллюстрирующих разнообразие его методов и приложений анализа.

Электронная демократия как метод сетецентрического управления

В современной информационной эпохе карта мира представляет из себя не столько глобус, сколько реальную карту плоскостей контроля над информационными потоками. Таким образом, поскольку задача по сохранению суверенитета страны является одной из основных задач государства, необходимо построить систему электронной демократии, подразумевающей развёртывание управленческих информационных облаков.

Согласно «Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года»¹⁵⁰, одним из ключевых факторов успешного развития механизмов электронной демократии является конструктивное отношение граждан к самим демократическим процедурам, а также электронным технологиям, применяемым для оптимизации данных процедур и расширения их возможностей для всех участников законной общественно-политической деятельности.

Развитие механизмов электронной демократии должно опираться на целенаправленную информационную политику государства по популяризации информационно-коммуникационных технологий как среди населения в целом, так и среди отдельных категорий граждан.

Общая программа информационно-разъяснительной работы с населением и мер по популяризации механизмов электронной демократии может включать реализацию следующих мероприятий:

- проведение факультативных уроков в школах, а также презентаций возможностей механизмов электронной демократии в средне специальных и высших учебных заведениях, библиотеках, научно-образовательных центрах;

¹⁵⁰ Российская Газета, декабрь 2012 года

- размещение социальной рекламы в печатных и электронных средствах массовой информации, а также в социальных медиа;
- написание и рассылка пресс-релизов о деятельности ЕСЭД, инициирование некоммерческих публикаций в средствах массовой информации и бесплатных постов в популярных блогах;
- нематериальное стимулирование граждан, проявляющих значительную активность на площадке системы электронной демократии: проведение конкурсов на звание самого активного электронного гражданина, вручение активным гражданам почетных грамот, размещение текстов благодарностей в адрес активных граждан на главных страницах систем электронной демократии.

Одной из целей электронной демократии является обеспечение благополучия населения, проживающего на определенной территории. Современные технологии позволяют технически вовлечь население в обеспечение собственного благополучия, путем использования демократией с сетевым подходом.

При создании такой системы электронной демократии необходимо предусмотреть реализацию целого ряда подходов.

- I. Публичность: все обращения граждан адресуются в органы государственной власти и органы местного самоуправления публично. Ответы на обращения также размещаются публично и органы власти официально предупреждаются об этом в письмах (кроме случаев, когда содержание ответа не может быть опубликовано в связи с требованиями законодательства).
- II. Коллективность: любой человек может опубликовать проблему в системе электронной демократии. Каждый, кто заинтересован в решении данной проблемы, может поставить свою фамилию в список сторонников решения проблемы и принять участие в написании коллективного обращения. Окончательная редакция документа определяется автором проблемы либо специальным уполномоченным администратором ЕСЭД;
- III. Оценочность: ответы на обращения автоматически публикуются в системе и доводятся до сведения тех, кто участвовал в написании и обсуждении поднятых проблем. Граждане могут публично выразить свою оценку полученным ответам на коллективные обращения, что, в свою очередь, позволяет дать «обратную связь» руководящему составу – информацию о том, насколько граждане удовлетворены официальной реакцией органов власти на обозначенные проблемы.

Стоит отметить, что возможности системы электронной демократии должны быть направлены на обеспечение удобства и пользы не только для граждан, но и для работы органов власти, политических партий, общественных движений и органов местного самоуправления: в частности, аналитические отчеты, формируемые в системе электронной демократии, позволяют выявлять наиболее острые проблемы учреждений, организаций, территорий, отдельных ведомств и оперативно их решать, не доводя ситуацию до социальной напряженности.

Модель участия граждан, групп граждан и их объединений при принятии решений имеющих общественное значение

Задачей властей, в том числе через механизм корректного освещения в СМИ, является трансформирование существующей проблемы – в задачу, а так же определение потенциальных проблем и разработка мер и средств для профилактического действия. Профилактическая работа, направленная на недопущение возникновения общественных возмущений, является важной частью стратегического планирования и тактических действий властей.

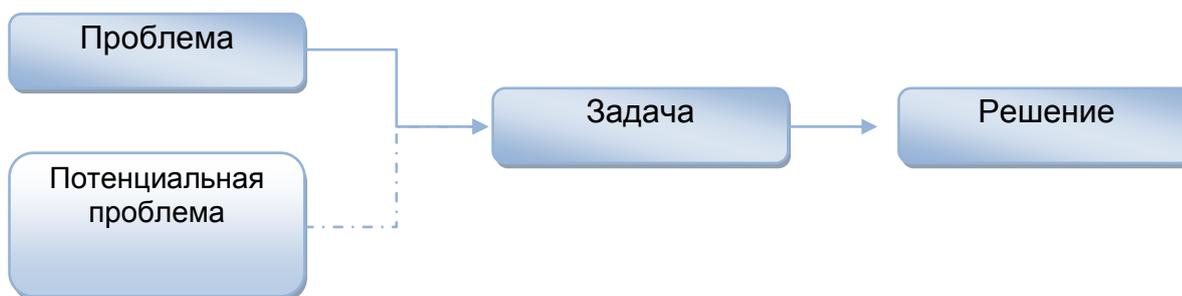

Рис. 9. Трансформирование проблем в решение

Власть должна первой озвучить задачи, перехватив инициативу на себя. Таким образом, чтобы озвученные задачи или выявленные проблемы преобразовать в Решение. При этом, должен быть реализован механизм, позволяющий сопрягать интегрированные общественные запросы с бюджетной системой Российской Федерации, который предполагает существование наряду с плановым, «плавающее» регулирование финансирования проектов под общественные запросы. Подобное становится очевидным при должном уровне понимания особенностей информационной эпохи. По нашему мнению, «плавающий» бюджет, совмещенный с картой общественных запросов, может быть (на первое время) реализован на муниципальном уровне или уровне субъектов.

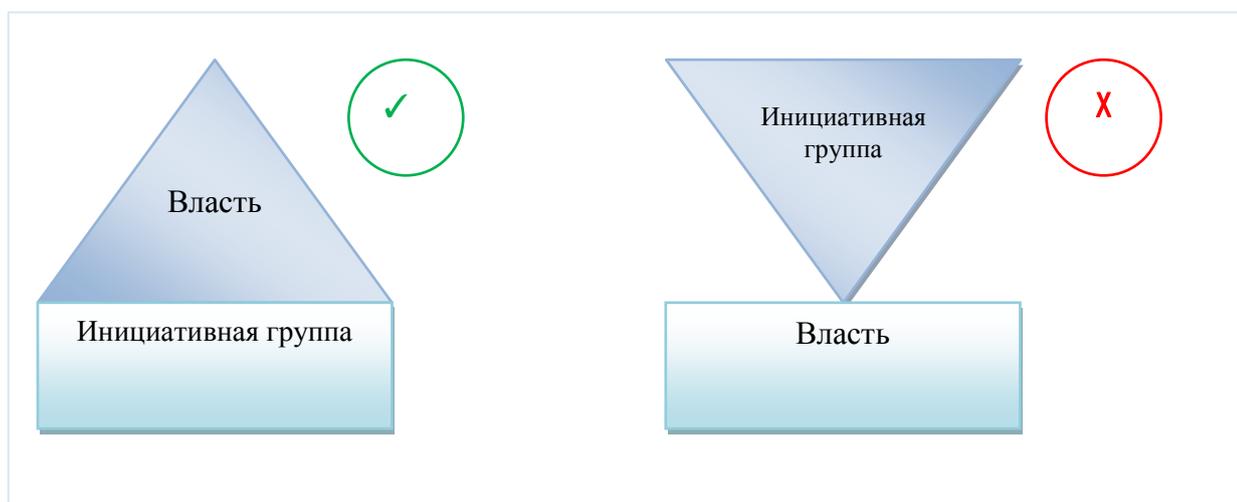

Рис. 10. Власть опережает запросы общества

При этом необходимо учитывать, что общественные запросы делятся на две категории:

- Формализованные (направленные)
- Неформализованные (ненаправленные)

Задачей власти является предвидеть и опередить информационный повод. Для этого необходимо систематически проводиться мониторинг и анализ как

формализованных, так и неформализованных общественных запросов. Такой мониторинг и анализ должен осуществляться, как уже указывалось ранее, программным способом (по схеме 24/7/365).

Необходимо понимать, что в случае некорректной работы властей, происходит потеря контроля ситуации, и тогда, инициативная группа, аккумулируя общественную поддержку, обретает силу воздействия на власть, с вероятностью выхода ситуации из под контроля в случае продолжительного временного интервала решения властями возникших проблем.

Задачей мониторинга, анализа общественных запросов, а так же решением задач, должен заниматься специализированный ситуационный центр.

Рис. 11. Схема ситуационного центра

Ситуационный центр по интеграции общественных запросов состоит из следующих структурных элементов:

- Автоматизированная Система
- Аналитическая Группа
- Экспертная Группа

Автоматизированная Система представляет собой специально разработанное программное решение (обеспечение), направленное на автоматизацию учёта и интеграцию поступающих общественных запросов. Поступающие запросы сегментируются по:

- Направлению / отрасли;
- Региональной принадлежности;
- Степени напряженности;
- Приоритетности (значимости).

Система должна обладать необходимыми аналитическими инструментами; визуально отображать многофакторное общественное поле, очаги напряженности (области возмущения). Система, на основе вносимых данных, утверждает рейтинговую систему общественных запросов, отображая происходящее, на уровне визуализации, в

цветовой схеме. В зависимости от поступающих данных, регулируется индикация происходящего с разбивкой по регионам и отраслям.

Информация в Систему поступает от *Аналитической Группы* ситуационного центра.

Аналитическая Группа является центром анализа, мониторинга и интеграции общественных запросов в рамках ситуационного центра. Задачами Группы являются:

1) прогнозирование возникновения очагов напряженности (областей возмущения), определение последствий их возникновения, прогнозирование вариантов развития событий, разработка «профилактических» мер для предварительного урегулирования ситуации;

2) мониторинг состояния общественного мнения с целью выявления ненаправленных (неформализованных) общественных запросов, учёт таких запросов, формирование заявок;

3) Анализ поступивших формализованных запросов;

4) Занесение данных о запросах, сформированных заявок, а так же дополнительной информации в *Систему*. Занесенная информация поступает для решения *Экспертной Группы*.

Экспертная Группа состоит из соответствующих компетентных комитетов (групп), деятельность которых направлена на разрешение запросов, поступивших в Систему.

Задачами *Экспертной Группы* являются:

1) Выработка стратегии для разрешения ситуаций (возможно формирование «дорожных карт»);

2) Взаимодействие с соответствующими муниципальными и региональными органами для решения общественных запросов;

3) Ведение отчетности по результатам деятельности, фиксирование основных процессов деятельности.

4) Занесение данных в Систему: изменение статуса запросов, внесение и изменение необходимых данных.

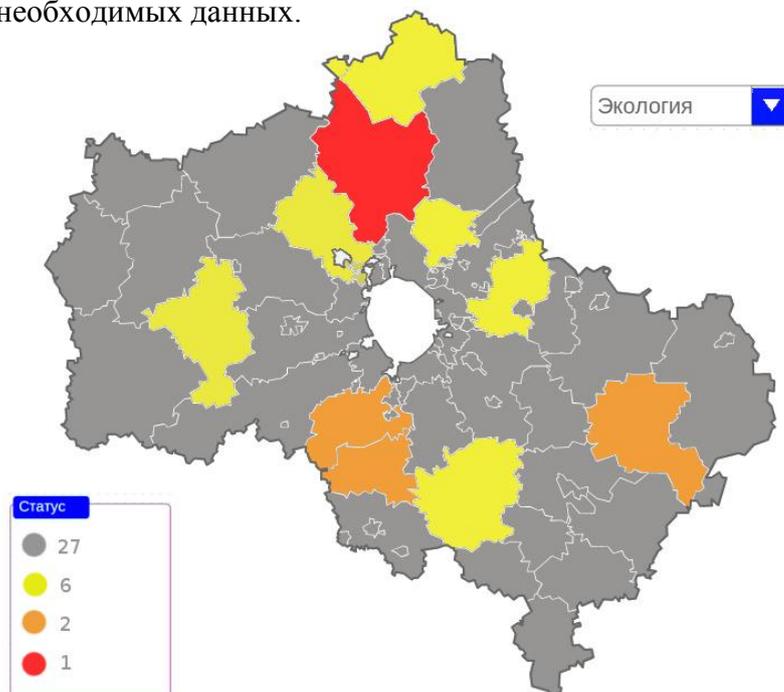

Рис. 12. Примерный вариант визуального отображения Системы по сводному мониторингу общественного настроения, с учётом регионального деления, сегментации по направлению и категориальной индикации.

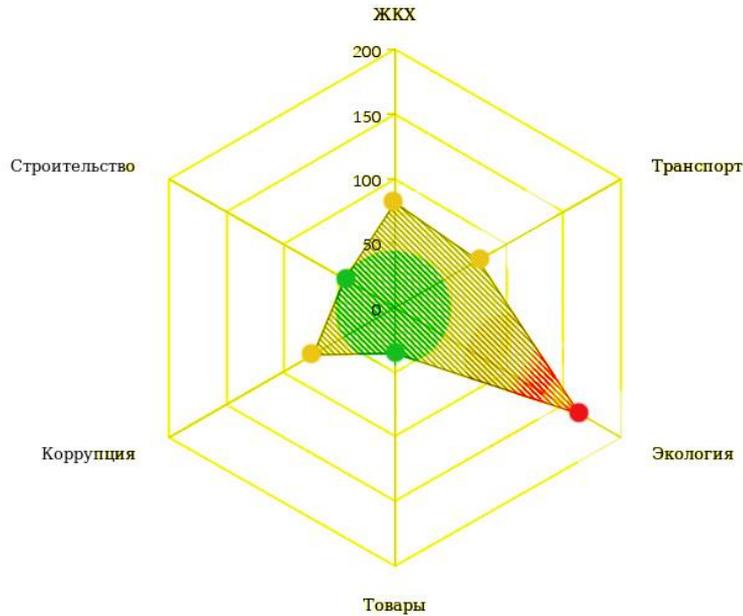

Рис. 13. Примерный вариант визуального отображения анализа Системы по общественным запросам в регионе. Система учитывает количественную (единичные, коллективные запросы) и качественные характеристики общественных запросов, определяет индикаторы общественных возмущений, наиболее «острые» вопросы общества, позволяя государству расставлять приоритеты.

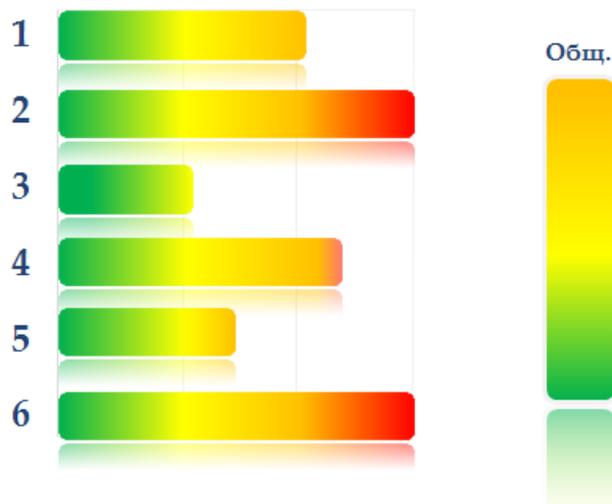

Рис. 14. В то же время подобная система выполняет функции «перманентного градусника общественных настроений», анализируя данные по категориям, а так же отображая сводный уровень (степень) возмущения общества.

Часть 2. Горизонты этики сетцентричной электронной демократии для отечественной государственной службы

Глава 4. Управленческая культура и этика отечественных госслужащих de facto

Этический и технологический подходы к сетцентричности

Важнейшим условием сетцентричного принципа в управлении и демократии является его простота, определяющаяся такими элементами как ясная и четкая доктрина, набор правил, а также конкретные намерения субъектов и объектов управления¹⁵¹. Однако и этот принцип не стоит возводить в степень абсолюта – ему сопутствует *этика* сетцентричной электронной демократии.

Гиперболизация технологического подхода в популяризации и развитии сетцентричной электронной демократии среди государственных служащих и общественности – типичная ошибка, которая может породить довольно серьезные риски для политической системы. К примеру, если реформу по внедрению в демократический механизм сетевых основ провести лишь только в направлении создания информационных узлов, единой национальной информационно-коммуникационной платформы, то за рамками политических трансформаций остаются вопросы аксиологии, информационного просвещения, этики. Самые разные категории социума, в том числе и государственные служащие, получив саму возможность коммуницирования друг с другом посредством новой электронной системы, не меняют свою систему ценностей, не откажутся в тот же миг от собственных привычек, общепринятых паттернов и коллективных стереотипов, не станут профессиональней и нравственней.

Представлять любую новейшую технологию за некую панацею – значит, становиться на путь иллюзий и самообмана. Технология – не идеальное лекарство от всех социально-экономических и тем более политических издержек. Возьмем, например, ту же ядерную энергию: она способна стать светом в нашем доме, а может превратиться в атомную бомбу, которая уничтожит все, что нам дорого. Так же и с любой другой технологией, которая представляет определенный Ящик Пандоры для любого современного реформатора государственного уровня. Иными словами, если в реформе управления отдавать предпочтение только технологии, пусть и самой новейшей, то политический абсентеизм граждан, коррупционные процессы, недоверие населения к органам власти и т.п. никуда не исчезнут, - мало того, они трансформируются и перейдут на новый уровень мимикрии. В итоге мы получим внешне эффектный технологичный фасад управленческого сегмента, где будет сохраняться опасная энтропия всей системы.

Этический принцип позволяет преодолеть ограниченность технологичного подхода в реформировании управленческой матрицы. Он способен сделать политические трансформации более устойчивыми, надежными в социуме, а значит, эффективными.

Под этикой (от греч. ἠθικόν, др.-греч. ἦθος – этос, обычай, нрав) подразумевается философская область знания, предметом исследования которой являются мораль и нравственность¹⁵². Как правило, этика связана с такими категориями как мораль и нравственность.

¹⁵¹ Alberts, Garstka, and Stein. Network Centric Warfare: developing and leveraging information superiority. C4ISR Cooperative Research Program. Washington D.C., 1998.

¹⁵² Гусейнов А.А. Этика //Новая философская энциклопедия /Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.

Мораль является одним из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе. Нравственность, в отличие от морали, – это внутренняя установка человека действовать согласно своей совести и свободной воле. На эти два основных сегмента любой этики оказывает непосредственное влияние культура социума.

Компьютерная этика

Следует отметить, что культуру (от лат. cultura, от глагола colo, colere — возделывание, позднее - воспитание, образование, развитие, почитание) нельзя считать чем-то целостным и монолитным¹⁵³. Она, как правило, содержит не просто народные традиции, обычаи, эпос, фольклор и т.п., но и культуры, составляющих социум гражданских сегментов. Если взять этику, то она, безусловно, основывается на неких изначальных культурных кодах. Так, этика сетецентричной электронной демократии не может возникнуть на пустом месте – ей должна предшествовать соответствующая культурная платформа. Следовательно, если не формировать сетецентричную управленческую культуру государственных служащих, то вместо неё укрепится довольно замкнутая внутрикорпоративная чиновничья культура со своими предпочтениями и ценностным рядом, что и создаст неустойчивую опору для любой реформаторской стратегии. Игнорирование культурно-этической стороны сетецентричной электронной демократии, как правило, приводит к тому, что любая трансформация управленческой системы ограничивается косметическими мерами и вырождается в масштабные, затратные, но нереализуемые на практике проекты. Теперь проанализируем управленческую культуру и этику российских государственных служащих de facto, чтобы понять – готовы ли они психологически перейти на уровень сетецентричной электронной демократии или кроме технологических решений требуются иные изменения, - морально-нравственного порядка?

Управленческая культура подразумевает совокупность способов, средств, принципов, форм и методов целенаправленного координирующего, организующего и контролирующего действия, которыми овладел и успешно практикует служащий в своей профессиональной деятельности в процессе реализации должностных полномочий¹⁵⁴.

Чтобы понять этику современных отечественных госслужащих, просчитать её риски и специфику, необходимо обратиться к сложившейся культуре управленцев. Среди исследований, анализировавших этот феномен, можно выделить работы Ю.Н. Старилова, Г.В. Атаманчука, Д.Н. Бахраха, Д.М. Овсянко, Ю.А. Тихомирова, А.П. Алехина, Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова, А.Ф. Ноздрачева¹⁵⁵. Обобщая многообразие научного наследия и теоретических подходов в этом вопросе, логично обозначить ряд управленческих аномалий, устранение которых предполагает реальную эффективизацию государственной службы.

Особой частью управленческой культуры выступает компьютерная этика широкой общественности и государственных служащих¹⁵⁶. Компьютерная этика – стратегическая компонента этики сетецентричной электронной демократии. Пионерами в изучении компьютерной этики были такие американские ученые как Дж. Мур, Дебора Джонсон, Дж. Снэппер, Л. Ллойд, У. Бетчел, Джулия Ван Дюн, В. Манер и др. По мнению

¹⁵³ Асоян Ю., Малафеев А. Историография концепта «cultura» (Античность – Ренессанс - Новое время) //Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX - начала XX веков. М. 2000, с. 29-61.

¹⁵⁴ Охотский Е.В. Управленческая культура государственного служащего современной формации // Право и управление. XXI век, 2009. №4(13).

¹⁵⁵ Старилов Ю.Н. Что происходит с инструментом российской государственной службы? //Журнал Российского права. - 2004. - № 9. -С.11; Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. - 2-е изд. - М.: РАГС, 2008. -С. 310 и т.п.

¹⁵⁶ Капто А. Компьютерная этика //Безопасность Евразии, 2004. №2.

отдельных отечественных исследователей, компьютерная этика – не просто набор неких правил, а сложное и динамичное поле для исследования, включающее анализ отношений между фактами, концепциями, политикой и ценностями с учетом постоянно изменяющейся компьютерной технологии¹⁵⁷. Еще Дж. Мур в своей статье «Что такое компьютерная этика?» писал, что если в обществе на первой стадии происходит совершенствование компьютеров, то на второй стадии компьютерная технология быстро становится интегрированной частью практически всех общественных институтов.

В 1976 г. В. Манер, предлагая термин «компьютерная этика», предположил, что существующие в жизненной практике этические аспекты, рассматриваемые через призму компьютерной среды, серьезно искажаются. Внедрение компьютеров в различные сегменты социума, по его мнению, создает совершенно другие этические проблемы. Обозначив новую область как науку, исследующую этические проблемы, измененные или сформированные компьютерной технологией¹⁵⁸, ученый допускал некую идеализацию проблемы, полагая, что учебная литература стимулирует обсуждение в социуме таких важнейших вопросов как компьютерные преступления, конфиденциальность информации, зависимость от технологий и профессиональные этические кодексы. (Он же и разработал учебник «Компьютерная этика»).

Есть и диаметрально противоположный подход. Так, Дж. Мур убежден, что простое и механическое применение этики для создания конкретной стратегии в различных ситуациях (в том числе и в политико-управленческом сегменте) не всегда представляется возможным. Внедрение базовых этических ценностей для создания неких новых стратегий (в нашем случае – внедрение этики сетецентричной электронной демократии для государственных служащих и общественности) уместно лишь в случае решения первичных этических вопросов и устранения соответствующего вакуума. Мур пишет, что компьютерная этика выступает практической теорией, дающей широкий потенциал для анализа феномена «информационной революции». Не случайно российский философ О.М. Манжуева отмечает в работах Мура такие специфические термины как, «политические вакуумы», «логическая податливость», «основные ценности», «концептуальные путаницы», «объективная закономерность»¹⁵⁹.

Любопытно, что Д. Джонсон придерживается схожего подхода. Согласно её мнению, компьютерные технологии всего лишь видоизменяют прежние этические проблемы и дилеммы¹⁶⁰. *Она исключала вариант появления новых этических принципов на базе технических изменений.* Поэтому, перед тем как исследовать потенциал и риски этики сетецентричной электронной демократии, важно понять, что *de facto* представляет собой управленческая культура российского чиновника. *Такой шаг необходим для осознания того, насколько отечественная управленческая культура готова к появлению этики сетецентричной электронной демократии* (а не только технологии), и какие есть для этого препятствия и преимущества.

Фактор управленческой культуры

Как полагает ряд исследователей, «топовыми» отечественными управленческими аномалиями выступают теневое лоббирование, коррупция, отсутствие прозрачной системы межведомственного взаимодействия между различными уровнями органов государственной власти, теневая юстиция, развитие «телефонного права», пробелы и

¹⁵⁷ Галинская И.Л. Этика и психология компьютерной жизни //Культурология, 2001. №2.

¹⁵⁸ Maner W. Starter Kit in Computer Ethics. Hyde Park. - NY.: Helvetia Press and the National Information and Resource Center for Teaching Philosophy, 1980. P. 14-17.

¹⁵⁹ Манжуева О.М. К вопросу о природе компьютерной этики //Вестник ВСГУТУ, 2014. №3(48).

¹⁶⁰ Johnson D. Computer Ethics. Third Edition Upper Saddle River. - NY.: Prentice-Hall, 2001. - P. 73-77.

коллизии нормативно-правового регулирования¹⁶¹. Но откуда появились эти элементы управленческой культуры?

Управленческая культура напрямую зависит от характеристик политической географии и климатических особенностей страны. (Об этом писали еще Геродот и Монтескье). Исходя из этих факторов складываются и социокультурные особенности этики государственных служащих в любой стране¹⁶². Вспомним, что в сравнении с Западной Европой и США, непростые климатические черты России – трудные условия выживания, недостаток плодородных земель, - понуждали наших предков к расширению территории, освоению все больших земель и ресурсов. За этим следовало сохранение и укрепление крестьянской общины с уравнительным землепользованием и поддержкой слабых¹⁶³. (Крестьянская община не только развивалась в имперской России, она мимикрировала во время советских колхозов). Фактор сознания крестьянской общины и необходимость защищать осваиваемые территории способствовали предпочтению сильной, даже авторитетной власти, важной роли государства, а не частной собственности. На это указывают не только российские ученые, но и их зарубежные коллеги, отмечая, что отечественная власть всегда нуждалась в сильном центре – источнике легитимности, скрепляющем всю систему, обеспечивающем её стабильность и бесперебойное функционирование¹⁶⁴. Это опять же закрепило в отечественной культуре ориентацию на концепт справедливости (в отличие от некоторых западных стран, где с развитием частной собственности монополию получил концепт равенства перед законом). Взамен за обеспечение выживания и защиту от внешних врагов, население уступало власти и её государственным служащим часть своих же прав. Неслучайно наша отечественная история знала обычай «кормления», когда управленцы на местах, отвечающие за поступление налогов в центральную казну и контролировавшее общественно-политическую ситуацию, «кормились», обеспечивались за счет населения¹⁶⁵.

Социолог О.Э. Бессонова отмечает, что на отечественное управление сильное влияние оказала традиция служебного труда, развивающаяся в русском обществе со времен Древней Руси, закрепившаяся в период Московского царства и Российской империи и рудиментарно проявляющаяся в Советском Союзе и современной Российской Федерации¹⁶⁶. По её мнению, служебный труд означает отдачу своего труда в разных формах в том объеме, в каком требуется, а также предполагает, что для осуществления службы создаются необходимые условия, которые государством и предоставляются.

Своеобразие подданнической управленческой культуры

Отечественная управленческая культура хорошо проявляла свою специфику, как в Российской империи, так и в Советском Союзе. Ещё в советское время в среде чиновничества проявлялась определённая тяга к кастовости, замкнутости и к авторитаризму. Тогда определённую роль сыграли ранее описанные черты российского сознания, сформировавшие подданническую управленческую культуру (вариант культуры подчинения), которую даже социализм со своим мощным коллективистским импульсом

¹⁶¹ Коженко Я.В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий //Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.

¹⁶² Комлева В.В. Престиж государственной службы в социокультурном контексте: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. М., 2004.

¹⁶³ Супоницкая И. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 20.

¹⁶⁴ Грэм Т. Россия: упадок и неопределенные перспективы возрождения. /Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 19.

¹⁶⁵ Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 144.

¹⁶⁶ Бессонова О.Э. Рыночная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 18, 90.

не успел перепрограммировать в более активистскую (партиципативную) с принципами свободного дискурса между субъектом и объектом управленческой системы (важнейшего элемента сетцентричной этики). Феномен схожей политической культуры описали Г. Алмонд и С. Верба¹⁶⁷. (Управленческая культура, как правило, сильно коррелирует со своим политическим аналогом по той причине, что практика государственно-управленческих и политико-партийных отношений исходит из общего культурного ядра конкретной страны либо целой цивилизации).

У подданнической управленческой культуры есть две стороны, предполагающие распределение социальных и политических ролей для основных игроков – субъектов и объектов управленческого механизма. Во-первых, подданническая управленческая культура подразумевает собой такой тип культуры, когда подавляющее большинство населения в большей или меньшей степени осведомлено о правах государственных служащих, политических институтах и процессах, а также о тех правилах, ограничениях, которые и составляют социальные паттерны и табу. Такой паттерн означает, что население тесно связано с политикой и управлением эмоционально (гордится политической системой или относится к ней с неприязнью либо, как часто бывает на деле, – опасается соприкоснуться с государственными служащими, усматривая здесь для себя определенные риски), расценивает политические явления с точки зрения дихотомии «справедливости – несправедливости». Одновременно отношение к политической системе носит пассивный характер, при этом отсутствует стремление участвовать в процессе принятия политических решений или влиять на них¹⁶⁸. Во-вторых, осознание силы и власти государственных служащих в условиях закрепления модели подданнической управленческой культуры не предполагает обращения основной части населения (объектов управления) к категориям этики профессиональной ответственности и компетентности государственных служащих.

Стержневым элементом подданнической управленческой культуры является паттерн пренебрежения к любым демократическим ценностям. Такая картина уже вполне складывалась в советский период. Здесь, конечно, изначально декларировались принципы советской демократии (хотя и особой, отличной от западно-либеральной альтернативы). Однако уже советские государственные чиновники относились к советско-демократической риторике и аксиологии (выборности, сменяемости, ротации кадров и т.п.) с изрядным скепсисом. Наиболее последовательные критики советской демократии (Э. Модсли, О.В. Крыштановская и др.) пишут, что Советы лишь формально представляли собой вид законодательной власти, а выборы были безальтернативные, - Советы так же, как и партийные комитеты, уступали по власти аппарату – вышестоящим исполнительным комитетам¹⁶⁹, связанным с государством.

Генезис культуры советских управленцев

По мнению О.В. Крыштановской, выборы Советов носили формальный характер, и типичной ситуацией было то, когда на предприятие или в регион из центра присылался новый, никому неизвестный человек, предназначенный занять пост главы партийного, комсомольского комитета или Совета¹⁷⁰. С подобной точкой зрения категорически не согласен политолог С.Г. Кара-Мурза, который пишет, что Советы с самого начала своей истории несли в себе принцип прямой, а не представительной демократии¹⁷¹. Вместе с тем, следует признать тот факт, что формальное отношение к идее демократии у

¹⁶⁷ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

¹⁶⁸ Абрамов А.В. 12 лекций по политологии: Учебное пособие для бакалавров. М.: ИИУ МГОУ, 2013.

¹⁶⁹ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 106.

¹⁷⁰ Там же. С. 107.

¹⁷¹ Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток-Запад. М.: Алгоритм, 2001. С. 52.

советских государственных чиновников никуда не исчезло. Тогдашнее чиновничество видело коммунистический проект модернизации совсем по-другому, отдавая предпочтение подданническим управленческим практикам, предполагающих отношения патрона и зависимого. К слову, ещё Дж. Мэйзел довольно детально проанализировал феномен патрон-клиентских отношений, выведя знаменитую формулу «трёх С»: «Conscience – Cohesion – Conspiracy» (Сознание – Сплочённость – Сговор)¹⁷².

В условиях подданнической управленческой культуры сетевые принципы демократии заменяют так называемые патрон-клиентские сети, означающие лишнее, порой чрезмерное посредничество и неравные отношения в системе «субъект – объект» управления. В этом варианте с одной стороны существует патронаж (франц. *patron* от лат. *patronus* – начальник)¹⁷³ – техника покровительства влиятельными государственными служащими своих ближайших подчинённых для собственных узкокорыстных целей, а с другой стороны, имеется обширная клиентелла¹⁷⁴ из этих зависимых (от лат. *kliens* – клиент, подчинённый)¹⁷⁵, спаянных утилитарными корпоративными принципами и антиобщественными интересами¹⁷⁶. Ряд публицистов (М. Джилас, К. Виттфогель, М.С. Восленский) поясняют феномен влияния патрон-клиентских сетей тем, что бюрократия фактически превращается в правящий класс¹⁷⁷. Коротко проанализируем советский кейс подданнической управленческой культуры. Это необходимо не только для того, чтобы понять, каким образом проект советской демократии был дискредитирован в глазах служащих и общественности, но и с той целью, чтобы осознать все риски игнорирования феномена управленческой культуры и этики в процессе внедрения сетевых принципов электронной демократии.

К подлинному маркеру подданнической управленческой культуры следует отнести так называемый бюрократизм – метод управления или ведения дела, отличающийся доминированием типичной волокиты, канцелярщины, заботы о формальной стороне государственной службы, полным отсутствием интереса к существу дела, оторванности от общественности, пренебрежением к её нуждам и потребностям¹⁷⁸.

Уже сами советские ученые отмечали деструктивную специфику новой управленческой культуры, когда бюрократизм особенно бурно разросся при НЭПе¹⁷⁹. На фоне приобретающей все большее значение централизации, система управления обрела «аппаратным спрутом» с характерными излишествами. Типичная ситуация имела место в так называемых хозрасчётных трестах – в них на одного служащего в центральном правлении приходилось 3-6 работников в филиале¹⁸⁰. Патрон-клиентские сети стремительно росли.

Четким мерилom эффективности любой управленческой культуры служат эмпирические показатели. Советский исследователь Е. Саломонович, наблюдая за подобной деструкцией, пишет, что из-за увеличения служащих опоздание и уход со службы до официального конца работы постепенно переросли в серьёзное и хроническое

¹⁷² Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. P. 4.

¹⁷³ Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. С. 888.

¹⁷⁴ Афанасьев М.Н. Клиентелла в России вчера и сегодня //Полис, 1994, №1. С. 121.

¹⁷⁵ Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. С. 522.

¹⁷⁶ Willerton J.P. *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge, New York, Sydney: Cambridge University Press, 1992. P. 5.

¹⁷⁷ Wittfogel K. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press, 1963; Djilas M. *The New Class*. L.: Allen and Unwin, 1957. P. 196-198.

¹⁷⁸ Федорченко С.Н. Подданническая политическая культура как матрица советской и современной российской бюрократии //Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение. Материалы Всероссийской научной конференции в Президиуме РАН. М.: Научный эксперт, 2010.

¹⁷⁹ Данилин А.Б. Нэповская Россия: «Социалистическая рационализация» рынка труда //Новый исторический вестник, 2001. №3.

¹⁸⁰ Федорченко С.Н. Трансформация государственной кадровой политики в политической системе современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008.

явление. Он приводит данные, что в 1920-х гг. в среднем опаздывало на время от 10 до 40 мин. до 30% всего состава сотрудников¹⁸¹. Мониторинг рабочего процесса в государственных учреждениях вскрыл неоднократно повторяющиеся случаи, когда служащие в течение рабочего дня много раз бросались от одной работы к другой, не сосредотачиваясь на конкретной цели и задачах. Кроме того, отсутствовало четкое расписание докладов высших ответственных государственных сотрудников. Порой расходовалось до 18% рабочего дня на ожидание доклада к начальнику¹⁸².

Официальная статистика свидетельствует, что удельный вес всего государственного аппарата управления к X пятилетке аппарат управления вырос на 2 млн. 200 тыс. человек (14,2%). Общее же число простых работников увеличилось лишь на 9,8%¹⁸³. В. Гимпельсон полагает, что советский аппарат в то время увеличился еще больше – до 2,4 млн.¹⁸⁴ По отдельным оценкам, к 2013 году численность госчиновников всех уровней в России составила 6 миллионов человек¹⁸⁵.

Показательно то, как проявляла себя подданническая управленческая культура в советскую эпоху. Еще Б. Спиноза в своей работе «Этика», обыгрывая латинское выражение *status in statu*, обратил внимание на то, что людей можно рассматривать, как государство в государстве¹⁸⁶. Данную традицию продолжили и последующие исследователи, анализируя неразрывную связь государства и партии, государственных служащих и партийных чиновников. Отдельные авторы, действительно, больше изучали феномен советской управленческой культуры, не считая нужным четко разделять партийное и государственное. (Как правило, сторонники этого подхода исходят из идеи слияния партии и государства. И так как партийное воздействие на практику советского государственного управления было определяющим, частично с этим подходом можно согласиться).

Например, М.С. Восленский приводит порядок подготовки советских кадровых решений. Он заметил, что секретарь соответствующего партийного комитета давал заведомо подготовить проект управленческого решения, сообщая при этом, как он должен быть составлен. Однако заведующий отделом сам этим заданием не занимался, лишь подписывая, давая резолюции, визируя документы. Механизм был таким – заведующий отделом перепоручал процедуру подготовки управленческого решения к определённому сроку завсектором или руководителю соответствующей группы. Но и заведующий сектором не занимался этим, переадресовывая порученное задание тому сотруднику, к компетенции которого был подлежащий решению вопрос и подробно излагал ему свои соображения по проекту. Когда сотрудник среднего звена, вернувшись в кабинет, понимал, что теперь он и есть ответственный за подготовку управленческого решения, он тоже пытался разделить ответственность – советовался с коллегами из тех отделов, компетенцию которых вопрос хоть в какой-либо мере затрагивал проект, а также с руководителями заинтересованных ведомств. Позже, когда проект управленческого решения был готов, он возвращался к заведующему сектором, затем к заведующему отделом и так до секретаря комитета, где и согласовывался на каждом последующем этапе. Проект ставился на рассмотрение и голосование бюро или секретариата комитета. После окончательного одобрения, решение включалось под номером в итоговый протокол

¹⁸¹ Саломонович Е. Установка работы в учреждениях (Опыт работы Орга-станций ЦИТа в учреждениях) // Организация труда, 1924. №8-9. С. 40-41.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Брежнев Л.И. 1964-1982. Вестник Архива Президента. Спец. изд. М., 2006. С. 186.

¹⁸⁴ Гимпельсон В. Численность и состав российской бюрократии // Вопросы экономики, 2002. №11. С. 94.

¹⁸⁵ Коженко Я.В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.

¹⁸⁶ Colitti M. *Etica e politica di Baruch Spinoza*, Aliberti, 2010.

заседания бюро или секретариата партийного комитета¹⁸⁷. Как видно, ключевой механизм подданнической управленческой культуры – патрон-клиентские отношения с лишним посредничеством, стали системным явлением. На основе этой партийной практики воспитывались и советские государственные чиновники, что способствовало таким негативным чертам управления как громадная волокита и излишняя перестраховка. В функционировании назначаемых партаппаратов скрывались серьёзные и нерешённые проблемы на этапе подготовки конкретного управленческого решения. Это сильнейшим образом оказывало воздействие на воспроизводство и закрепление подданнической матрицы управленческой культуры.

Подданническая культура закреплялась в обществе поколениями. Неслучайно американский политолог Джеффри Стаут утверждал, *что демократическая постановка вопросов также как и любая другая становится традицией, когда ей удается продержаться в жизни нескольких поколений*¹⁸⁸. В нашем случае патрон-клиентские приемы, воспроизводясь в жизни нескольких советских поколений, только укрепили паттерны подданнической управленческой культуры, которые и позже никуда не исчезли, а органично встроились в модель поведения современных российских государственных служащих.

Отношение россиян к современным чиновникам

Описываемая управленческая культура закладывает определенные предпосылки для недоверия россиян к государственным служащим. Доказательством этому факту являются данные социологических замеров. На этом фоне особенно показательно отношение опрашиваемых отечественных респондентов к государственным служащим. Так, по данным Левада-Центра, население меньше всего считает, что в органах государственного управления работают самые честные, совестливые, порядочные, умные, талантливые, и способные люди в стране (рис. 15). Предпочтения в этом отданы людям из научной среды, бизнеса, торговли и финансовой сферы.

В...	А	Б
науке	32	20
бизнесе, торговле, финансовой сфере	26	<4
медицине, образовании,	22	15
искусстве, литературе, в культуре	19	13
сфере производства (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т.п.)	18	13
журналистике, в средствах массовой информации	12	7
политике, политических партиях и движениях	9	<2
шоу-бизнесе, эстраде	8	<2
в религиозных организациях, в РПЦ	7	16
в правительстве, органах государственного управления	7	<2
сфере услуг	6	5
общественных, некоммерческих организациях	6	6
Государственной Думе, Совете Федерации, органах законодательной власти	5	1
в армии, полиции, органах охраны правопорядка	5	4
затрудняюсь ответить	25	39

¹⁸⁷ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. С. 117-118.

¹⁸⁸ Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2009. С. 214-216.

Рис.15. Как Вы думаете, в каких сферах сейчас работают ... (а. самые умные, талантливые, способные люди в нашей стране? б). а в каких - самые честные, совестливые и порядочные люди в нашей стране? %, N=1601, 20-24 июня 2013 г.)¹⁸⁹

Красноречивы данные и другого опроса Левада-Центра, согласно которому больше всего россияне не уважают политиков, государственных служащих, полицейских и представителей шоу-бизнеса (см. рис. 16). Зато уважением пользуются врачи, школьные учителя, ученые, крестьяне, рабочие и военные.

	Уважают	Не уважают	Баланс
Врачи	55	8	47
Школьные учителя	48	4	44
Ученые	44	1	43
Крестьяне	44	2	42
Рабочие промышленности, строительства, транспорта	40	<1	39
Военные	39	5	34
Творческая интеллигенция (писатели, художники, композиторы)	24	3	21
Преподаватели вузов	21	3	18
Актеры театра и кино	20	9	11
Священники	18	4	14
Бухгалтеры, экономисты	15	5	10
Предприниматели, бизнесмены	13	11	2
Журналисты	9	14	-5
Звезды эстрады, поп-	9	24	-15
Работники сферы обслуживания	8	7	1
Полицейские	8	29	-21
Работники торговли	7	12	-5
Сотрудники прокуратуры	6	16	-10
Судьи	6	17	-11
Офисные работники	4	7	-3
Политики, депутаты	3	35	-32
Работники шоу-бизнеса	3	28	-25
Государственные служащие, чиновники	3	28	-25
з/о	7	18	-

Рис. 16. Представители каких профессий вы более всего уважаете, а каких - нет? (% , N=1601, сентябрь 2012 г.)¹⁹⁰

¹⁸⁹ Главные профессии по мнению жителей России [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/04-07-2013/glavnye-professii-po-mneniyu-zhitelei-rossii> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).

¹⁹⁰ Главные профессии по мнению жителей России

Чиновник versus государство?

Очень схожие показатели предоставляет и раннее исследование ВЦИОМ. Результаты опроса свидетельствуют, что россияне четко разделяют понятия «государство» и «чиновничество»: если в основном к государству респонденты показали позитивное отношение, то к феномену «чиновничество» скорее негативное. Подобные оценки, по мнению эксперта В.В. Петухова, в целом органично вписываются в устоявшееся в российском менталитете отношение россиян к чиновникам и государству (рис. 17).

Государство, как и во время Российской империи и эпоху Советского Союза, воспринимается россиянами как некая сверхценность – высшая инстанция в реализации общественных и частных интересов. Тогда как чиновничество, работающее на то же государство, оценивается как сосредоточие всего самого скверного и негативного, что есть в обществе. Характерно, что если к государству есть определенная палитра отношений, кратно зависящая от уровня материального обеспечения респондента, то в случае с чиновниками у самых разных социальных слоев россиян практически одинаковое негативное отношение.

	Оценка уровня материального обеспечения		
	хорошее	удовлетворительное	плохое
Государство			
Скорее позитивное	91,2	86,0	79,6
Скорее негативное	8,8	14,0	20,4
Власть			
Скорее позитивное	67,3	52,6	39,6
Скорее негативное	32,7	47,4	60,4
Чиновничество			
Скорее позитивное	10,6	12,9	8,6
Скорее негативное	89,4	87,1	91,4
Государственные служащие			
Скорее позитивное	61,1	59,5	50,2
Скорее негативное	38,9	40,5	49,8

Рис. 17. Каково Ваше отношение к приведенным ниже понятиям? (% , ВЦИОМ)¹⁹¹

Риски количественного принципа

Как было показано выше, формализм, приспособленчество, и, главное, перестраховка, распространенная в советское время, стали отличительными признаками

[Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/04-07-2013/glavnye-professii-po-mneniyu-zhitelei-rossii> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).

¹⁹¹ Петухов В.В. Бюрократия и власть //Социс, 2006. № 3.

российской подданнической управленческой культуры. Хуже всего то, что современная отечественная политическая элита, став на путь конфронтации с западными странами (США, члены ЕС), фактически выстраивает собственную стратегию оценки эффективности государственной службы, исходя из принципа количественных показателей, которые и практикуют эти же западные страны. Причем, количественные показатели уже проникли во многие сферы российской жизни – от образования и науки (индекс Хирша ученого и преподавателя, импакт-фактор научных журналов) до системы рейтингования губернаторов. Если вспомнить мысль Джеффри Стаута о том, что любая практика превращается в традицию, когда ей удается продержаться в жизни нескольких поколений, то становится понятным весь масштаб существующего парадокса – нацеленность на новаторство в управлении, образовании, науке и политике у нас совмещается с абсолютизацией количественных показателей (даже если эта практика идет в разрез с прогрессом национальной модели управления).

Получается, что количественные показатели довлеют над работниками министерств, создающими для системы образования стандарты, в свою очередь, преподаватели, обучающие студентов управленческому знанию, вынуждены учитывать количественный фактор даже в собственной карьере. Наконец, выпускники – будущие государственные служащие также должны будут работать по такой системе. Образуется замкнутый круг, опасный тем, что диктат количественных показателей становятся той тотемной маской, которая заслоняет от общественности такой деструктивный процесс как закрепление практики подданнической управленческой культуры у всех групп населения, которые хоть как-то связаны с воспроизводством государственной службы (чиновники, преподаватели, студенты и т.п.). На деле, в условиях постепенного увеличения нагрузки на государственных служащих, последние стремятся минимизировать затраты своих сил и своего рабочего времени, отбрасывая инициативность, креативность, внедрение инновационных систем управления по типу сетецентричной электронной демократии. Вместо новых технологий предпочтение отдается подготовке впечатляющей отчетности, избыточной цифрами, графиками и т.п. (Схожий формализм появился в позднем советском планировании).

Условия для абсолютизации количественных показателей в государственной службе России – самые что ни на есть неподходящие. В настоящее время чисто административная работа в общей нагрузке служащих центрального аппарата занимает приблизительно 24,5% рабочего времени, тогда как у служащих территориальных органов – 78%. Оставшееся время уделяется аналитике, делопроизводству и информатики, новым технологиям. При этом внедрение новых регламентов не сократило нагрузку, а, наоборот, усилило в 60% случаев¹⁹². Естественно, что при подобных нагрузках количественные показатели, которые при ином стечении обстоятельств могли бы принести и пользу государственному управлению, наоборот, провоцируют российских чиновников на формализацию управленческого процесса.

Архаика формализации

Особо следует подчеркнуть, что формализация управленческого процесса всегда связана с повышенным равнодушием субъекта управления по отношению к объекту управления. В этом плане интересны данные социологических исследований Левада-Центра, согласно которым респонденты в ответе на вопрос «Что Вы, как правило, делаете, если сталкиваетесь в каких-либо учреждениях с хамством, равнодушием?» в основном указывали: «Терплю, но стараюсь не ввязываться в выяснение отношений» и «Возмущаюсь, хотя и без особых результатов» (рис. 18).

¹⁹² Охотский Е.В. Управленческая культура государственного служащего современной формации //Право и управление. XXI век, 2009. №4(13).

	11.1990	05.1997	09.2007	10.2010
Никогда с этим не сталкивался	6	7	7	7
Я к этому привык и уже не обращаю внимания	14	17	18	14
Терплю, но стараюсь не ввязываться в выяснение отношений	19	24	23	26
Возмущаюсь, хотя и без особых результатов	41	31	33	41
Протестую и в конце концов добиваюсь, того что отношение ко мне становится более внимательным	9	14	14	9
Затруднились ответить	12	7	5	4

Рис. 18. Что Вы, как правило, делаете, если сталкиваетесь в каких-либо учреждениях с хамством, равнодушием? (% , N=1600)¹⁹³

Как видно из данных соцопроса, на закрепление в российской государственной службе и самом социуме подданнической управленческой культуры указывает пассивное отношение населения к несправедливости по отношению к себе. Россияне готовы терпеть унижения со стороны чиновников, будучи уверенными, что бороться с этим явлением бесполезно. Что интересно, - ситуация практически не изменилась с 1990 года.

Уверенность российских граждан в бесполезности борьбы за лучшее к себе отношение со стороны чиновников основана не на пустом месте. Респонденты в основном придерживаются мнения, что отечественные государственные чиновники практически не подчиняются законам, а, следовательно, и требовать от них уважения к себе бессмысленно – никто чиновников к этому не склонит (см. рис. 19).

	07.2008	07.2010
Определенно да	31	35
Скорее, да	46	47
Скорее, нет	13	9
Определенно нет	4	3
Затруднились ответить	7	6

Рис. 19. Согласны ли Вы с утверждением, что многие государственные чиновники сегодня практически не подчиняются законам? (% , N=1600)¹⁹⁴

¹⁹³ Что Вы, как правило, делаете, если сталкиваетесь в каких-либо учреждениях с хамством, равнодушием [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/administrativnyi-proizvol/administrativnyi-proizvol-osnovnoi-gaz-6> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).

Компьютерная грамотность

Но все ли так безнадежно? Есть ли в современной управленческой культуре российского государственного служащего пролегомены к успешному и объективному внедрению этики сетецентричной электронной демократии? Безусловно, определенные результаты информатизации уже оказывают существенное влияние на профессиональную деятельность отечественного чиновника. Постепенно внедряется в практику управления так называемая система электронного документооборота, обслуживания граждан по принципу «единого окна»¹⁹⁵. Определенным каркасом этики сетецентричной электронной демократии выступает компьютерная грамотность. Правда, часто забывается, что сам смысл компьютерной грамотности со временем изменялся. До 1970-х годов под компьютерной грамотностью понималась лишь обязательное умение программировать и овладение совокупностью определенных технологических приемов работы на электронно-вычислительной машине. Но уже с середины 1970-гг. подход к компьютерной грамотности претерпел глубинные трансформации. Отныне была пересмотрена образовательная ценность разных видов знаний и умений, а основной упор делался на решение задач с помощью компьютера. Содержание же профессиональной компьютерной грамотности является специфическим для каждой профессии¹⁹⁶, что касается и задач государственной службы.

Компьютерную грамотность и информационно-сетевую просвещенность интересно рассмотреть через гипотезу российского политолога И.А. Быкова, согласно которой внедрение технологий Web 2.0 зависит от того, кому подчиняются те или иные государственные органы непосредственно. (Снова актуализируется проблема корреляции подданнической управленческой культуры государственных служащих и новой этики сетецентричной электронной демократии). Согласно исследованию Быкова, было обнаружено, что сайты государственных органов, связанных с Д.А. Медведевым (нынешним российским премьер-министром) больше используют технологии Web 2.0, чем ресурсы, связанные с В.В. Путиным (Президентом России). Выходит, что российские государственные служащие и в этом отношении сильно зависимы от своего руководителя. Но, как заметил Быков, отечественные чиновники, желая брать пример со своего руководства, на деле не имеют четких знаний о том, как работают эти технологии, а также соответствующих навыков. Поэтому практические результаты кибердеятельности российских госслужащих сильно отличались от опыта информационной активности Медведева. Мало того, обычные бюрократические ограничения и культура административного управления привели к появлению альтернативного президентскому стилю внедрения практик Web 2.0. Этот стиль Быков охарактеризовал как административно-командный, когда вышестоящий государственный чиновник заставляет своих подчиненных лишь открыть аккаунт в Facebook'e или вести блог¹⁹⁷.

Таким образом, мы получаем всю ту же подданническую управленческую культуру с механизмом патрон-клиентальных сетей. Налицо мимикрия традиционной практики отношений чиновников с гражданами под этикетку новых технологий. Описываемый процесс формального отношения государственного служащего к сетевой культуре может создать в будущем для новаторской политической и административной системы самые

¹⁹⁴ Согласны ли Вы с утверждением, что многие государственные чиновники сегодня практически не подчиняются законам? [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/administrativnyi-proizvol/administrativnyi-proizvol-osnovnoi-razde> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).

¹⁹⁵ Охотский Е.В. Управленческая культура государственного служащего современной формации // Право и управление. XXI век, 2009. №4(13).

¹⁹⁶ Мазаева Ю.А., Агавелян О.К. Содержание понятия «компьютерная грамотность» в научной литературе // Мир науки, культуры и образования, 2012. №4(35).

¹⁹⁷ Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: СПГУТД, 2013. С. 120.

опасные риски. В случае сохранения нынешнего положения вещей, любая реформа по улучшению политической коммуникации между государством и обществом вырождается в фарс. За этим наступит новый рост абсентеизма и отторжения населением любых новаций. Граждане могут окончательно перестать верить в то, что их государство способно усовершенствовать политический процесс, урегулировать социальные и национальные отношения, совершить прорыв в экономической плоскости и т.п. Итогом этого станет контрпроцесс – зарубежные интересанты продолжают пользоваться теми технологиями Web 2.0, к которым формально отнеслись отечественные чиновники, что приведет к трансформации политического сознания населения, смещению его ценностных предпочтений.

Феномен сетецентризма означает практику управления объектами в целостном информационно-коммуникационном управленческом пространстве, исходящем и принципа объединения разных объектов, функционирующих как системным, так и дискретным образом в виде неких распределенных сегментов общей управленческой сети. При этом сетецентричная этика исходит из такого принципа организации систем управления, который позволяет реализовать режим оптимальной ситуационной осведомленности посредством создания и поддержания общей для всех уровней управления контекстной информационной среды и интегрирования в процесс ее непрерывной актуализации максимального числа источников первичной информации¹⁹⁸.

Сетецентричная матрица включает средства мониторинга всех уровней и направлений управления в единое целое. Она основана на уважении субъектом управления объекта управления (и наоборот), поэтому её этика предполагает доведение всей необходимой информации до адресатов в реальном времени или близком к нему по мере ее получения. Это позволяет улучшить понимание сложившейся ситуации руководителями всех категорий, повысить уровень взаимодействия и осуществлять синхронизацию усилий по горизонтали и вертикали управления. Этика сетецентричной электронной демократии предъявляет для государственных служащих новые серьезные требования. Чиновники должны перейти серьезные психологические барьеры, согласившись на существование организованной сетевой коммуникации граждан и организаций с органами власти с целью ресурсного обмена. Во-первых, такая коммуникация означает получение необходимой информации, правотворчество, оказание государственных и муниципальных услуг в электронном виде, гражданский контроль и общественное участие, совместное обсуждение и решение социально значимых вопросов. Иными словами, российские чиновники должны уступить часть своей власти гражданам. Во-вторых, государственные служащие должны быть готовы к совершенно новым приемам коммуникации граждан друг с другом и институтами гражданского общества, подразумевающих активное взаимодействие с политическими партиями и другими общественными организациями. На деле такие приемы будут нацелены на построение самостоятельного общественного управления, объединение в сообщества, планирование совместных гражданских действий, коллективное обсуждение проблем и коллективное принятие решений. Следовательно, многое будет зависеть от управленческой культуры государственных служащих, которая позволит или не позволит принять принципы этики сетецентричной электронной демократии.

Нельзя полностью отрицать того факта, что трансформация подданнической управленческой культуры российских государственных служащих сформировала особую профессиональную этику. Требуется подчеркнуть, что профессиональная этика включает не только компьютерную этику, но и создаёт определённые предпосылки/препятствия для формирования этики сетецентричной электронной демократии. Профессиональная этика государственных служащих, как и любая другая этика, своей матрицей имеет

¹⁹⁸ Логинов Е. Развитие «интеллектуальных сетей» в электроэнергетике отраслей, регионов, городов России //Управление мегаполисом, 2011. №5.

управленческую культуру¹⁹⁹, значимость которой уже была подчеркнута в нашем исследовании. И если управленческая культура, связанная с менталитетом, традициями, политической культурой, создает паттерны и коллективные стереотипы, то профессиональная этика основывается на этой аксиологической платформе, подразумевая более конкретные нормы поведения в профессиональных коллективах²⁰⁰. Итак, рассмотрим «трансмутацию» профессиональной этики российских государственных служащих с целью выявления рисков и предпосылок для внедрения сетевцентричной электронной демократии.

Проблема качества служебной этики

В 2003 году Социологическим центром РАГС было проведено социологическое исследование «Профессиональная этика государственных служащих: состояние и степень соответствия задачам реформирования государственной службы» (руководитель – доктор филос. наук, проф. В.Э. Бойков)²⁰¹. Выборка насчитывала 1076 человек (52 работника центральных аппаратов Минфина РФ, Минэкономразвития и торговли РФ, Госналогслужбы РФ, Минсельхоза РФ, Минэнерго РФ, замещающих руководящие должности; 684 работника территориальных структур Госналогслужбы РФ и Минфина РФ в 15 субъектах Федерации; 340 служащих органов исполнительной власти 16 субъектов Федерации).

Обследование показало, что профессиональная этика большинством опрошенных уже тогда оценивалась как важнейшее условие продвижения по карьерной лестнице. Например, 58,3% начальников кадровых служб полагали, что соблюдение принципов служебной этики напрямую влияет на карьеру, 34,5% – влияет хотя бы отчасти. Показатели ниже были зафиксированы в кластере работников аппаратов (56,4 и 26,8% соответственно). Фактор профессиональной этики стал наиболее значимым при продвижении по службе именно в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти (60,1%), менее значимым в системе органов исполнительной власти субъектов нашей страны (49,4%)²⁰². Кстати, наиболее равнодушное отношение к этике на работе показали служащие, впервые назначенные на должность и те, кто проработал от 6 до 10 лет, что, видимо, связано с процессами адаптации к этике как феномену.

Изучение значимости норм профессиональной этики не показало её сильную корреляцию со спецификой групп служебных должностей. Лишь небольшое повышение значимости этики фиксировалось на уровне старших (57,9%) и высших (58,6%) служебных постов. Была определена и зона риска – наименьшую значимость этических профессиональных норм обозначили опрошенные главных (53,8%) и ведущих (55,8%) должностей. Что оказалось довольно удручающим показателем, т.к. именно эти группы на начало 2000-х гг. составляли основную часть государственных служащих, а, следовательно больше коммуницировали с гражданами.

¹⁹⁹ Юрьева О.В. Профессиональная компетенция в сфере государственного и муниципального управления: социологический анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Казань, 2009.

²⁰⁰ Касаева Т.В. Роль государственных служащих в механизме Российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

²⁰¹ Платыгин Д.Н. Социальная эффективность профессиональной деятельности государственных служащих: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2005.

²⁰² Бойков В.Э. и др. Профессиональная этика государственных служащих: состояние и степень соответствия задачам реформирования государственной службы. РАГС; Государственная служба: взгляд изнутри и извне (Социологический анализ). Социологический Центр РАГС при Президенте РФ, 2003.

В исследовании ученые обозначили следующие классификаторы анализа этики государственных служащих: дисциплинированность, честность, способность брать ответственность на себя, доброжелательность (см. рис. 20).

Нормы и правила служебного поведения	Эксперты				Работники аппаратов			
	2003 г.	2003 г.	2002 г.	1997 г.	2003 г.	2003 г.	2002 г.	1997 г.
Дисциплинированность	69,1	49,5	33,8	56,8				
Честность	53,2	37,3	67,6	52,6				
Способность брать ответственность на себя	48,2	58,9	30,6	22,5				
Доброжелательность	30,9	42,1	27,6	54,0				
Принципиальность	16,5	25,3	17,6	54,0				
Способность к компромиссу	14,4	31,5	20,6	27,0				
Справедливость	11,5	25,8	12,6	37,8				
Открытость	7,2	8,1	5,0	32,4				
Склонность к взаимопомощи	6,5	16,9	8,5	29,7				
Терпимость к чужим жизненным идеалам	5,8	9,6	6,5	16,2				

Рис. 20. Оценки значимости качеств служебной этики (% , сумма ответов превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответов)²⁰³

Из таблицы видно, что при сравнительном анализе отношения отечественных государственных служащих к роли профессиональной этики, данные конца 1990-х и начала 2000-х не сильно отличаются²⁰⁴. Очевидно, что уже вначале 2000-х гг., более половины госслужащих России к наиболее значимому качеству профессиональной этики относили способность брать на себя ответственность. Высокие показатели у кадров высших (64,9%) и ведущих (62,4%) должностей. Примечательно, что распределение оценок в зависимости от опыта работы в органах государственной службы выявило прямую корреляцию повышения значения ответственности от роста стажа работы. Так, опытные служащие считают ответственность определяющим фактором качеств для службы во властных органах. Однако, проблема в том, что начальники кадровых служб не считают данное качество приоритетным, ставя его на третье место. Поэтому появляется противоречие диаметрально противоположных подходов к вопросам закрепления профессиональной этики, основанной либо на ответственности, либо на дисциплинированности. Подобная картина закладывает небольшую, но все же пока еще нерешенную проблему, препятствующую для формирования этики сетецентричной электронной демократии.

Показатели дисциплинированности, конечно, не малые. Этот аспект профессиональной этики жизненно необходим для сплоченности и функциональной работоспособности любой государственной службы (и не только российской). Проблема

²⁰³ Комлева В.В. Профессиональная этика государственных служащих в условиях реформирования государственной службы //Российская бюрократия: состояние и тенденции развития. Социология власти: Вестн. социол. центра РАГС, 2004. №1.

²⁰⁴ Мониторинг кадров госслужбы (первый этап) //Социология власти, 1997. № 4–5.

этики дисциплины была неплохо раскрыта и популяризирована в работах французского ученого А. Файоля, который соединил в своей системе идеи функциональной администрации Тейлора и старый принцип единоначалия, заложив применение структурно-функционального подхода в управлении²⁰⁵. Работы Файоля заложили целую традицию этики дисциплины. Тем не менее, учитывая подданническую природу отечественной управленческой культуры, важно помнить, что государственная служба в России опирается на сильные традиции замкнутости и обособленности от вмешательства, критики и мониторинга со стороны общественности. И система Файоля была хороша для традиционной модели государственного управления XX века. Сейчас же закрытость выродилось в некое управленческое табу, которое нельзя нарушать. И, хотя обособленность и гиперкорпоративность государственной службы представляет собой довольно прочный фундамент дисциплинарной власти, её уже явно не достаточно для внедрения всеобъемлющей системы управления поведением и действиями служащих, основанных на принципах этики сетецентричной электронной демократии. Наоборот, при такой патриархальной, архаичной черте патрон-клиентских отношений государственный служащий, скорее, для того, чтобы оправдать свою статусную аксиологию, принесет в жертву самые благие начинания в плане налаживания политической коммуникации между гражданами, партиями, общественными организациями и государственными органами власти. Гиперболизация этики дисциплины, как правило, на деле является мимикрией авторитарных патрон-клиентских сетей, препятствующих развертыванию политических сетей электронной демократии.

Такие классификаторы профессиональной этики государственных служащих как честность и принципиальность отмечались необходимым элементом в работе половиной опрошенных экспертов. К сожалению, лишь 37,3% государственных работников принимает честность важнейшим качеством, ставя его по значимости на четвертое место. Что касается этики принципиальности, то её работники госаппаратов ставят лишь на пятое место²⁰⁶. Хотя данные классификаторы и раньше не были на первом месте у чиновников, ещё в конце 1990-х гг. ситуация была несколько лучше. (Коммунистическое воспитание и советская система ценностей, выступая важнейшей идеологической матрицей советской управленческой культуры, все же оказывали серьезное воздействие на повседневную этику государственных и партийных работников. Это «по инерции» влияло и на последующие кадровые поколения).

В начале 2000-х гг. ситуация с данными элементами профессиональной этики показала тренд к деструкции – честность была важна для ведущих (38,5%) и главных (38,5%) должностей, тогда как принципиальность – для старших должностей (32,2%). Исследование показало, что наиболее критическими этапами значимости принципиальности и честности для государственных кадров наметились периоды до одного года работы и 9–10 лет. Другими словами, существенные расхождения в трактовке этических категорий честность и принципиальность были зафиксированы учеными среди кластера начинающих государственных служащих, только поступивших на работу, и работников, имеющих стаж свыше десяти лет. Такое падение этики бескорыстия становится весьма тревожной тенденцией для целостности и функциональности управленческой модели России, а также для национальной безопасности государства.

²⁰⁵ Fayol H. Administration industrielle et générale, Dunod. 1916; Fayol H. Numéro spécial de la revue *Entreprise et Histoire* n° 34, 2003.

²⁰⁶ Бойков В.Э. и др. Профессиональная этика государственных служащих: состояние и степень соответствия задачам реформирования государственной службы. РАГС; Государственная служба: взгляд изнутри и извне (Социологический анализ). Социологический Центр РАГС при Президенте РФ, 2003.

Управленческая честность и её деградация

Результаты исследования Социологического центра РАГС полностью подтверждаются данными опроса, волны которого были организованы Левада-Центром в 2010 и 2013 годах. Согласно мнению значительной части респондентов (30%), отечественные государственные служащие «по большей части скрывают правду, лгут» (см. рис. 21). Эмпирические факты свидетельствуют, что в целом с 1997 г. нормы профессиональной этики и правила служебного поведения существенно деградировали и потеряли статус ценностных ориентиров в деятельности государственных служащих. Такое положение показывает сильное препятствие для формирования этики сетевидной электронной демократии, основанной на партнерских принципах, доверии и компромиссе участников управленческой системы.

	Большинство окружающих Вас людей		Руководители государства, высшие чиновники, описывая положение дел в экономике и здравоохранении, пенсионном обеспечении, борьбе с преступностью и др. важнейших сферах управления	
	дек.10	авг.13	дек.10	авг.13
всегда/практически всегда говорят правду	5	4	6	2
по большей части говорят правду	28	24	15	14
иногда говорят правду, иногда скрывают правду, лгут	47	47	35	42
по большей части скрывают правду, лгут	14	17	30	30
всегда/практически всегда скрывают правду, лгут	3	3	9	7
затрудняюсь ответить	4	6	5	5

Рис. 21. Как Вы думаете, обычно говорят правду или скрывают правду, лгут... (% , N=1601)²⁰⁷

Приходится констатировать, что хотя среди опрошенных работников государственной службы и экспертов – руководителей кадровых служб допускается влияние норм служебной этики, по их убеждению, этика лишь отчасти регулирует отношения на государственной службе.

Дилемма карьеры и морали

Тревогу вызывают другие ответы респондентов, согласно которым умение учитывать интересы населения, как правило, оценивается в служебной среде отрицательно (рис. 22-23). Это типичное проявление воздействия на современную

²⁰⁷ Россияне о правдивости окружающих и чиновников, доверии к официальной статистике [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/23-09-2013/rossiyane-o-pravdivosti-okruzhayushchikh-i-chinovnikov-doverii-k-ofitsialnoi-statistike> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).

профессиональную этику государственных служащих подданнической управленческой культуры, где любая уступка населению рассматривается как проявление слабости.

Качество служащего	Да, безусловно	Отчасти	Нет	Затруднились ответить
Добросовестное исполнение обязанностей	73,7	19,1	3,4	3,8
Профессионализм	75,4	18,0	3,0	3,6
Забота о соблюдении прав граждан	23,3	32,0	21,7	23,0
Педантичное исполнение правовых норм	27,5	37,5	16,0	19,0
Стремление к независимости от влияния посторонних организаций	19,8	24,3	25,9	30,0
Служебное бескорыстие	38,1	23,3	18,3	20,3
Политическая нейтральность	19,5	20,0	37,2	23,3
Соблюдение норм служебной этики	56,3	26,6	6,9	10,2
Инициативность	63,8	22,9	6,4	6,9
Умение учитывать интересы населения	22,6	30,3	20,4	26,7

Рис. 22. Оценки уровня влияния качеств работника на его продвижение по службе (в % от числа опрошенных работников аппаратов органов госвласти)²⁰⁸

Из рис. 22 и 23 видно, что такой элемент профессиональной этики современного государственного служащего как забота о соблюдении прав граждан не так важен для карьеры чиновников. Настораживает и определенное равнодушие к фактору политической нейтральности.

Педантичное исполнение правовых норм также не вызывает особого интереса среди государственных работников. Показательно отношение к критерию стремления к независимости от влияния посторонних организаций – проценты весьма низкие (19,8 у обычных работников и 20,4% у начальников кадровых служб). Такая картина в очередной

²⁰⁸ Комлева В.В. Профессиональная этика государственных служащих в условиях реформирования государственной службы //Российская бюрократия: состояние и тенденции развития. Социология власти: Вестн. социол. центра РАГС, 2004. №1.

раз свидетельствует о серьезном воздействии на современную профессиональную этику госслужащих подданнической управленческой культуры.

Служебное бескорыстие у обычных государственных служащих также не имеет широкой поддержки. Ключевой классификатор – соблюдение норм служебной этики – не дотягивает и до 60% у обеих групп респондентов.

Качество служащего	Да, безусловно	Отчасти	Нет	Затруднились ответить
Добросовестное исполнение обязанностей	83,0	13,6	0,7	2,7
Профессионализм	85,0	14,3	-	0,7
Забота о соблюдении прав граждан	30,6	37,4	6,8	25,2
Педантичное исполнение правовых норм	29,3	47,6	9,5	13,6
Стремление к независимости от влияния посторонних организаций	20,4	32,0	23,1	24,5
Служебное бескорыстие	53,1	26,5	7,5	12,9
Политическая нейтральность	24,5	26,5	29,9	19,1
Соблюдение норм служебной этики	57,1	35,4	2,0	5,5
Инициативность	71,4	21,8	2,7	4,1
Умение учитывать интересы населения	28,6	36,7	8,8	25,9

Рис. 23. Оценки уровня влияния качеств работника на его продвижение по службе (в % от числа экспертов – руководителей кадровых служб органов госвласти)²⁰⁹

²⁰⁹ Комлева В.В. Профессиональная этика государственных служащих в условиях реформирования государственной службы //Российская бюрократия: состояние и тенденции развития. Социология власти: Вестн. социол. центра РАГС, 2004. №1.

Причины нарушения служебной этики

Ярким проявлением сильнейшего воздействия подданнической управленческой культуры на профессиональную этику современных государственных служащих России является практика нарушения декларирующихся этических норм поведения чиновника. Как эксперты, так и сами государственные работники в основном придерживаются мнения, что несоблюдение этических норм обусловлено личными качествами кадров. При этом категории опрошенных респондентов практически единодушны в определении причин нарушения профессиональных этических норм.

Самая большая разница в оценках причин несоблюдения этики фиксируется учеными между работниками органов исполнительной власти субъектов федерации и работниками исполнительной власти на федеральном уровне (см. рис. 24). Интересно, что региональные служащие максимально обеспокоены безнаказанностью чиновников, тогда как федеральные кадры опасаются бесконтрольностью²¹⁰. Позиции первых (регионалов) социолог В.В. Комлева объясняет психологическими факторами и личностными особенностями работников, суждения вторых (федералов), скорее, зависят от внешних условий служебной деятельности.

Причины	Органы государственной власти на федеральном уровне	Территориальн. органы федеральн. органов исполнительной власти	Органы исполнительной власти субъектов РФ	Всего
Необходимость компенсировать недостаточно высокую зарплату	30,8	28,1	17,1	24,7
Желание быть «не хуже» других состоятельных людей	9,6	3,7	6,2	4,7
Особенности личных качеств	32,7	44,2	50,3	45,5
Бесконтрольность	7,7	2,8	4,1	3,4
Безнаказанность	5,8	6,4	13,5	8,6
Затруднились ответить	13,4	14,9	8,8	13,1

Рис. 24. Оценки причин нарушений норм профессиональной этики госслужащими (в % от числа опрошенных)²¹¹

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Бойков В.Э. и др. Профессиональная этика государственных служащих: состояние и степень соответствия задачам реформирования государственной службы. РАГС; Государственная служба: взгляд изнутри и извне (Социологический анализ). Социологический Центр РАГС при Президенте РФ, 2003.

Аксиология управления

С начала 2000 годов управленческая культура отечественных государственных служащих претерпела некоторые изменения. Казавшаяся монолитность подданнических паттернов ощутила на себе воздействие зарубежных управленческих кейсов и новейших теоретических концептов в области менеджмента. И здесь мы сталкиваемся с таким явлением как ценностно-идеологическая составляющая профессиональной этики чиновника. В настоящее время это воздействие еще больше ощущимо.

Подтверждением активного проникновения в российскую управленческую культуру зарубежных концептов и теоретическо-идейного наследия служат результаты экспертного исследования «Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов», которое было проведено Московским областным отделением Российского общества политологов 7-25 марта 2014 года (куратор проекта – к. полит. н., доц. С.Н. Федорченко, тогда было опрошено 30 экспертов по вопросу политических менеджеров – профессиональной категории, имеющей непосредственное отношение к работе на государственные органы власти, выполняя функции консультантов и советников и создавая паттерны сетецентричного управления).

В ответе на вопрос «Как Вы считаете, под влиянием каких ценностей²¹² складывается управленческая культура отечественных политических менеджеров (консультантов)»? немалая часть экспертов указала «западные» ценности (27%) и эклектичность знания (отечественного и западного).

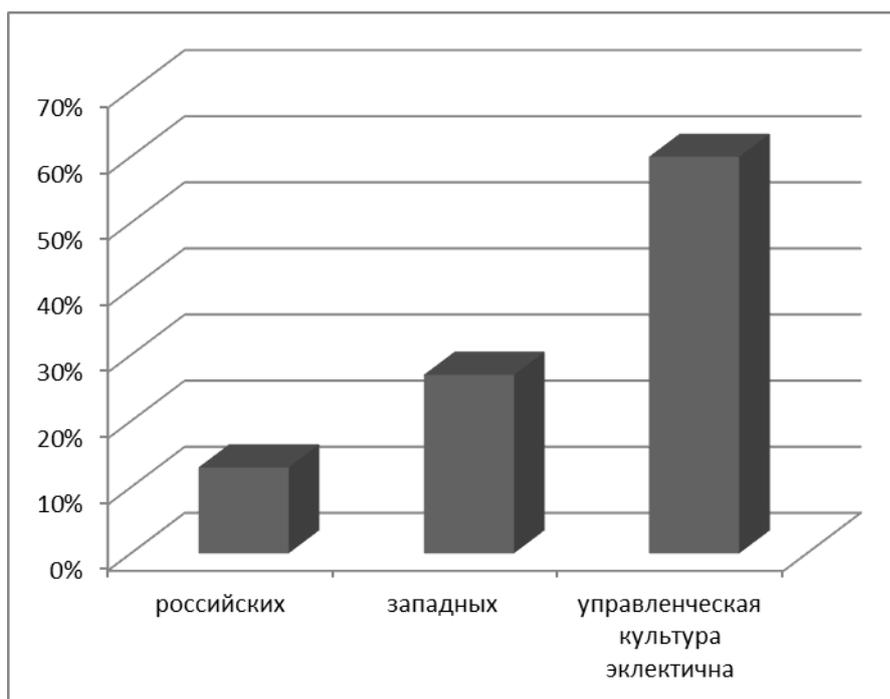

Рис. 25. Как Вы считаете, под влиянием каких ценностей складывается управленческая культура отечественных политических менеджеров (консультантов)?²¹³

Выходит, что в российскую управленческую культуру и профессиональную этику стали встраиваться довольно противоположные управленческие модели (рис. 25).

²¹² В сегмент ценностей включалась политическая культура, традиции коммуникационной культуры как таковой (модель делового общения, поведения, переговоров).

²¹³ Федорченко С.Н. Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов //Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №4.

Наметившуюся управленческую эклектику определяли, в основном, два таких подхода – традиционный и менеджериальный. Элементы каждого из них мы можем фиксировать в современной этике и культуре российских чиновников.

Ценности традиционного управления

Традиционный подход к государственному управлению был основан на идеях Джереми Бентама, В. Вильсона и М. Вебера. Первый из этой тройки посвятил свои труды обоснованию утилитарной логики, инкорпорированию традиции в государственную службу²¹⁴. Вильсон же усматривал несовершенство управленческой системы в смешении административных и политических полномочий государственных служащих. В совпадении ролей избираемого политика и назначаемого чиновника он видел предпосылки для властного произвола²¹⁵. М. Вебер дополнил этот подход своей теорией бюрократии, согласно которой идеальный тип служащего предполагает существование четкой иерархии должностей и конкретно прописанных компетенций. По Веберу, уровень эффективности бюрократов должен определяться группами экспертов, а не отдельными субъектами²¹⁶. На основе этих постулатов и идее Вебера о «рациональной бюрократии» в основу так называемой традиционной модели государственного управления в западной науке был заложен принцип разграничения функций администрации и выборного политического сегмента. (В советское время идея разделения административных и политических функций четко не соблюдалась, наоборот, партийные кадры обладали серьезными управленческими полномочиями, исходя из философии целостности государственной власти). После развала советской системы в 1990-х гг. была попытка внедрить нечто подобное в российскую управленческую практику, однако это было сделано довольно шаблонно и без учета тогдашней критики концепта традиционного управления на самом Западе.

New Public Management

Несколько позже, на смену традиционной модели государственного управления, основанной на идеях Дж. Бентама, М. Вебера и В. Вильсона, пришла модель так называемого «нового государственного управления» (New Public Management). Это была своеобразная реакция на прежнюю общепринятую модель. Больше ста лет назад в США в силу запросов социума стали появляться так называемые школы бизнеса. Одними из первых были Школа Уортона Пенсильванского университета и Школа бизнеса им. Хааса Калифорнийского университета в г. Беркли (раньше – Колледж коммерции). Сначала они ориентировались на обучение менеджменту руководства американской железнодорожной сети и изначально не воспринимались в качестве серьезных участников научной и управленческой жизни страны²¹⁷. Данные школы делали упор не на теоретическое обобщение, а на бизнес-кейсы и соответствующее обучение на их основе.

Затем пробелы в фундаментальных исследованиях менеджмента были осознаны американскими учёными. Менеджериальный подход стал более серьезно изучаться в Университете Карнеги-Меллона в пенсильванском Питтсбурге на базе Высшей школы промышленного администрирования. Здесь менеджмент стал междисциплинарной матрицей фундаментальных разработок в сегментах финансов, учёта, микроэкономики, маркетинга, теории организации.

²¹⁴ Bentham J. Chrestomathia: Collected Works of Jeremy Bentham /M.J. Smith, W.H. Burston (eds). Oxford: Oxford University Press, 1984.

²¹⁵ Wilson W. The Study of Administration //Political Science Quarterly, 1941. Vol. 56. P. 481-506.

²¹⁶ The Max Weber dictionary: key words and central concepts. Stanford University Press, 2005.

²¹⁷ Федорченко С.Н. Менеджериальный подход в образовании: экспертократия вместо социального государства? //Социальная политика и социальное партнёрство, 2014. №5.

В качестве другого примера становления менеджериальной этики можно назвать подготовку политических менеджеров в университете Джорджа Вашингтона, организованную с 1987 года. Выпускники этого американского университета работают консультантами в самых различных государственных, коммерческих и общественных организациях²¹⁸.

Интересно, что одним из первых на стремительную эволюцию самой идеи университета обратил своё довольно критическое внимание канадский исследователь Б. Родингс, выделяя процесс её трансформации от концепта разума (Кант) через идею культуры (немецкие идеалисты) до сегодняшнего менеджериального постулата качества²¹⁹.

Столь стремительное развитие менеджериального подхода в американских и европейских университетах спровоцировало мощные подвижки в самой теории управления. Традиционная модель государственного управления, сформулированная в трудах В. Вильсона и М. Вебера и основанная на принципе разграничения ролей избираемого политика и назначаемого бюрократа, стала повсеместно критиковаться.

Авторы «нового государственного управления» Д. Осборн и Т. Гэблер предположили, что качественный гражданский контроль должен перейти от бюрократии к сообществу, когда к управлению посредством децентрализации подключаются не только государственные, но и частные, негосударственные структуры общества²²⁰. Апологеты менеджериального подхода предположили, что государство будет функционировать лучше, если менеджеры возьмут на себя некоторые функции политиков, государственных управленцев, фактически, забрав у них часть политической власти. Иными словами, «новое государственное управление» серьезно размывало прежнюю управленческую философию. Бизнес-технологии пришли в традиционное государственное управление.

Справедливости ради следует заметить, что модель так называемого «нового государственного управления» спровоцировала смещение государственных ориентиров от обеспечения всеобщего блага к излишней и односторонней коммерциализации. Серьезный парадокс заключался в том, что общественно значимые сферы (образование, наука, здравоохранение, культура и др.) не всегда можно измерить рыночными экономическими показателями количественного порядка. В итоге, в некоторых странах возник кризис новой модели, как раньше было с традиционным государственным управлением. Некоторые правительства даже попытались вернуться к прежней парадигме Вебера и Вильсона.

К слову, схожие процессы происходили и на постсоветском пространстве. Либеральные реформы в России инициировали приватизацию и уход государства из многих сегментов общественной жизни²²¹. Однако бизнес-практики в государственном управлении на тот период (и даже намного позже) считались отдельными учеными и политиками либерального толка наиболее оптимальными²²².

С наступлением кризисных последствий в экономике, спада демократической эйфории в стране, у самой политической элиты всё больше таяли надежды на функциональность либеральной модернизации государства. Поэтому и в России

²¹⁸ Пшизова С.Н. Можно ли управлять демократией? Часть I //Полис, 2013. №6.

²¹⁹ Родингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010.

²²⁰ Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. М.А.: Addison-Wesley, 1992.

²²¹ Федорченко С.Н. Сетевой подход в политическом менеджменте //Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №2.

²²² Шадрин Е.В., Виноградов Д.В. Государственно-частное партнерство как форма организации бизнеса //Вопросы государственного и муниципального управления, 2012. №4; Behn R.D. Government Performance and the Conundrum of Public Trust //Market-Based Governance /J.D. Donahue, J.S. Nyer Jr. (eds). Washington, DC: Brookings Institution, 2002; Vigoda E. Performance and Democracy in Public Sector: Exploring Some Missing Links in the Study of Administration and Society //International Journal of Public Administration, 2003. Vol. 26.

появились политические явления, схожие западными аналогами. Эkleктика из традиционных и менеджеральных управленческих кодов, почерпнутая из зарубежных управленческих кейсов и управленческой теоретической литературы оказала на отечественную управленческую культуру и профессиональную этику не последнее влияние (см. рис. 26).

Современные зарубежные исследователи не случайно так пристально интересуются традиционным и менеджеральным подходами к государственному управлению²²³, кардинально повлиявшими на управленческую культуру и этику современных стран, в том числе и России. Патрик Добел доказывает, что оба подхода к управлению обоснованы именно этическими императивами²²⁴.

Рис. 26. Триада современного государственного этоса по Патрику Добелу²²⁵

Добел предположил, что этические императивы скрепляют систему государственного управления, конституируют технологии администрирования, закрепляют систему норм и взглядов, определяющих политику реформаторских преобразований (что важно для внедрения этики сетцентричной электронной демократии), а также текущую политическую деятельность. Исследователь анализирует служебную этику с точки зрения трех перспектив: а. поддержания классических государственных ценностей; б. воспроизводства либеральных ценностей; в. развития «нового государственного управления» (New Public Management).

На рис. 26. показано, каким образом может выглядеть подобная эkleктичная управленческая культура государственных служащих, и какое место в ней уделяется

²²³ Hood C. Public Management: The Word, the Movement, the Science //The Oxford Handbook of Public Management /E. Ferlie, L. E. Lynn Jr., Ch. Pollitt (eds). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 5 – 29.

²²⁴ Dobel P. Public Management as Ethics //The Oxford Handbook of Public Management /E. Ferlie, L.E. Lynn Jr., Ch. Pollitt (eds). Oxford: Oxford University Press, 2007.

²²⁵ Рогозин Д. О либерализации власти, или Послевкусие от невключенного наблюдения за жизнью чиновников //Социология власти, 2012. №8.

профессиональной этике. Перечислим эти «управленческие коды» для анализа диффузии этико-управленческих норм.

Из классических ценностей традиционного государственного управления в эклектичной управленческой культуре многих современных стран, в том числе и России, остались следующие: обслуживание всех граждан; согласование решений с законом и легитимной политикой; блокирование частных и групповых интересов (т.е. отрицание модели трипартизма); потребность в информации для принятия решений; государственные органы как институты доверия; тотальный учет деятельности; обеспечение устойчивости через участие.

Проникли и либеральные коды (порой, правда, только декларирование на словах, а не на деле, но сама трансформация управленческой аксиологии весьма показательна): полная представленность позиций; максимальная открытость; вовлечение граждан в управление; максимизация участия граждан; обеспечение прав всех граждан на участие в формировании решений.

От сложного симбиоза прежних кодов традиционного государственного управления и кодов либеральных ценностей постепенно (а в странах пошедших реформаторским путем – радикально) сформировались менеджеральные коды «нового государственного управления»: своевременность и актуальность ответов на запросы граждан; активный поиск новых практик; государственные решения отвечают долгосрочным стратегиям; создание организаций, интегрирующих разные социальные группы; эффективное оказание государственных услуг; работа в межсекторном пространстве; формирование и поддержка программ устойчивого развития.

Рис. 26 показывает, что такая эклектика управленческой культуры и производной от неё профессиональной этики вполне допускает сочетание таких кодов как тотальность подотчетности и открытость и гарантии на получение полной и достоверной информации от государственного аппарата. А доверие как базу власти подкрепляет требование представлять весь спектр политических позиций. Кстати, на это обращают внимание современные зарубежные²²⁶ и отечественные исследователи²²⁷.

Судьба New Public Management за рубежом и в России

На современном этапе этика «нового государственного управления» (New Public Management) не остается чем-то незыблемым и постоянным. Она трансформировалась, как минимум в два типа – вестминстерский и американский. Первый получил распространение в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии²²⁸. Основной посыл этой разновидности «нового государственного управления» - пересмотр функций государства в политической и экономической жизни страны. Сам институт власти критикуется с позиции рациональных представлений об эффективности и обоснованности тех или иных общественных функций. В отличие от вестминстерской разновидности, американская «нового государственного управления» модель основывается не на передаче функций негосударственным институтам, а на их публичную актуализацию и проблематизацию.

Популяризация американского и вестминстерского типа New Public Management в современных странах объясняется интересным парадоксом, подмеченным Гаем Петерсом

²²⁶ Бойн Дж. Источники совершенствования государственной службы: Критический обзор научной литературы и программа исследований // Вопросы государственного и муниципального управления, 2012. № 3.

²²⁷ Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? // Полис, 2013. № 1.

²²⁸ Pollitt C., Bouckaert G. Public Management Reform: A Comparative Analysis – New Public Management, Governance, and the Neo-Weberian State /3rd. ed. Oxford: Oxford University Press, 2011.

– «чем заметнее работа государственных служащих, тем меньше она одобряется обществом»²²⁹. И этот парадокс, возникший на руинах традиционного государственного управления, происходит из маркетизации, коммерциализации и консьюмеризации современных социальных отношений и появления аксиологии «общества потребления». Отсюда государственные служащие на фоне негативизации образа чиновника и его роли в социуме заинтересованы в маскировке собственной активной деятельности посредством «нового государственного управления», трипартизма, сотрудничества в управлении с бизнесом и т.п.

Менеджерские коды «нового государственного управления», конечно, проникли и в этику современных государственных служащих России. Но насколько прочно и органично прошел этот процесс? Оценка отечественных ученых показывает несколько драматичную картину. Патримониальные черты российской государственной службы по своему «переработали» менеджерский мейнстрим – сохранилось использование своих должностных полномочий для реализации привилегий, полученных от патрона²³⁰. Чиновники служат не общественным интересам, набираясь в аппарат по принципу личной преданности, а своему патрону и собственным интересам. На деле – патримониализм остался архаичным рудиментом подданнической управленческой культуры в современной профессиональной этике российских государственных служащих. Под влиянием идей и технологий традиционного государственного управления (Дж. Бентам, М. Вебер, В. Вильсон) и «нового государственного управления» (Д. Осборн и Т. Гэблер) подданническая управленческая культура, конечно, стала размываться, замещаться новыми реалиями, традициями и кейсами, однако совсем полностью не исчезла из ментала бюрократии России. Из-за этого вся обильная риторика о переходе к менеджерской этике «нового государственного управления», сервисному государству, как подмечают эксперты, расценивается государственными служащими России в виде очередной директивы начальства, некой моды, приводящей к ужесточению формализации и увеличению форм отчетности²³¹. Что на практике не имеет никакого отношения к подлинному формированию этики New Public Management и улучшению коммуникации между государственными органами, партиями и общественностью.

Исследователь В.Л. Римский констатирует, что контрактная система в отечественном государственном управлении скорее является оформлением отношений личной преданности начальству, чем безличных отношений руководителей и подчиненных при исполнении государственных функций. По его мнению, патримониализм отечественной системы государственного управления препятствует формированию в нашей стране правового политического режима, при котором граждане и органы власти в своих взаимодействиях и при решении социальных проблем подчиняются универсальным нормам права и законам, а органы государственной власти обеспечивают защиту прав, свобод и собственности граждан. Причина – формальные и неформальные отношения между гражданами и чиновниками до сих пор практически не разделены и могут переходить друг в друга. Вот почему в современной России бюрократия остаётся инициатором использования коррупционных норм в решении социальных взаимодействий, а также транслятором в социум стереотипов коррупционного социального поведения²³².

²²⁹ Peters B.G. The Politics of Bureaucracy. 4th ed. N.Y.: Longman, 1995.

²³⁰ Масловский М.В. Веберовская концепция патримониализма и её современные интерпретации //Социологический Журнал, 1995. №5.

²³¹ Симагина О.В. Подходы к формированию показателей качества публичных услуг //Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2.

²³² Римский В.Л. Нравственность не может быть действенным регулятором поведения патримониальной бюрократии //Нравственное государство как императив государственной эволюции. М.: Научный эксперт, 2011.

Нравственность и политическая коррупция

Политическая коррупция подразумевает использование лицом, занимающим политический пост, доверенных ему государственно-властных полномочий и прав, служебного положения и статуса властного органа, который он представляет, в целях противоправного извлечения личной и/или групповой, а также в пользу третьей стороны, политической выгоды²³³. Фантом отечественной политической коррупции – это антагонист любой этики и включает и такие явления, как административная коррупция, электоральная коррупция, клиентелизм, политическое рейдерство (захват партийных организаций и т.п.). Риски комплементарности управления и политической коррупции происходят, прежде всего, из их схожей сетевой природы. Неформальный механизм сетей возникает в тех условиях, когда различным политическим акторам становится невыгодно открыто действовать в рамках правил игры, определяемых государством. В случае отсутствия правовых и ценностно-ментальных ограничителей возникает так называемая политическая рента, предполагающая получение политической и иной прибыли путем искусственного ограничения политической и другой конкуренции, перенося процесс принятия управленческих решений в теневую сферу²³⁴. Признаки политической ренты в той или иной мере можно фиксировать в различных политических режимах. Для объяснения этого аспекта, нужно помнить, что коррупция тесно связана с так называемыми «провалами государства», когда последнее не в состоянии функционировать в рамках легитимных процедур.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что российский государственный служащий в личной жизни может быть высокоморальным человеком, но в своей профессиональной деятельности он может соблюдать нормы морали и нравственности лишь в том случае, когда они не противоречат основной цели – реализации привилегий их должностей в системе патримониального государственного управления. Поскольку такие привилегии принадлежат довольно небольшим группам чиновников, в профессиональной деятельности их мораль и нравственность почти всегда редуцируется до обоснования ценностей и выгоды сохранения этих привилегий. По этой причине большинством граждан, не инкорпорированных в систему государственной службы, подобная приспособленческая (подданническая) мораль чиновников расценивается как безнравственное и аморальное поведение. Бюрократическая реальность формируется настолько отчетливо, что представляется самими государственными служащими, политиками и гражданами неким целостным миром, схемы и модели которого определяют возможности и унификации общественных практик и опыта²³⁵.

Государственные служащие, исходя из своих сложившихся корпоративных интересов, стремятся убедить граждан подчиняться нормам государственного регулирования не только из страха наказания, но и в соответствии с нормами морали и нравственности, оправдывая именно этими ценностями необходимость и смыслы существующих практик государственного управления. Однако большинство граждан не верят таким увещаниям, прекрасно замечая противоречия между декларируемым моральным обоснованием государственного управления и его практикой в реальной жизни. Но самое важное кроется в другом – *приверженность чиновника нормам морали и*

²³³ Нисневич Ю.А. Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы //Технологизация политических процессов в условиях глобализации: теория, опыт, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, Москва 19 октября 2012. /Под общ. ред.: В.И. Камышев, О.Е. Гришин. М.: Федерация мира и согласия, 2012.

²³⁴ Лазарев Е.А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций //Полис, 2010. №2.

²³⁵ Орлова Г.А. Бюрократическая реальность //Общественные науки и современность, 1999. №6.

*нравственности на государственной службе будет восприниматься его начальством как непрофессионализм, и такому работнику придется уволиться со своей должности*²³⁶.

Характер управленческой либерализации

Важным доказательством описываемых этических противоречий в отечественном государственном управлении является интересное двухлетнее исследование (2012 – 2013 гг.) профессиональной этики отечественных государственных и муниципальных служащих, которое было проведено Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Выборку составляли в основном государственные служащие федерального и регионального уровня (от специалистов до руководителей высшего звена). Анализ мировоззренческих позиций, ценностей и норм проводился на основе 150 биографических интервью чиновников²³⁷. Полученные данные свидетельствуют, что в современной России эффективность государственной власти определяется умением преодолевать, подстраивать, игнорировать, переключать и делегировать следование нормативным предписаниям и правилам, не нарушая законодательных установлений.

Проводя интервьюирование, ученые выяснили, что либерализация власти вовсе не вызвана внутренними убеждениями её носителей, сохраняется инертность для либеральных преобразований. Либерализация диктуется только внешними обстоятельствами: трансформацией гражданского сознания, изменением институциональной среды и т.п. Это связано, по мнению авторов исследования, с конфликтом основных ценностей консервативного и либерального мировоззрений. Отечественный государственный служащий по-прежнему остаётся заложником бюрократических традиций и процедур, которые воспроизводятся его же коллегами по работе. Высший менеджмент государственной службы, уже на деле являясь носителем схожих европейских и североамериканских управленческих ценностей, все равно поддерживает правила игры прежней бюрократической модели, нарушая реформаторские устремления²³⁸.

Аспекты совершенствования профессиональной этики госслужащих

По оценке В.В. Лукьяновой и А.Р. Кудрина, для формирования цивилизованной этики государственной службы в современной России необходимы следующие условия: стабильность законодательства и власти; пропаганда образа высокоморального государственного служащего; осуждение нечестной конкуренции, коррупции. Но так как этого нет, то актуализируются следующие вопросы, связанные с этикой:

- отсутствие соответствия имеющегося образования и подготовки квалификационным требованиям по определенной государственной должности;
- отсутствие юридического оформления норм профессиональной нравственности государственного служащего, что означает крупный пробел в законодательстве;
- существует потребность в высококвалифицированных государственных служащих, которые владеют теорией и практикой управления и развития, умеют работать в условиях

²³⁶ Римский В.Л. Нравственность не может быть действенным регулятором поведения патримониальной бюрократии //Нравственное государство как императив государственной эволюции. М.: Научный эксперт, 2011.

²³⁷ Рогозин Д. О либерализации власти, или Послевкусие от невключенного наблюдения за жизнью чиновников //Социология власти, 2012. №8.

²³⁸ Рогозин Д. О либерализации власти, или Послевкусие от невключенного наблюдения за жизнью чиновников //Социология власти, 2012. №8.

жесткой конкуренции, соблюдая этические и нравственные принципы в деловых отношениях²³⁹.

Другие эксперты полагают, что базовыми особенностями, негативно влияющими на мораль отечественных государственных служащих, выступают: специфические формы оплаты труда, особый характер текучести кадров, вертикальная выстроенность по направлению деятельности, особая заинтересованность отдельных категорий в государственном управлении²⁴⁰. Отсутствие системы мониторинга в плане стимулирования, искаженное представление о профессиональном долге и отсутствии мотивирования со стороны государства способствует тому, что государственные служащие не хотят руководствоваться этическими принципами в своей деятельности, начинают использовать корыстные практики, что, в свою очередь, приводит к деградации кадровой системы в целом.

Управленческая эволюция от New Public Management к Network Management

Необходимо заметить, что в современное время происходит определенное осознание серьезных недостатков «нового государственного управления». Это привело к поиску нового политико-управленческого концепта, которым и стал сетевой и сетецентричный подходы к управлению. Не последнюю роль здесь сыграла так называемая политическая доктрина «соучастия» («stakeholding») британской Лейбористской партии времени Т. Блэра, которая предлагала отход от англосаксонской модели «экономики акционерного капитала» к так называемому «интегрированному государству» («joined-up government»). Доктрина «соучастия» исходила именно из принципов этики, привлечения большого круга субъектов управления, стимулирования ведомств к большей координации, демонтаж традиционных бюрократических узких каналов взаимодействия между институтами.

Таким образом, сетецентричный подход учёл как опыт, так и недостатки моделей традиционного и «нового государственного управления». Логичным результатом этих процессов стало появление концепта политических сетей²⁴¹.

Я. Куиман считает, что политические сети появились как своеобразный ответ граждан на потребность в горизонтальной координации возникших новых задач более дифференцированного социума²⁴². Тогда как М. Фуко признаёт политические сети вариантом прогресса либерального государственного управления, учитывающим разнообразие саморегулирующихся акторов²⁴³. Иными словами, это своеобразная политическая мимикрия либеральных режимов, желающих сочетать приемы привычного государственного управления и современного политического менеджмента, основанного на культуре компромисса.

Сетецентричный подход в государственном управлении предполагает весомую роль экспертного кластера – тех самых политических менеджеров. Но в России политический менеджмент, в отличие от государственного управления практически не контролируется

²³⁹ Лукьянова В.В., Кудрин А.Р. Особенности этики государственного служащего //Основы экономики, управления и права, 2013. №3(15).

²⁴⁰ Корчагина Е.А., Ильина Л.Н. Профессиональная этика государственных гражданских служащих //Проблемы и перспективы образования в России, 2010. №4-2.

²⁴¹ Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении: монография. М.: ИД КДУ, 2013. С. 5-17.

²⁴² Kooiman J. Modern Governance. New Government – Society Interactions. L.: Sage, 1993.

²⁴³ Foucault M. «Governmentality» //Burchell G., Gordon C., Miller P. The Foucault Effect. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 88-101.

законодательством, отсюда возникают скрытые угрозы для социума и риски построения политического симулякра²⁴⁴.

Некоторые авторы предупреждают, что экспертократию ни в коем случае не стоит идеализировать и возвеличивать до уровня абсолюта. Например, голландский исследователь Ф. Анкерсмит предупреждает о рисках экспертократии²⁴⁵. Ученый пишет, что экспертная сеть солиптическая – её интересуют только свои проблемы, режим эксперта приводит к последовательному предпочтению частного за счёт публичной, социальной сферы, способствует устойчивой заикленности на типичных экспертных проблемах.

Анкерсмит заявляет, что эксперт может вполне дезорганизовать политику в угоду частных интересов. Правда, это происходит не всегда и не везде – эксперты необходимы в любом современном государстве, но если мы говорим об экспертном менеджменте в условиях подданнической управленческой культуры и традиций социальных отношений такого государства как Россия, то можно с уверенностью прогнозировать риски манипулятивного (политтехнологического) управления без соответствующего контроля со стороны общества.

Также в условиях применения сетцентричного менеджмента на фоне низкой управленческой культуры есть серьёзные риски формирования так называемых «железных треугольников» (iron triangles) – устойчивых взаимоотношений между группой интересов, законодательным комитетом и правительственным ведомством.

Альтернативой «железным треугольникам» (iron triangles) и наиболее предпочтительной для современной России является модель issue network (проблемной сети)²⁴⁶. В отличие от «железного треугольника», вариант «проблемной сети» не так жёсток, он допускает самые различные группы интересов, экспертов и управленцев к процессу проектирования политических решений. Основа этой модели – не союз (или сговор) представителей бизнес- и политической элиты, а именно партнёрские отношения экспертного сообщества, управленцев и политиков во благо общества. Однако, согласно докладу американской правозащитной организации Freedom House, в современной России складывается именно «железный треугольник» из государственных органов, топ-менеджеров крупных компаний и представителей силовых структур²⁴⁷. (Вместо полноценного трипартизма в рамках этики сетцентричной демократии²⁴⁸).

²⁴⁴ Федорченко Л.В. Консьюмеризация института политических консультантов в современной России: диссертация ... кандидата политических наук. М., 2014.

²⁴⁵ Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

²⁴⁶ HeCle H. Issue Networks and the Executive Establishment // The New American Political System. Ed. by A. King. Washington, D.C., 1978. P. 84-124.

²⁴⁷ Федорченко С.Н. Сетевой подход в политическом менеджменте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №2.

²⁴⁸ Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 237-255.

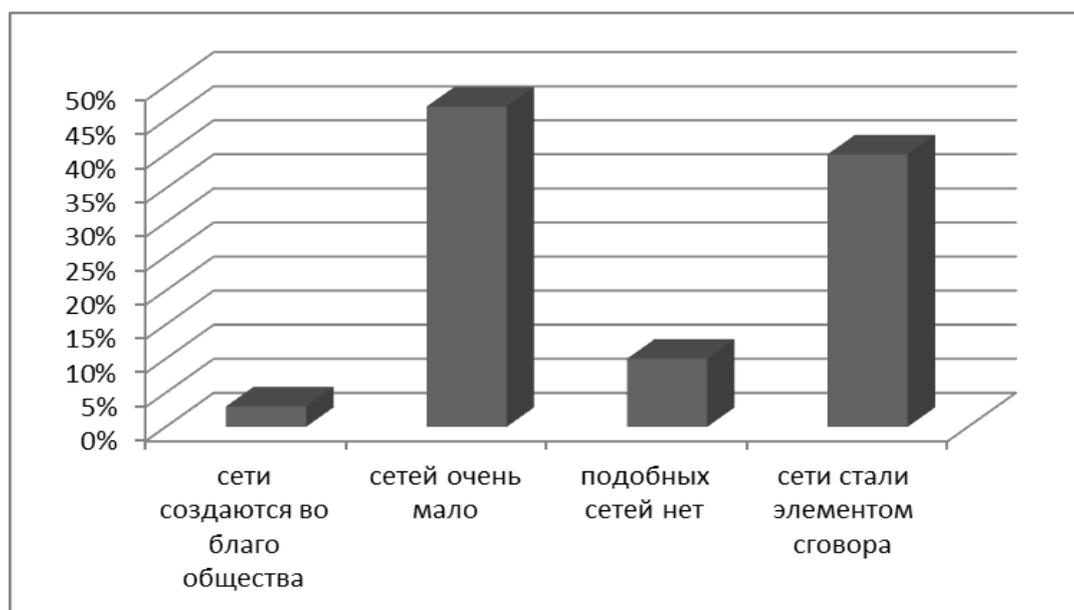

Рис. 27. Образуются ли, по Вашему мнению, отечественными политическими менеджерами (консультантами) функциональные политические сети между государством, некоммерческим сектором и бизнесом для эффективного развития приоритетных направлений в государственной политике?²⁴⁹

Определенным доказательством этого являются данные экспертного исследования «Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов», проведенного в 2014 году (рис. 27). Согласно вопросу «Образуются ли, по Вашему мнению, отечественными политическими менеджерами (консультантами) функциональные политические сети между государством, некоммерческим сектором и бизнесом для эффективного развития приоритетных направлений в государственной политике?», ответы экспертов распределились следующим образом: сети создаются во благо общества – 3%, сетей очень мало – 47%, подобных сетей нет – 10%, сети стали элементом сговора – 40%.

Политических сетей явно не хватает. Это следствие отсутствия чёткой образовательной системы по подготовке самих отечественных политических менеджеров, которые могли бы стать основными посредниками между государственными служащими, общественностью и партиями – «узлами» сетецентричной демократии. Показательно, что эксперты определили природу существующих политических сетей на основе узкокорыстного сговора. Что означает существование неподконтрольных групп интересов – «железных треугольников» (iron triangles). Такая ситуация создает риски при грубом и формальном внедрении сетецентричных методов управления.

Скрытая угроза для сетецентричной этики

Так что же препятствует развитию этики сетецентричной электронной демократии и, наоборот, укрепляет позиции сети «железного треугольника» в России? Отечественный исследователь М.И. Халиков в своей монографии постарался выделить несколько особенностей отечественных менеджеров, которые можно вполне соотнести с конкретными причинами, противостоящими демократизации российского политического менеджмента и его заказчиков из государственной службы:

1. рост численности менеджеров – неконтролируемый и не поддающийся никакому учёту;

²⁴⁹ Федорченко С.Н. Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов //Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №4.

2. «комплекс неполноценности» российских менеджеров – экономические и политические неудачи в стране привели самих менеджеров к слепому копированию западного варианта политического менеджмента;

3. ориентация на тактические задачи и сиюминутные интересы – у менеджеров-политтехнологов предпочтительны не этические принципы, а личная прибыль в короткие сроки;

4. рост реальных полномочий менеджеров – отсутствующий контроль со стороны государства и общества в этой сфере формирует благоприятные условия для злоупотреблений со стороны политтехнологов;

5. отсутствие методичности, непунктуальность, низкая организованность менеджеров – прагматизм причудливо сочетается с авантюризмом политтехнологов, что создаёт политические риски;

6. отсутствие долгосрочной стратегии – фиксируется быстрое забвение политических проектов в случае первых неудач;

7. слабые специальные знания в области менеджмента – российские менеджеры имеют в основном технологическую или гуманитарную, но не управленческую подготовку;

8. клановый характер – законность уступает место неформальным отношениям в управлении;

9. криминализация менеджмента – сложность сочетания эффективности и законопослушности в российской действительности;

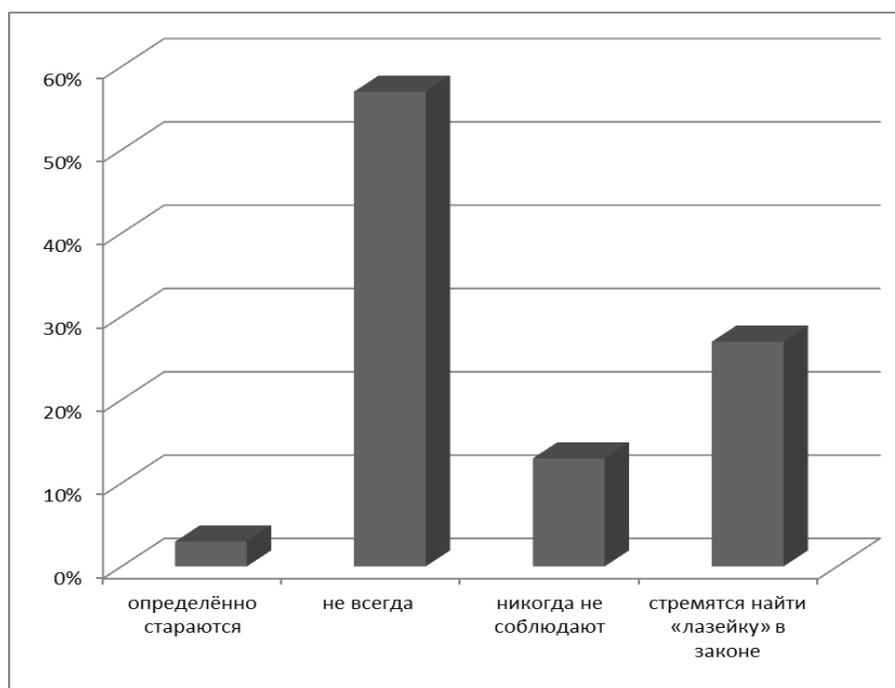
10. жёсткость, агрессивность, низкая аутентичность российских менеджеров – ориентация на авторитарное лидерское поведение, отсутствие демократической управленческой культуры²⁵⁰.

Налицо провал внедрения «нового государственного управления» (New Public Management) в управленческую культуру и этику российских государственных служащих, над которыми остались довлеть все те же архаичные патримониальные коды подданнической управленческой культуры. Этот факт нужно учитывать и при формировании этоса сетецентричной электронной демократии.

Несомненный интерес вызывает и оценка экспертов этики современных политических менеджеров. Она неутешительна. В идеале, конечно, политические менеджеры должны стать той экспертной когортой, которая будет ориентирована на довольно высокоморальную планку управленческой культуры. Тем более что задачи, стоящие перед политическими менеджерами, довольно сложные и глобальные – создание сетецентричного электронного управления и демократии на основе политической коммуникации между государственными, муниципальными служащими, общественностью и политическими партиями России. Политический менеджер – не просто высокопрофильный специалист в области управленческих технологий электронного правительства и демократии. Он – основа будущего сетецентричного этоса.

Но давайте посмотрим, как оценивают эксперты моральную компоненту российских политических менеджеров (см. рис. 28). Так, при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, стараются ли отечественные политические менеджеры (консультанты) во время избирательных кампаний соблюдать законные и этические нормы?» ответы экспертов были следующие: определённо стараются – 3%, не всегда – 57%, никогда не соблюдают – 13%, стараются найти «лазейку» в законе – 27%.

²⁵⁰ Халиков М.И. Управление и менеджмент. Теоретико-методологический анализ: монография. М.: «ФЛИНТА», «Наука», 2013. С. 83-88.

*Рис. 28. Как Вы считаете, стараются ли отечественные политические менеджеры (консультанты) во время избирательных кампаний соблюдать законные и этические нормы?*²⁵¹

Это удручающая картина. На сегодняшний момент небольшое количество профессиональных сообществ (профессиональные ассоциации типа Российской ассоциации политических консультантов) не способно заставить соблюдать политическими менеджерами законные и этические меры как перед своими заказчиками – государственными служащими и политическими партиями, так и перед общественностью.

Анализ специфических черт отечественной управленческой культуры государственных служащих показал, что для внедрения этики сетецентричной электронной демократии потребуется серьезная кадровая, воспитательная и PR-работа для замены патримониальных кодов подданнического этоса на более современные стетецентричные. Российский государственный управленец по-прежнему остаётся заложником бюрократических традиций и процедур, которые воспроизводятся его же коллегами по работе. При этом контрактная система в отечественном государственном управлении выступает больше оформлением отношений личной преданности начальству, чем безличных отношений руководителей и подчиненных при исполнении государственных обязанностей.

Риторика о переходе к менеджериальной этике «нового государственного управления», сервисному государству стала расцениваться государственными служащими России как некая временная мода, очередная директива начальства, что привело к ужесточению формализации и увеличению форм отчетности. Произошёл провал внедрения «нового государственного управления» (New Public Management) в управленческую культуру и этику российских государственных служащих, над которыми остались довлеть все те же архаичные патримониальные коды подданнической управленческой культуры. Но самое драматичное в другом – до сих пор приверженность отечественного чиновника нормам морали и нравственности на государственной службе воспринимается его начальством как непрофессионализм, и такому работнику будет сложно выстраивать свою карьеру. Данный факт нужно обязательно учитывать при формировании этоса сетецентричной электронной демократии.

²⁵¹ Федорченко С.Н. Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов //Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №4.

Глава 5. Потенциалы формирования этики сетецентричной электронной демократии в современной России

Коды добродетелей для сетецентричной этики

Этика сетецентричной электронной демократии исходит из нескольких общеопределяющих принципов. Во-первых, принцип публичности подразумевает, что абсолютно все обращения граждан адресуются в органы государственной власти и органы местного самоуправления публично. При этом ответы на просьбы и обращения также размещаются публично и органы власти официально предупреждаются об этом в письмах (кроме тех случаев, когда содержание ответа требует сохранить конфиденциальность и информация не может быть опубликована в связи с требованиями законодательства). Во-вторых, принцип коллективности означает, что каждый человек может опубликовать проблему в системе электронной демократии. Любой, кто заинтересован в решении этой проблемы, может поставить свою фамилию в список сторонников решения обсуждаемого вопроса и принять активное участие в написании коллективного обращения. Конечная редакция документа определяется автором проблемы либо специальным уполномоченным администратором электронной системы. Наконец, третий принцип – это оценочность. Здесь имеется в виду, что сами ответы на обращения автоматически публикуются в системе и доводятся до сведения не только автора письма, но и тех, кто вообще участвовал в написании и обсуждении поднятых вопросов. Пользователи системы электронной демократии могут публично выразить свою оценку всем полученным ответам на коллективные обращения. Такой механизм способствует формированию практики «обратной связи», когда управленцы получают информацию о том, насколько граждане удовлетворены официальной реакцией органов власти на обозначенные проблемы.

Представим себе ситуацию, что сетецентричная электронная демократия неизбежно пришла в систему государственного управления Российской Федерации. От каких архаичных элементов подданнической управленческой культуры будет необходимо, прежде всего, отказаться отечественным государственным служащим? Конечно, речь идет о таких деструктивных характеристиках бюрократического этоса как узкокорыстные патрон-клиентские сети; патримониальные отношения между субъектом и объектом управленческой системы; ориентация не на общественные, а на личные цели и интересы руководства; волокита; коррупционная практика на основе извлечения политической ренты; догматизирование отчетности на основе формализованного подхода к «новому государственному управлению»; игнорирование современных компьютерных и технических приемов в управлении; оценка нравственного отношения чиновника к гражданам как его слабости и недостаточной преданности руководству и т.п. Но что же должно прийти на смену этим архаичным элементам российского чиновничьего этоса?

Подлинной системой координат для этики сетецентричной электронной демократии должны стать добродетели, известные человечеству с глубокой древности. Оновой новой этики должны стать те важнейшие моральные императивы, которые передавались поколениями из одной цивилизации в другую. Так, неподдельный интерес заслуживает «Поучение Птахотепа», представляющее собой свод правил хорошего тона в древнеегипетском обществе. Здесь есть предписания, знание которых нужно для успешного продвижения чиновника по бюрократической пирамиде. Птахотепа

предписывает государственным мужам быть выдержанными, стремиться к знаниям, избегать высокомерия и не использовать свою власть во зло другим людям²⁵².

С. Крамер пишет, что шумеры в области социальной этики ценили и почитали благочестие и правду, закон и порядок. Уважали такие добродетели как справедливость и свободу, мудрость и ученость, храбрость и преданность²⁵³.

Но более четкое и целостное видение добродетелей впервые предложил Аристотель. Древнегреческий мыслитель под этикой понимал науку, исследующую этические добродетели, проблемы достижения счастья, изучающую лучшие человеческие нравы. Проблемам морали посвящены его труды «Никомахова этика» и «Евдемова этика»²⁵⁴. Античный учёный отмечает, что нравственность, в отличие от науки, учит, как относиться к вещам. Не случайно Аристотель делит все добродетели на нравственные и разумные. Цель этики – не обогащение человека информацией и знанием, а его нравственное перевоплощение. Социальная этика Аристотеля признаёт тот постулат, что человек по природе своей – существо общественное. Он был убеждён, что причина объединения людей в группы заключается во врождённом неравенстве способностей. Отсюда появляются различия статусов и ролей людей в социуме²⁵⁵. При этом существование человека вне общества невозможно. Политическая этика Аристотеля, который считал человека политическим существом, видна в его трудах «Политика» и «Афинская полития». Под политией учёный понимал редкий тип государства, где есть уникальное сочетание умеренных нравов, правления среднего слоя и наличия средних достатков у граждан. Аристотель особо подчеркивал роль таких этических добродетелей как умеренность, великодушие, ровность, дружелюбие, правдивость, любезность, справедливость, справедливое негодование, практическая мудрость... Чем не пункты для этического кодекса современного государственного служащего?

Огромное значение в преемственности античных учений об этике и добродетелях сыграли средневековые мыслители, в том числе древнерусские, византийские, западноевропейские и арабские. Отечественные и зарубежные мыслители-этики Нового и Новейшего времени, в свою очередь, многое почерпнули для своих моральных концептов из наследия Античности и Средневековья. Полностью отвергать все это при формировании новой этики было бы неразумным.

Наследие этики разных культур и цивилизаций предполагает соблюдение неких базовых добродетелей, без которых любой технологический прогресс лишен смысла, так как со временем без собственного морального содержания способен выродиться в типичный политический симулякр, нацеленный на воспроизводство самого себя посредством манипуляций. Перед тем как перейти к разбору конкретных принципов, которые потребуются для государственных служащих в условиях этики сетецентричной электронной демократии, важно обозначить проблему нормативного воплощения моральных предписаний чиновникам. Итак, рассмотрим аспект этических кодексов государственных служащих.

Отечественный и зарубежный опыт создания этических кодексов

До актуализации вопросов этических кодексов государственных служащих в нашей стране власть постепенно стала осознавать необходимость преодоления нравственного дефицита в кадровом корпусе. Доказательством этому служит целый корпус нормативных актов, связанных с этической проблематикой: указы Президента РФ «Об утверждении

²⁵² Иванов В.Г. История этики Древнего мира. Л.: ЛГУ, 1980; Костровцев М.А. Религия древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2001.

²⁵³ Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. М.: Центрполиграф, 2012.

²⁵⁴ Аристотель. Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.

²⁵⁵ Брамбо Р. Философы древней Греции. /Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2002.

общих принципов служебного поведения государственных служащих» от 12 августа 2002 г. №885; «О федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003 – 2005 годы)» от 19 ноября 2002 г. №1336²⁵⁶; «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)» от 10 марта 2009 г. №261²⁵⁷. В этих актах отмечено усиление влияния нравственных регуляторов на поведение государственных чиновников. Кроме того, в отечественном законодательстве были впервые закреплены нормы должного поведения государственных служащих. Это был несомненный прогресс со времени отмены отечественного «Морального Кодекса строителя коммунизма».

В рамках национальной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)» был разработан и одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (далее – Типовой кодекс)²⁵⁸. Этот документ является сводом принципов профессиональной служебной этики и базовых правил служебного поведения государственных кадров.

Как заявлено в документе, «целью Типового кодекса является установление этических норм и правил служебного поведения государственных (муниципальных) служащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению авторитета государственных (муниципальных) служащих, доверия граждан к государственным органам и органам местного самоуправления и обеспечение единых норм поведения государственных (муниципальных) служащих». Государственный служащий по Типовому кодексу должен: исполнять должностные обязанности добросовестно и на высоком профессиональном уровне в целях обеспечения эффективной работы государственных органов и органов местного самоуправления; исключать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению ими должностных обязанностей; не оказывать предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимыми от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций; соблюдать беспристрастность, исключая возможность влияния на их служебную деятельность решений политических партий и общественных объединений; проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами; проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других государств, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию; не использовать служебное положение для оказания влияния на деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц, государственных (муниципальных) служащих и граждан при решении вопросов личного характера. При этом уведомление о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, за исключением случаев, когда по данным фактам проведена или проводится проверка, является должностной обязанностью государственного (муниципального) служащего²⁵⁹.

²⁵⁶ О федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003 – 2005 годы)» от 19 ноября 2002 г. №1336 //Российская газета, 2002. 23 ноября.

²⁵⁷ О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)» от 10 марта 2009 г. №261 //Российская газета, 2009. 13 марта.

²⁵⁸ Одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.

²⁵⁹ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Гарант] URL: <http://base.garant.ru/55171108/> (дата обращения: 24.02.2015); Шободоева А.В. Проблема формирования нравственных основ государственной гражданской службы Российской Федерации //Известия Иркутской государственной экономической академии, 2013. №6.

При анализе Типового кодекса было выявлено, что вопросы этики работы государственных служащих с общественностью через информационные технологии получили в нем, к сожалению, совсем небольшое отражение. Здесь только обозначены довольно общие и расплывчатые моменты: «...уважительно относиться к деятельности представителей средств массовой информации по информированию общества о работе государственного органа или органа местного самоуправления, а также оказывать содействие в получении достоверной информации в установленном порядке». Или: «...государственный (муниципальный) служащий может обрабатывать и передавать служебную информацию при соблюдении действующих в государственном органе или органе местного самоуправления норм и требований, принятых в соответствии с законодательством Российской Федерации»; «...государственный (муниципальный) служащий обязан принимать соответствующие меры по обеспечению безопасности и конфиденциальности информации, за несанкционированное разглашение которой он несет ответственность или (и) которая стала известна ему в связи с исполнением им должностных обязанностей»²⁶⁰. Но эти постулаты практически не отражают реалий этики сетевых принципов демократии. Так что же должен включать этический кодекс государственного служащего, отражающий специфику сетевых принципов демократии?

Как правило, этические кодексы в государственной службе нацелены определять нравственные координаты для бюрократии. Воспитательная функция таких нормативных документов в том, что постепенно государственные работники должны стать гордиться тем, что они находятся на такой работе, обладать профессиональной честью²⁶¹, не только приносить определенную присягу установленному этическому порядку, но и быть готовым осуждать аморальное поведение коллеги, не допуская «круговой поруки».

Введение кодексов этики – не наше открытие. Аналоги давно приняты за рубежом. К примеру, по статистике, в каждом третьем городе Соединенных Штатов есть свой этический кодекс и отдельная комиссия по этическим вопросам. В США проводится регулярный контроль этического поведения государственных чиновников²⁶², здесь самый первый этический кодекс был предложен Международной ассоциацией администраторов городов (сейчас это Международная ассоциация управления городов/округов) в 1924 году. Затем в 1958 году был введен Кодекс этики правительственной службы, который дополнился в 1965 г. законодательным нормативным актом «Стандарты поведения должностных лиц». Схожие документы приняты в Германии, Канаде, Австралии, Ирландии, Венгрии, Великобритании, Испании, Франции, Японии и других странах.

Механизм этического контроля

Между тем, сравнительный анализ международных кейсов по введению этики государственных служащих показал, что ни один этический кодекс не будет работать, если он не обеспечивается конкретными механизмами контроля исполнения норм профессиональных отношений. Догматизировать роль этических кодексов совсем не стоит. Из задача – обозначить рамки этического в правовом поле, показать общественности, что эта тема власти небезразлична. Неслучайно исследователи, полагают, что важнейшей целью формирования американских нормативных документов в сфере этики государственных служащих являлось не только введение моральных отношений в правовую плоскость, но желание «добиться полной убежденности каждого гражданина США в честности и искренности усилий федерального правительства»²⁶³.

²⁶⁰ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Гарант] URL: <http://base.garant.ru/55171108/> (дата обращения: 24.02.2015).

²⁶¹ Архипова Н.И. Этика государственных служащих //Вестник РГГУ, 2011. № 4(66).

²⁶² Henry N. Public administration and public affairs. Pearson Prentice Hall, 2006.

²⁶³ Пчелинцев С.В., Пчелинцев С.С. Некоторые вопросы этического регулирования в государственном управлении: Нидерландский опыт обеспечения «добропорядочности» //Вопросы государственного и

Поэтому одним из действенных механизмов в этом плане является не некий кодекс, а создание специальных органов по мониторингу нравственных отношений в среде чиновников.

Для примера – во Франции работают органы, призванные отслеживать этические нарушения (Высший совет по этике в национальной политике, Центральный департамент по предотвращению коррупции Межминистерская комиссия по расследованию контрактов, заключаемых служащими). Французская элита пошла по пути «распыления» контрольных организаций в различных сегментах управления, рассчитывая на профилактику корпоративного сговора и коррупции.

В Японии особый Комитет по этическим расследованиям на практике является третейским органом, создаваемый в системе Совета по делам персонала²⁶⁴. Данный Комитет имеет не только право проводить расследования и налагать административные взыскания на нарушающих служебную этику государственных служащих.

Германия предпочитает доверить контроль над этикой чиновничества системе административных судов, где граждане могут обжаловать нарушения, допущенными органами власти. Немецкие суды действуют на трех уровнях – федеральном, земельном и первой инстанции. Кстати, ежегодно они рассматривают десятки тысяч дел²⁶⁵. Подобные процедуры, действительно, приближают этический контроль к общественности.

В Канаде осуществляется этический контроль как над избираемыми политиками, так и над назначаемыми государственными служащими. Там есть фактически независимый парламентский орган – Бюро Комиссара по конфликтам интересов и этике²⁶⁶. При этом Комиссар как представитель канадского парламента не зависит от существующего правительства. Это ему позволяет ему следить за этикой не только членов палаты общин, но за моральным обликом министров и самого Премьер-министра Канады. С другой стороны, Комиссар конфиденциально консультирует канадских ответственных должностных лиц (министров, служащих и советников министерств, парламентских секретарей, членов федеральных ведомств, помощников министров) по вопросам этики, Кодекса депутатов. Он предоставляет свое мнение по вопросам административной этики премьер-министру страны.

Также в Канаде есть должность *public service integrity officer* (должностное лицо, ответственное за честность (соблюдение моральных стандартов) на государственной службе). Этот ответственный получает, регистрирует и обобщает информацию о нарушениях и рекомендациях, связанных с проблемами Этического кодекса²⁶⁷. За этикой следят и парламентские служащие²⁶⁸.

В дополнение к предыдущим нормам в 2012 г. был принят новый канадский Кодекс ценностей и этики в государственном секторе. Консультирование государственных служащих по проблемам корректности интерпретирования кодекса организует Бюро

муниципального управления, 2009. № 1; Петровский И.В. Этический кодекс российского чиновника: к постановке проблемы //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2012. №152.

²⁶⁴ Лих М.А. Роль традиционных ценностей в формировании этики государственных служащих в Японии //Вестник Международного института экономики и права, 2013. №3(12).

²⁶⁵ Шувалова Н. Управление нравственными отношениями в системе государственной службы: ориентация на успех //Право и управление. XXI век, 2013. № 2.

²⁶⁶ Dawson M. Mandate of the Conflict of Interest and Ethics Commissioner and Post-Employment Rules. Speaking Notes for a presentation to Oliphant Commission by the Conflict of Interest and Ethics Commissioner, 2009. June 17.

²⁶⁷ Оболонский А.В. Реформирование государственной службы: этико-нравственный аспект //Право и управление: XXI век: интернет-журнал, 2008. № 1 (2).

²⁶⁸ Gay O. Comparing systems of ethics regulation //Saint-Martin D., Thompson F. Public ethics and governance: standards and practices in comparative perspective. Emerald Group Publishing, 2006.

главного управляющего человеческими ресурсами Секретариата Совета Казначейства Канады.

Британский вариант Комитета по стандартам в публичной сфере являет собой серьезную практику мониторинга этики политиков и государственных служащих²⁶⁹. Орган формируется из председателя и трех политиков, утверждаемых премьер-министром по рекомендации лидеров консервативной, лейбористской и либерально-демократической политических партий, а также шести независимых политических деятелей, назначаемых премьер-министром сроком на три года.

С самого начала своего существования Комитет инициировал самые различные изменения в законодательстве, которые касались этического регулирования поведения государственных и муниципальных служащих органов. Опыт этого Комитета интересен и с точки зрения формирования этики сетецентричной электронной демократии. Его члены неоднократно высказываются за поддержку гражданской активности, связанной с актуализацией, разоблачением противоправных случаев со стороны государственных служащих²⁷⁰.

США также как и другие страны, не ограничиваются принятием этических кодексов. В настоящее время здесь эти вопросы контролирует Управление служебной этики в государственных органах (Office of Government Ethics – OGE). Кардинальной чертой этого органа является его вневедомственное положение, коллегиальная форма управления своей профессиональной деятельностью, право законодательной инициативы в сфере своих полномочий, независимая от федеральных министерств работа, наличие представительства в составе представителей правящих партий. Основными направлениями деятельности Управления выступает формирование личной нравственной культуры каждого государственного служащего, контроль за исполнением требований к служебному поведению чиновников, координация деятельности всех звеньев системы управления нравственными взаимоотношениями между служащими²⁷¹. С этой целью в американском Управлении функционируют пять офисов (офис директора, офис генерального адвоката и правовой политики, офис программ агентств, офис международной поддержки управленческих инициатив, офис администрации и управления информацией).

Американский кейс в очередной раз доказывает, что формирование этики сетецентричной электронной демократии – это стратегия по решению целого комплекса проблем. Здесь не формализуют этический процесс в государственной службе путем индоктринального введения этических кодексов и контрольных органов. Власть пытается осознать реальные проблемы коммуникации между государственными работниками, общественностью и политическими партиями через экспертное сообщество. И сделано это не бутафорски, а самым серьезным образом. Разнообразные Научно-исследовательские организации и профессиональные экспертные организации постоянно анализируют государственную службу и связанные с ней нравственно-этические проблемы (Центр изучения профессиональной этики при Технологическом университете Иллинойса Центр продвижения прикладной этики при Университете Карнеги Меллон, Американская Ассоциация Политических Наук, Центр общественной честности в Вашингтоне и т.п.)²⁷².

Мировой опыт свидетельствует, что органичным дополнением к этическим кодексам, контрольным органам по нравственным взаимоотношениям служащих и

²⁶⁹ Koch R., Dixon J. Public governance and leadership: political and managerial problems in making public governance changes the driver for re-constituting leadership. Gabler Edition Wissenschaft. DUV, 2007.

²⁷⁰ Vandekerckhove W. Whistleblowing and organizational social responsibility: a global assessment. Ashgate Publishing, 2006.

²⁷¹ Шувалова Н. Управление нравственными отношениями в системе государственной службы: ориентация на успех //Право и управление. XXI век, 2013. № 2.

²⁷² Milakovich M.E., Gordon G.G. Public Administration in America. Cengage Learning, 2008.

экспертным центрам по этической политике служат четко прописанный порядок мер ответственности за нарушение служебной этики. Например, в этических правилах государственного служащего Японии есть развернутое определение «заинтересованного лица» и самый подробный перечень неэтичных действий. Такой порядок в корне исключает произвольное толкование конкретных требований законодательства²⁷³. В добавок, все случаи нарушения этики японских государственных служащих подлежат административным наказаниям (предупреждение, понижение заработной платы, временное отстранение от службы, окончательное увольнение за грубые и повторные нарушения профессиональной этики).

Условия эффективного внедрения сетецентричной демократии

На основании компаративистского анализа отечественных и зарубежных кейсов этического регулирования государственной службы можно сделать некоторые предварительные выводы. Так, для формирования этики сетецентричной демократии в среде российских государственных служащих важно соблюсти следующие условия (принципы):

1. Важно определить четкую и поэтапную стратегию внедрения этики сетецентричной демократии в государственных органах власти и общественности;

2. Требуется разработка адекватного Этического кодекса, отвечающего духу современного информационного общества с потенциалами и рисками электронного правительства и электронной демократии, - Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих этим требованиям уже не отвечает;

3. Одновременно необходимо создать систему органов по мониторингу и контролю за состоянием этики в государственных органах власти, иначе индоктринальное введение этических кодексов не решит проблему совершенствования морального облика отечественного чиновника, а лишь формализует служебные отношения;

4. Система мониторинговых и контрольных органов по этике в государственной службе не должна быть излишне централизованной, поэтому следует придать ей вневедомственный характер, - представители данной системы должны получить приоритетное право на доклады Президенту и Председателю Правительства РФ, выступления в Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания РФ;

5. Для определения предметного поля мониторинговых и контрольных органов по этике в государственной службе назрело прописать конкретный порядок наказаний за нарушение профессиональной этики (предупреждение, понижение заработной платы, временное отстранение от службы, окончательное увольнение за грубые и повторные нарушения профессиональной этики), что нужно сделать исходя из соотнесения принципов информационной публичности и конфиденциальности;

6. Следует определить ясные условия карьерной мотивации для государственных служащих, соблюдающих принципы этики сетецентричной демократии;

7. Компьютерно-технологическая база и ее нормативно-законодательные е воплощения должны постоянно совершенствоваться и не содержать пробелы, допускающие формализацию коммуникации между государственными органами и гражданским обществом либо манипулятивное совмещение функций электронного правительства и электронной демократии;

²⁷³ Лих М.А. Роль традиционных ценностей в формировании этики государственных служащих в Японии //Вестник Международного института экономики и права, 2013. №3(12)

8. Сопутствующим каналом по внедрению этики сетецентричной демократии в государственной службе должна стать образовательная и воспитательная политика государства по отношению к чиновникам;

9. Обязательным элементом формирования этики сетецентричной демократии в государственной службе нужно сделать информационное, правовое и политическое просвещение общественности в области потенциальных возможностей сетевого демократического процесса (граждане должны не только осознавать допустимые рамки деятельности чиновников, но и осознавать собственные права и обязанности в новой модели);

10. Политические партии должны вновь обрести свою демократическую миссию в посредничестве между государством и социумом, их роль может реально увеличиться за счет предоставления им мониторинговых функций по отношению ко всей системе сетецентричной электронной демократии (институт наблюдателей за электронными выборами и референдумами, мониторинг за деятельностью контрольных органов по этике государственных служащих);

11. Основной опорой общества и государства в формировании, адаптации к нуждам населения и последующей модернизации сетецентричной электронной демократии должно стать экспертное сообщество, которое будет с помощью соответствующих научно-исследовательских центров анализировать мировой опыт по внедрению подобных моделей управления:

12. Также потребуется соответствующая PR-технологическая поддержка в продвижении ценностей этики сетецентричной демократии.

Стратегический этап формирования сетецентричной этики

Итак, начнем с рассмотрения модели поэтапного внедрения этики сетецентричной демократии в российских государственных органах власти и самой общественности.

Первый этап (стратегический). При начале любой реформы требуется определенное согласование интересов властных элит, государственных служащих, представителей общественных организаций, бизнеса, партий и экспертов-профессионалов. Матрицей стартапа реформы по формированию этики сетецентричной электронной демократии может стать европейский кейс трипартизма. Наиболее яркий пример трипартизма Европейского Союза – это создание системы консультативных учреждений. В свое время Экономический и социальный совет организовал сетевую структуру из представителей бизнеса, профсоюзов, некоммерческих организаций, политических институтов (Совет министров, Европарламент, Еврокомиссия) и других правительственных учреждений и экспертных организаций. В составе образованных консультативных комитетов порядка 50 тыс. представителей названных сегментов общественности и государства²⁷⁴. В современной России прежде чем вводить подобную практику сетевого сотрудничества, важно решить проблему уже сложившейся формальной трипартистской системы, когда стратегия будет определяться не стараниями наиболее значимых и влиятельных игроков по «праву сильного», а с учетом принципов компромисса и традиции партнерства. Ни для кого не секрет, что нынешние отечественные трехсторонние комиссии обладают недостаточно серьезным статусом и престижем, занимаясь в основном вопросами социально-трудовых отношений. Вот почему здесь назрел «толчок со стороны» - экспертного общества, партий и комитетов Общественной палаты РФ.

²⁷⁴ Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 141.

Российские консультативные комиссии должны получить более серьезный статус. Именно на их основе экспертное сообщество может в процессе диалога с представителями государственной службы, общественных организаций, бизнеса, политических партий предложить конкретные направления по реформированию системы управления. Консультативные площадки могут создаваться по отраслевому принципу – на основе видов государственных политик²⁷⁵. Координаторами этих консультативных площадок могут стать политические менеджеры, которые совместно с экспертами будут накапливать электронную Базу управленческих кейсов для государственного и муниципального управления.

Очень проблемным полем для внедрения этики сетевой демократии в сферу отечественной государственной службы являются этно-национальные процессы и диаспоральный фактор. Экспертное сообщество на базе консультационных площадок могло бы объективно помочь, ведь этно-национальный фактор выступает наибольшей зоной риска в кадровых вопросах системы государственного управления современной России. При помощи методики выявления этноконфессиональных противоречий как внутри, так и за пределами государственных и муниципальных структур эксперт не только сможет локализовать сам межнациональный конфликт на уровне органов власти, но и обретёт моральное право на основе подобного мониторинга рекомендовать применение технологии квотирования кадров²⁷⁶. Дело в том, что незадолго до развала Советского Союза квотирование кадров по паритетному принципу с учетом национальных особенностей фактически было упразднено. (Если где-то оно и сохранялось, то это было, скорее, исключение, чем правило). Однако в той же Великобритании, например, на правительственном уровне принята так называемая «программа многообразия на государственной службе», предусматривающая целенаправленное квотное представительство различных социальных групп в системе государственной службы. Так, в 1999 г. в Соединённом Королевстве 1,7% высших государственных должностей занимали представители этнических меньшинств, а в 2000 г. их доля была доведена до 2,1%²⁷⁷.

Не так давно российские эксперты выявили специфику комплектования кадров государственных органов власти Кабардино-Балкарии²⁷⁸, где зафиксировано обязательное присутствие во власти представителей трех основных национальностей республики, механизм распределения власти происходит в зависимости от численного соотношения национальностей республики (а это в некоторых отношениях в определенной является стабилизирующим фактором в межэтнических отношениях). Одновременно обнаружена и другая переменная – к распределению административно-властных ресурсов допускаются кадры, лояльные к федеральному центру. Это весьма важные управленческие кейсы.

Важно принимать во внимание и советский опыт кадрового квотирования государственных органов власти по национальному признаку. Если же экспертную помощь в этом плане полностью игнорировать, то появится негативная реакция в виде формирования неформальных патрон-клиентских сетей диаспорального характера. И это на фоне миграционных потоков со временем подвергнет управленческую систему серьезному дисбалансу и, в итоге, приведет к коллапсу.

²⁷⁵ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012.

²⁷⁶ Федорченко С.Н. Проблема квотирования в российской государственной кадровой политике //Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание. Материалы Всероссийской научной конференции в Президиуме РАН. М.: Научный эксперт, 2010.

²⁷⁷ Государственная служба за рубежом. Реферативный бюллетень, 2001. №2(38).

²⁷⁸ Тенов Т.З., Атласкиров А.Р. Структура и особенности формирования элит Кабардино-Балкарской Республики //От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития: сборник научных трудов. Берлин-Нальчик, 2014. Вып. 2.

Экспертное сообщество в диалоге с представителями политических партий, государственной службы, общественности и бизнеса должно на первом этапе определить специфику конкретных изменений в плане этического кодекса; создания вневедомственной и независимой системы органов по мониторингу и контролю за состоянием этики в государственных органах власти; определить порядок наказаний за нарушение профессиональной этики; обозначить ясные условия карьерной мотивации для государственных служащих, соблюдающих принципы этики сетецентричной демократии; договориться о компьютерно-технологической базе и ее нормативно-законодательных воплощениях; разработать образовательную и воспитательную политику государства по отношению к чиновникам; наметить информационное, правовое и политическое просвещение общественности; предложить политическим партиям мониторинговые функции по отношению ко всей системе сетецентричной электронной демократии; постоянно анализировать мировой опыт по внедрению подобных моделей управления; наконец, спланировать соответствующую PR-технологическую поддержку в продвижении ценностей этики сетецентричной демократии. Итогом первого этапа станет формирование сети консультационных комиссий на основе культуры трипартизма и первых управленческих кейсов. И здесь важно, чтобы такая практика продержалась в функциональном, а не формальном виде пару поколений. (Опять стоит вспомнить глубокую мысль американского политолога Джеффри Стаута, согласно которой демократическая постановка вопросов становится традицией, когда ей удается продержаться в обычной жизни нескольких поколений – хотя бы два).

Магистральной идеей всей философии этого первого стратегического этапа будет создание полноценных дореформенных консультационных площадок. Их цель – уйти от привычной практики бюрократического управления. И здесь важно не повторить прежние ошибки. Достаточно вспомнить, как начинался проект «Большого (Открытого) правительства». Здесь планировалось усилить экспертную проработку предполагаемых государственных решений, а также заметно расширить степень публичности в работе государственных органов. Изначально предполагавшиеся гибкими, инновационными, основанными на принципах интерактивности вводимые инструменты публичного управления на деле совсем уже скоро стали внедряться традиционными бюрократическими приемами. В итоге степень прямого администрирования в государственном управлении восстановилась в прежних величинах. «Открытое правительство» стало видаться лишь как совещательный орган при обычном правительстве. Проект попал в институциональную ловушку, став экспертной группой, зависящей от власти. Аналогичная ситуация повторилась и с проектом «Российская общественная инициатива», запущенного в 2012 г. (аналога системы «We the People» в США). Сначала проект задумывался как общественная платформа, ориентированная на парламент и главу государства. Однако со временем эта система вошла в зону ответственности федеральной исполнительной власти²⁷⁹. Следовательно, формализация креативного и коммуникационного на старте первого этапа может только ухудшить управленческую модель, бюрократически перегрузив её неконституционными образованиями.

Сложившиеся экспертные группы на базе подлинных отраслевых консультационных трипартистских площадок предполагают не пустую формализацию, а то, что данные специалисты будут оказывать постоянную помощь государственным служащим, партиям и представителям общественных организаций в поэтапном формировании и закреплении этики сетецентричной электронной демократии, накапливая электронную Базу управленческих кейсов.

²⁷⁹ Сергеев С.Г. «Большое/Открытое правительство в системе государственного управления современной России: трансформация внеконституционного концепта //Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2013. №5.

Представляется важным подчеркнуть, что при формировании общей стратегии по внедрению в отечественную государственную службу и общественность принципов этики сетецентризма нужно учитывать уже существующие зарубежные стратегии. Например, зарубежные ученые Саяо и Лонг разработали свое видение трансформации электронного правительства в электронную демократию посредством пяти стадий. Первая стадия означает обычное веб-присутствие (Web Presence). В этом случае правительство размещает простую и ограниченную информацию через свои веб-сайты (часы работы, контактную информацию, а также официальные документы). Хотя большая часть информации является статической, с развитием электронного правительства ее возможности увеличиваются, так как необходимо ее регулярное обновление. Роль этического компонента в том, что население как бы приучается к тому, что регулярное обновление статической информации – обязанность государственных служащих. Последние, в свою очередь, приучаются к новой электронной дисциплине.

На второй стадии, по Саяо и Лонгу, организуется взаимодействие (Interaction). Что обеспечивает простое взаимодействие между правительством и общественностью. Как правило, задействуются базовые поисковые системы, виды электронной почты. Другими словами, постепенно закрепляются паттерны этики простой коммуникации между властью и гражданским обществом.

Третью стадию авторы назвали «делкой» (Transaction). В этом случае электронное правительство позволяет гражданам проводить онлайн-транзакции. Пользователи могут вести самообслуживание через интернет-сети (заполнение налоговых документов, получение паспорта, лицензий, обновление личной и профессионально-кадровой информации). Важно, что бизнес также получает доступ к этим онлайн-сервисам (особенно это значимо в сегменте прозрачной финансовой отчетности). Появляется этика постоянного и доверительного взаимоотношения между властью, гражданами и бизнесом.

Интересно, что, по Саяо и Лонгу, на четвертой стадии должна произойти решающая трансформация (Transformation). От экстенсивных приемов оцифровки текущих операционных процессов власть переходит к интенсивным практикам, когда правительство само становится заинтересованным предоставлять услуги, а не уклоняться от их предоставления гражданам. Этот «переход» являет как вертикальные уровни государственной службы, так и горизонтальные формы коммуникации и кооперации (территориальные отделы государственной службы). В итоге осуществляется внедрение «облачного правительства», когда для внешних интерфейсов правительство создает единый портал, предоставляющий комплексные услуги, а не отдельные службы (в России есть подобные попытки). Одновременно сокращается цепь паразитирующих посредников. Такими мерами подготавливается приход и доминирование этики сетецентризма.

В результате, на пятой стадии, согласно Саяо и Лонгу, появляется подлинная электронная демократия (E-democracy). Авторы полагают, что это долгосрочная цель в развитии электронного правительства. Политическое участие расширяет свои возможности за счет этики интернет-голосования, интернет-референдумов, интернет-опросов. Кроме того, электронное правительство постепенно изменяет способы принятия гражданами политических решений²⁸⁰.

Эндрю и Нада Корак-Какабадзе выделяют четыре стратегии (модели) развития электронной демократии: электронная бюрократия, информационный менеджмент, популистская модель, модель гражданского общества. Электронная бюрократия, как они считают, подразумевает лишь оптимизацию практики оказания государственных услуг гражданам и бизнесу для того, чтобы сделать коммуникацию с государством более дешевой. Стратегия информационного менеджмента означает эффективный обмен

²⁸⁰Siau K. & Long Y. Synthesizing e-government stage models - a meta-synthesis based on meta-ethnography approach //Industrial Management + Data Systems, 2005. Vol. 105. №.3/4.

информацией между гражданами и политиками. Тогда как популистская стратегия создает гражданам возможности высказывать свою точку зрения по поводу того или иного вопроса. И стратегия (модель) гражданского общества осуществляет интенсификацию связей между гражданами и использованием информационно-коммуникационных технологий. Последняя стратегия включает трансформацию политической культуры, появление новых возможностей для публичной дискуссии граждан с сохранением их анонимности²⁸¹.

Конкретную стратегию, изучив отечественный и зарубежный опыт, должны выработать консультативные отраслевые площадки, функционирующие на принципах трипартизма. Начальная структура сетецентричного управления должна задаваться экспертами этих консультативных площадок, создаваемых в каждом субъекте Российской Федерации. Экспертная сеть (составляющая ядро стратегии сетецентричного управления) сформулирует состав и структуру целей, поставленных системой, запланирует состав и порядок выполнения действий, выберет наиболее значимые показатели, характеризующие работу сетецентричной системы, наконец, установит связи между действиями, целями и показателями²⁸².

Особенное значение на этапе разработки реформы по внедрению сетецентричной модели управления нужно уделить практике использования органами государственного управления методик рыночной самоорганизации, задающей темп самоупорядочению и самоусложнению всех элементов управленческой системы за счет гармонизации их взаимодействия. Использование бизнес-кейсов позволяет с относительно небольшими затратами и усилиями обеспечивать инновационную трансформацию при условии своевременного применения технологий координации различных макропроцессов²⁸³.

Тактический этап формирования сетецентричной этики

Второй этап (тактический). На следующем этапе потребуются соответствующая PR-технологическая поддержка в продвижении ценностей этики сетецентричной демократии. И этот этап очень важен для внедрения нового этоса, так как именно на нем, после определения стратегических направлений на первом этапе, будут решать самые разные управленческо-этические задачи тактического плана.

Для полномасштабной и подлинной замены подданнической управленческой культуры на профессиональную культуру и этику сетецентричной электронной демократии потребуются механизм постепенного внедрения сетевой и медиационной управленческой парадигмы в общество, государственную и муниципальную системы управления, а также в сегмент элиты. Таким механизмом можно сделать технологию Окна Овертона (Overton Window), основанную на тех же сетецентричных принципах. Правда, в современных масс-медиа сложилось довольно негативное отношение к этой технологии, как к манипулятивному приему. Тем не менее, эта технология может применяться и для созидательных, прогрессивных целей. Постараемся разобраться в этом явлении, как говорил Тацит, – *sine ira et studio*.

²⁸¹ Korac-Kakabadse A. and Korac-Kakabadse N. Information Technology's Impact on the Quality of Democracy. Reinventing the 'Democratic Vessel', [in:] Heeks, R. ed. Reinventing Government in the Information Age. International Practice in IT-Enabled Public Sector Reform. Routledge. New York, 1999.

²⁸² Юдицкий С.А., Владиславлев П.Н., Точ Д.С. Триадный подход к моделированию систем сетецентрического управления //Управление большими системами: сборник трудов, 2010. Выпуск 28.

²⁸³ Трахтенгерц Э.А. Использование двух сетецентрических принципов модификации экономических целей и стратегий в кризисной ситуации //Управление в социально-экономических системах, 2013. Т. 45; Своеволин В.Ю. Сетецентрический принцип управления социально-экономическими процессами // Terra economicus, 2013. Т. 11. №4. Часть 2.

Американский политолог Джозеф Овертон из Макинского центра публичной политики (Mackinac Center for Public Policy) писал, что для каждой проблемы или идеи в социуме существуют границы (окно) возможностей. «Рама» этого окна позволяет или не позволяет открыто поддерживать, обсуждать, пропагандировать, юридически закрепить те или иные политические идеи, в том числе и морально-этического содержания. Интересно, что саму «раму» можно изменять в условиях кризиса, трансформируя область невозможного, отвергаемого, в сферу обычного, нечуждого общественной морали и системе законодательства²⁸⁴. Как видно, Окно Овертона – это, во-первых, политическая теория, пытающаяся объяснить процессы в социуме, и, во-вторых, - реализуемая на практике гибкая политическая технология. (Кстати, Макинский think tank, основанный в 1987 году, занимается анализом в области трансформаций ценностей, апробировав своих технологии в сегменте государственной политики, бизнеса, образования, трудового и налогового законодательства)²⁸⁵.

Этическая аксиология не противоречит Окну Овертона – последнее всего лишь инструмент, результативность которого будет зависеть от целей применения. Здесь очевиден, как минимум, один факт – любая технология и/или теория может использоваться во благо прогресса социума либо в узкогрупповых, деструктивных для общества целях. Так как же использовать Окно Овертона «в мирных целях» - для борьбы с негативными проявлениями в этике российского государственного служащего, прививая ему абсолютно новую систему моральных координат?

Представим модель поэтапного формирования этики сетецентричной электронной демократии в сознании кластера управленцев и элиты с помощью техник Окна Овертона (правда, несколько модифицированных) в виде стадий:

- перевод «немыслимого» (в первую очередь, для управленцев) в степень «радикального»;
- трансформация от «радикального» до «приемлемого»;
- дрейф «приемлемого» в сторону «рационального»
- смещение «рационального» к «популярному»;
- переход «популярного» на уровень «актуальной политики и законодательного оформления».

Первая стадия: от «немыслимого» к «радикальному»

На *первой стадии* технологии Окна происходит размывание подданнической управленческой культуры путём перевода «немыслимого» (в первую очередь, для управленцев) в степень «радикального»²⁸⁶. Начинается преодолеваться психологический барьер у первой целевой группы – элиты и управленцев (с общественностью имеет смысл работать уже после них). На повестку дня через масс-медиа, научное сообщество ставится вопрос, каковы истоки электронной демократии, электронного правительства, откуда в современную информационную эру появляются системные сбои управления, коррупциогенность, что такое и зачем сетецентризм? Активная работа проводится в образовательных учреждениях, где и готовят управленцев. Именно там обсуждаются проблемы подданнической управленческой культуры, nepoтизма, патрон-клиентских отношений, факты политической коррупции со статусными, информационными, финансовыми, законодательными и другими источниками.

²⁸⁴ Szalek B.Zb. Some Praxiological Reflections on the So-Called ‘Overton Window of Political Possibilities’, ‘Framing’ and Related Problems //Reality of Politics. Estimates - Comments – Forecasts, 2013. №4.

²⁸⁵ Steimel G. The Truth about the Mackinac Center. MEA Research, 2011. April 11. P. 3-16.

²⁸⁶ Dreher R. Jumping Through The Overton Window //The American Conservative, 2014. February 19. [Электронный ресурс] URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/jumping-through-the-overton-window/> (дата обращения: 21.01.2015).

Одновременно объясняются преимущества этики сетцентричной электронной демократии, муссируется тема медиационного управления – обучающимся и переквалифицирующимся управленцам предлагается непосредственно участвовать в обсуждении самого концепта антикоррупционных мер. Важно осознать, что на первой стадии ломки коррупционных стереотипов первостепенную роль играет система образования – от школ до университетов.

Вторая стадия: от «радикального» до «приемлемого»

Вторая стадия расширения Окна от «радикального» до «приемлемого» означает конструирование этических эвфемизмов, а также поиск исторического прецедента для оправдания морально-нравственных и соответствующих концептуально-терминологических трансформаций²⁸⁷. Дискурс (а значит со временем и паттерны) неформальности, правового нигилизма, клиентелизма, сговора требуется сменить ясно сформулированным языком новой сетцентричной управленческой этики с терминами электронной демократии, облачной демократии, медиации, репутации, профессионализма, ответственности, законности, отчетности, партнерства и компромисса. Смена понятийного аппарата происходит повсеместно – от учебников для управленцев до повседневного дискурса в масс-медиа. В довершении предлагается исторический прецедент для такой реформы. Идет серьезный мониторинг техник негативизации образа государственного служащего отечественными и зарубежными масс-медиа для выявления ангажированности и предвзятости со стороны владельцев и акционеров СМИ.

Замена дискурса запускает перепрограммирование подданнического сознания на сетцентричное. Например, в Нидерландах действует система поощрений позитивных действий должностных лиц, нацеленная на то, чтобы управленцам было выгодно и в моральном, и в материальном плане вести себя профессионально и честно²⁸⁸. На данном этапе важное значение приобретают психологи (специалисты высшего класса – коучи и акмеологи) и PR-менеджеры.

Новая терминология этики сетцентричной демократии должна стать стержневым элементом не только постоянного публичного, политического и журналистского дискурса, но и органично встроиться в композицию нового Этического кодекса.

Сам Этический кодекс, основанный на информационных парадигмах, должен задавать и даже провоцировать соответствующий дискурс и темы для обсуждения. Такими топовыми темами для общества, политиков и государственных служащих должны стать прорывные демократические идеи, допускающие свободную критическую полемику. (Нельзя забывать, что существенным компонентом сетцентричной электронной демократии будет фактор оппозиции). На этом фоне интересны этические разработки мэтра американской политологии Роберта Аллана Даля. Его первая аксиома гласит: «Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой ожидаемые издержки такой терпимости снижаются». Отсюда он выводит вторую аксиому: «Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой возрастают ожидаемые издержки её подавления». Согласно третьей аксиоме Даля, «Чем больше издержки подавления оппозиции превышают издержки терпимого отношения к ней, тем выше вероятность, что политический режим станет конкурентным». Четвертая же аксиома

²⁸⁷ Russel N.J. An Introduction to the Overton Window of Political Possibilities //Students for a Free Economy Clarkson Colloquium «Marketing Freedom in the Age of the iPod» [Электронный ресурс] URL: <http://www.theihs.org/academic/PDFs/SFE%20Clarkson%20Colloquium%20Readings.pdf> (дата обращения: 12.01.2015).

²⁸⁸ Кузнецова О.А. Противодействие коррупции как цель правоохранительной политики: отечественный и зарубежный опыт //Вестник Томского государственного университета, 2014. Выпуск 1 (129).

заключается в следующем: «Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к существованию оппозиции, возрастает, если ресурсы, доступные ему для подавления оппозиции, сокращаются в сравнении с ресурсами оппозиции». Наконец, из пятой аксиомы следует: «Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к существованию оппозиции, возрастает по мере сокращения его способности использовать насилие или социально-экономические санкции для её подавления»²⁸⁹.

В качестве исторических прецедентов (для последующего оправдания глубинных изменений в сфере сетевцентричной этики) анализируются и приводятся в пример удачные кейсы из управленческо-этической политики в США, Австралии, Швейцарии, Франции, Германии, Нидерландов, Великобритании и др. странах²⁹⁰, где была практика постепенного внедрения политических сетей и этики сетевцентричной демократии. Подобными действиями создаются условия для перехода на третью стадию формирования этики сетевцентричной электронной демократии.

Таким образом, до разрушения прежней архаичной управленческой культуры подданнического варианта уже должны быть заложены паттерны новой сетевцентричной этики. С нигилизма и разрушения, без предварительной подготовки новой аксиологической модели чиновника, реформу начинать нельзя.

Третья стадия: от «приемлемого» к «рациональному»

Третья стадия Окна Овертона предполагает дрейф «приемлемого» в сторону «рационального». Происходит, прежде всего, дробление целостного подданнического управленческого сознания на альтернативные этические паттерны²⁹¹. Архаические патрон-клиентские табу и коррупционная аксиология, в итоге, фрагментируются на целый спектр ценностных предпочтений – если, к примеру, раньше патримониальное поведение нельзя было обсуждать и критиковать в управленческой среде, как нечто привычное и неизменное, то теперь на смену подобному паттерну приходит альтернатива – сетевцентричная этика с модусом переосмысления, преодоления узкокорпоративного страха (конструктивная критика, компромисс). В этих целях опять же привлекается экспертократия, становящаяся временным ментором – наставником для управленцев. Так, в США меритократический менеджмент (merit system) предоставляет начинающим управленцам и служащим полноценную защиту от произвола и фаворитизма, от преследования за раскрытие информации о должностных злоупотреблениях²⁹².

В основе американской модели merit system-менеджмента находится принцип отбора и продвижения кадров на основании способностей кандидатов по теории Д. Белла. Такая практика созвучна и с японскими моделями менеджмента по И. Каору и Х. Йосихара, что в очередной раз доказывает мощный потенциал меритократии в сочетании с мотивацией и развитием служащих.

Понятно, что еще на второй стадии Овертона происходят изменения, из-за которых стороннику патримониальных, авторитарных отношений или коррупционеру будет сложно создать из честных управленцев «образ врага», «стукача» и т.п. Поэтому все больше поощряется менторинг – система наставничества опытных менеджеров над новичками.

²⁸⁹ Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ВШЭ, 2010. С. 20; 59-60.

²⁹⁰ Kriesi H., Slike A., Jochum M. Comparative Analysys of Policy Networks in Western Europe //Journal of Eropcean Public Policy, 2006. Vol. 13; Milward H.B., Provan K.G. Measuring Network Structure //Public Administration, 1998. Vol. 76; Considine M., Lewis J. Networks and Interactivity: Making Sense of Front-line Governanse in the Unated Kingdom, the Netherlands and Australia //Journal of Eropcean Public Policy, 2003. Vol. 10.

²⁹¹ Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Учебник как механизм нового политического симулякра? //Преподавание истории в школе, 2015. №1.

²⁹² Управление талантами. Опыт бизнеса и государства. М.: Ward Howell, 2010.

Американская merit system не только существует в условиях регуляции лоббистской деятельности, но и способствует поиску оптимальной модели руководства государственной организацией или предприятием, нацеливает неформальные группы и управленцев на служение общественной, а не личной своекорыстной пользе. Этого сильно не хватает российскому политическому менеджменту.

В Соединенных Штатах сложилась полноценная система кадрового резерва для высших административных должностей – Senior Executive Service (Служба высших руководителей). Эффективность американских политических топ-менеджеров зависит от соответствия их конкретным метакомпетенциям. При управлении персоналом учитывается менеджмент конфликтами, извлечение выгоды из разнообразия кадров, развитие коллег, строительство команды. В плане лидерского стиля руководителя важны креативность и инновации, внимание к внешней среде, гибкость, настойчивость, стратегическое мышление и долгосрочное видение проблемы. Такая важная черта merit system-менеджмента как ориентированность на результат определяется ответственностью, ориентацией на клиента, решительностью, предприимчивостью, экспертно-аналитическим мышлением.

В основе системы отбора кандидатов на стратегические должности в госсекторе Сингапура лежит модель компетенций HAIR (Helicopter view, Analysis, Imagination, Reality), базирующаяся на принципах меритократии. К интеллектуальным особенностям государственного управленца согласно HAIR относятся следующие: «взгляд с высоты птичьего полёта»²⁹³, выдающиеся аналитические способности, воображение и креативность при создании новых подходов для решения проблемы, чувство реальности – способность интегрировать видение и воображение с реальностью и успешно исполнять поставленные задачи.

Как и американская, сингапурская модель политического менеджмента подразумевает ориентацию на достижение, что предполагает мотивацию достижения, социальную и политическую тактичность (чувствительность), решительность государственного управленца. Лидерский стиль руководителя должен учитывать способность мотивирования сотрудников, делегирование полномочий, коммуникативные и консультативные навыки.

Как и в США, Сингапур придаёт большое значение менторингу – в рамках государственной программы существуют ряд курсов, обучающих менеджеров управленческой роли ментора, способствующей лучше взаимодействовать с подчинёнными и развивать их.

Прочной основой третьей стадии формирования сетцентричной этики должна стать практика компромисса. Голландский политический философ Франклин Анкерсмит пишет, что подчиняется совсем иной логике, чем консенсус (культура которого навязывалась в систему управления со времени «перестройки»). В отличие от консенсуса компромисс сохраняет возможность сотрудничества государственных служащих, представителей общественности, политических партий, экспертного сообщества и бизнеса в рамках трипартизма, даже если участники сетевой коммуникации придерживаются различных взглядов и отказываются их менять в обозримом будущем. Привычка к компромиссу приводит к тому, что люди постепенно примиряются с тем, что другие могут иметь совершенно иное мнение по ключевым управленческим и политическим вопросам, если с ними можно найти компромисс²⁹⁴. Иными словами, сетцентричная этика ставит перед политиками и управленцами задачу договориться о лучшем компромиссе на основе существующих политических и других разногласий, а не устранять эти разногласия в ходе коммуникации и переговоров. Компромисс стимулирует политическую и управленческую

²⁹³ Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2013.

²⁹⁴ Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М.: ВШЭ, 2012. С. 124.

креативность, тогда как консенсус губит её – в этой мысли Анкерсмит серьезно расходится с философией консенсуса Ролза²⁹⁵.

Именно пропагандируемая культура компромисса создает сетцентричную этику, так как он внушает общественности и государственным служащим добродетели уважения к другим и их нравственной автономии, толерантности, доверия к партнерам, выполнения своих обязательств и умения успешно существовать в плюралистическом обществе. Компромисс в отличие от консенсуса заставляет нас глубже и экзистенциальнее интегрироваться в общество и сложную сеть межлических отношений (Консенсус лишь позволяет нам оставаться обособленными индивидами, тогда как компромисс производит социализацию и политизацию). Подобное подметил на примере управленческих кейсов Италии Роберт Патнем²⁹⁶. Еще одно знаковое отличие компромисса от консенсуса в том, что первый может превратиться в солидное основание для кооперации, даже если традиционный консенсус недостижим²⁹⁷. По мнению некоторых самих европейских политологов, парадоксальным образом не индивидуализм, а определенный коллективизм, ограниченное признание автономии коллективности в её отношении к индивиду, оказывается лучшим другом и союзником сферы индивидуальной свободы²⁹⁸. Планомерное муссирование в дискурсе темы компромисса подводит нас к следующей стадии.

Четвёртая стадия: от «рационального» к «популярному»

На *четвёртой стадии* разрушения подданнического управленческого сознания Окно ещё больше расширяется, сводя «рациональное» к «популярному»²⁹⁹. При этом ранее патриархальные патрон-клиентские табу становятся темой для обсуждения не только в среде управленцев, но и в Интернете, газетах, на различных ток-шоу, радио и телепередачах. Людей погружают в муссирование этой проблемы, вызывая своеобразное привыкание к тому, что патримониальные отношения и коррупция – это рискованное, неэффективное и невыгодное дело. Всеми масс-медиа показывается, что важнейшей стороной профессиональной деятельности любого человека, а не только управленца, должна стать весомая репутация. Тут можно обратиться к опыту Ирландии и Израиля, где человек, уличенный в коррупции, рассматривается как враг государства. В Канаде же коррупция приравнивается к акту государственной измены (причем уголовному преследованию подлежит как получивший, так и давший взятку), тогда как в ЮАР регулярно проводятся публичные заседания государственного комитета по контролю за расходованием государственных средств³⁰⁰.

Вместе с тем, нельзя забывать, что основным требованием к сетцентричному управлению и проведению соответствующих действий, является простота. Такой эффект достигается путем сочетания доктрины, набора правил и намерения директора или начальника. Вот почему при внедрении сетцентричной модели управления все лица, связанные с данной организационно-технологической структурой, должны следовать этим предписаниям – доктрина должна избегать сложных и неясных терминов, правила должны

²⁹⁵ Rawls J. Political Liberalism. New York, 1996. P. 134.

²⁹⁶ Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.

²⁹⁷ Carens J.H. Compromises in Politics //Compromise in Ethics, Law, and Politics. New York, 1979.

²⁹⁸ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: ВШЭ, 2014. С. 22.

²⁹⁹ Dreher R. Jumping Through The Overton Window //The American Conservative, 2014. February 19. [Электронный ресурс] URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/jumping-through-the-overton-window/> (дата обращения: 21.01.2015).

³⁰⁰ Кузнецова О.А. Противодействие коррупции как цель правоохранительной политики: отечественный и зарубежный опыт //Вестник Томского государственного университета, 2014. Выпуск 1 (129).

быть разработаны, что касается намерения, то данный эффект достигается при проведении тренингов и социальной сплоченности рабочего коллектива.

На проблему соотношения простоты управления и демократии указывает итальянский политолог Данило Дзоло. В своей книге «Демократия и сложность: реалистический подход» он пишет, что главная функция современной политической системы кроется в уменьшении страха посредством селективного регулирования социальных рисков и конкурентного распределения ценностей безопасности. Отсюда получается следующее – если политическая система означает социальную структуру, сокращающую страх, селективно уменьшая сложность среды, то эффективность политической власти должна определяться тем, насколько она способна уменьшить сложность.

Возникает парадокс – власть способна уменьшить страх посредством осуществления страха, и чем сильнее власть сконцентрирована в государственных институтах и чем сильнее распоряжения власти пользуются привилегиями асимметрии и гетерономией подданных для того, чтобы стать объектом повиновения подданных, тем эффективнее власть выполняет свою главную функцию сокращения небезопасности. Такая традиционная практика подданнической управленческой культуры (не только в России) приводит к институциональным рискам внедрения этики сетецентричной электронной демократии. Следовательно, отмечает Дзоло, для того, чтобы рекурсивные механизмы демократии могли эффективно функционировать, необходимы далеко идущие изменения властных институтов и существенное изменение самой логики политического кода. По его мнению, на место линейной простоты традиционных механизмов уменьшения страха необходимо поставить цепь взаимозависимостей, в пределах которой потребность в порядке и безопасности будет постоянно уравниваться противоположной потребностью в сохранении некоторой сложности, экономических и политических свобод. При этом на место вертикальных структур власти требуется поставить политические механизмы рефлексивного типа, способные к подчинению в пределах круга, имеющих обратную силу взаимодействий. Вместо политической воли суверена должна прийти воля граждан (одновременно ограничение власти и её демократическая легитимация), и наоборот, бюрократическая администрация должна гарантировать безопасность и порядок³⁰¹.

Сетецентричное управление должно, в итоге, сбалансировать две эти противоположности – простоту электронной демократии и сложность политических тем и процессов для россиян. Политические менеджеры на четвертой стадии Овертона дают обществу возможность открыто обсудить прежде запретные темы, уничтожить сам страх этого. Тем самым возникает подкупающий эффект эмоциональной разрядки – в ходе грамотно организованной политтехнологической мистерии публика получает ощущение катарсиса (от др.-греч. κάθαρσις – возвышение, очищение) – освобождения от прежних запретов. Патриархальное прежде табу становится темой для обсуждения в массовых коммуникациях. Намечаются базовые коды свободного политического дискурса³⁰². У погружающихся в муссирование этой проблемы масс вызывается своеобразное привыкание – срабатывает эффект постоянного сериала. (Схожие техники Станислав Лем относил к так называемой фантоматике)³⁰³.

С другой стороны, применив трёхмерный подход к власти Стивена Льюкса, подданническую управленческую культуру, а также её патримониальные и коррупционные деструкции можно значительно ослабить технологией умолчания

³⁰¹ Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ВШЭ, 2010. С. 110-115; 123.

³⁰² Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе //Полис, 2011. № 5.

³⁰³ Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2008.

(приемы недействия и нерешения)³⁰⁴. В этом случае, когда обсуждающиеся скандалы вокруг проблем государственной службы вызовут определенный резонанс в общественности, лишенные своих должностей чиновники должны не просто увольняться, а заноситься в специальный электронный реестр. Служащим, совершившим незначительные нарушения в области ущемления электронной демократии, организации коррупционных посреднических цепочек и т.п., можно дать определенный испытательный срок, после которого раскаявшихся в подобных проступках можно инкорпорировать в управленческую среду. Тех же управленцев, которые совершают регулярные и серьезные нарушения профессиональной этики, необходимо не просто вводить в эту электронную базу, но и применить к ним управленческий и политический ostracism, лишив возможности занимать административные должности и заниматься политикой в стране на любых уровнях – от государственного до муниципального.

Кроме мер ответственности постепенно в государственное управление (не без роли образовательных учреждений, университетов и научно-экспертных центров) начинают внедряться новые практики сетевого менеджмента и метауправления. То, что не приносит эффективности по результату – отбрасывается, государственные служащие проходят соответствующую переподготовку. Постепенно складывается этика новых технологий управления.

Политический менеджер может использовать методики управления политическими сетями так называемого «второго поколения». Во-первых, это «косвенное воздействие» - управленец не занимает в сети доминирующих позиций, что делает невозможным прямое воздействие на участников с целью заставить их подчиняться распоряжениям. Во-вторых, прием «тонкой настройки» предполагает добровольность взаимодействия в сети, поэтому возможность в любой момент участников сети покинуть ее пределы заставляют менеджера подстраивать имеющиеся в его распоряжении инструменты под различные типы участников, учитывать их специфику и временные альянсы. В-третьих, это такие методики как нормативные инструменты, влияние на численный состав сети, воздействие на баланс власти в сети, оказание давления на внутреннюю организацию сети, трансформация отношений между участниками и менеджерами сети, между самими участниками. Также практикуется создание новых участников сети, усиление автономии существующих игроков, создание новых связей между элементами сети, изменение восприятия проблемы, обеспечение ресурсами, «совместное управление», фасилитация, экспансионистское расширение границ сети и т.п.³⁰⁵

Огромную роль в популяризации этики сетевцентричной электронной демократии на данной стадии Окна Овертона может и должна сыграть популярная литература. К примеру, фантастика оказывает серьезное воздействие на формирование мировоззренческих позиций и морально-нравственных кодов такой целевой аудитории как современная молодежь. Приведем один пример.

Популярным писателем-фантастом, сотрудничавшим с RAND Corporation, был Айзек Азимов. Основная его заслуга в жанре научной фантастики – это создание так называемых Трёх Законов робототехники, которые подробно описаны в рассказе «Хоровод»:

Первый Закон: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред».

Второй Закон: «Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону».

³⁰⁴ Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: ВШЭ, 2010. С. 79.

³⁰⁵ Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении: монография. М.: ИД КДУ, 2013. С. 235-249.

Третий Закон: «Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму Законам».

Но самое интересное, что если в этих законах слово «робот» заменить словом «государство», то мы получим то самое далёкое общество будущего, о котором грезил представители многих политических течений. Сейчас такой подход выглядит несколько утопичным. Правда, раньше те же космические спутники также считались фантастикой (достаточно вспомнить форсайт Артура Кларка, который тоже сотрудничал с американским экспертным центром RAND Corporation)³⁰⁶.

К слову, Азимов предвидел социально-этическое обоснование Законов в другом рассказе «Улики». Согласно такому подходу, во-первых, человек обычно воздерживается от нанесения вреда другому человеку, за исключением случаев острого принуждения (например, на войне), или чтобы спасти большее число людей. Это порождает Первый Закон. Во-вторых, чувствуя ответственность перед обществом, человек выполняет указания авторитетных людей: начальников, политиков, врачей, учителей и т.д., что эквивалентно Второму Закону. В-третьих, каждый из нас заботится о своей безопасности – а это и есть Третий Закон.

В конце концов, Айзек Азимов в романе «Основание и Земля» ввёл так называемый Нулевой Закон и сделал его приоритетным над остальными: «Робот не может нанести вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был нанесён вред». Таким образом, фантаст задумался о глобальном уровне – вынося на первое место коллективные интересы человеческой цивилизации, оставляя на втором личные, эгоистические. Если же в этом случае опять слово «робот» заменить словом «государство», то мы получим типичную социальную и даже политическую инженерию, когда государство будущего не имеет права нанести вред человечеству. Одновременно это автоматически означает изменение Первого Закона: «Робот не может принести вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы ему был причинён вред, кроме тех случаев, противоречащих Нулевому Закону». Фантастическая литература является хорошим примером активного прогноза. (Все прогнозы можно условно разделить на пассивные и активные. Прогнозы пассивного характера оказывают наименьшее влияние на цепь последующих событий, ведущих к предполагаемой точке будущего. Наоборот, активные прогнозы, связанные с той же научной фантастикой, наиболее способны оказывать воздействие на грядущее)³⁰⁷.

То, что прогноз Айзека Азимова был активным (влияющим на будущее), свидетельствует тот факт, что компьютерный специалист Джеф Раскин позже на основе Законов Робототехники сформулировал законы так называемых «человекоориентированных интерфейсов».

Первый закон проектирования интерфейсов должен звучать примерно так: «Компьютер не может причинить вред данным пользователя или своим бездействием допустить, чтобы данным был причинен вред».

Второй закон гласит: «Компьютер не должен тратить впустую ваше время или вынуждать вас выполнять действия сверх необходимых»³⁰⁸.

Популярная литература различного характера до сих пор актуальна у разных целевых аудиторий россиян. Поэтому не воспользоваться таким каналом воздействия на «перезагрузку» массового сознания – совсем нелогично. Такой механизм способен

³⁰⁶ Fedorchenko S.N. Science Fiction as Particular Method for Predicting the Future of Human Civilization //Problems of Contemporary World Futurology. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011.

³⁰⁷ Федорченко С.Н. Научная фантастика как особый метод прогнозирования будущего человеческой цивилизации //Футурологический конгресс: будущее России и мира. Материалы Всероссийской научной конференции в ИНИОН РАН. М.: Научный эксперт, 2010.

³⁰⁸ Fedorchenko S.N. Science Fiction as Particular Method for Predicting the Future of Human Civilization //Problems of Contemporary World Futurology. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011.

эффективно и оперативно провоцировать дискурс о темах сетевцентричной электронной демократии. С другой стороны, важно не допустить агрессивного и деструктивного воздействия иностранных интересантов на сознание россиян через такой мощный канал коммуникации.

Пятая стадия: от «популярного» к «легитимному»

Пятая стадия Овертона приводит к логичному разрушению прежнего коррупционного сознания с помощью перехода «популярного» на уровень «актуальной политики и законодательного оформления»³⁰⁹. Начинается активная подготовка конкретных законопроектов, к обсуждению которых уже на первых стадиях были подключены сами управленцы, эксперты, партии, бизнес и представители общественности. (Вспоминаем консультативные площадки, основанные на отраслевом принципе государственных политик и трипартизме). Этот процесс подкрепляется тематическими социологическими опросами, проверяющими, насколько меняется отношение граждан к теме подданнической управленческой культуре, ее архаичной практике.

В итоговом законе «О сетевцентричной электронной демократии в Российской Федерации» нужно прописать, в том числе, конкретную и ясную терминологию сетевцентризма и его этических императивов. Здесь важно учесть накопленный теоретический опыт. Так, по мнению отдельных исследователей, электронная демократия отвечает таким критериям как подотчетность (accountability), открытость (openness) и восприимчивость (responsiveness). При этом проецирование политическими акторами части своей коммуникационной деятельности в Интернет способствует формированию принципиально нового типа – интерактивной политической коммуникации, которая лежит в основе электронной демократии³¹⁰.

Терминология нормативно-законодательных документов должна быть простая и недвусмысленная, как в случае и с введением специального Этического кодекса государственных служащих (вместо Типового, не отражающего информационные реалии настоящего и сетевцентричные потенциалы будущего России).

Конечно, все нормы морально-нравственные принципы, связанные с информационным обществом, прописывать в законопроекте «О сетевцентричной электронной демократии в Российской Федерации» вовсе не обязательно. Для этих целей и предлагается новый Этический кодекс для государственных служащих. Тем не менее, включить в проект закона самые базовые этические постулаты, за нарушение которых будет предполагаться нарушение, необходимо обязательно.

Многие современные авторы пишут об уровнях электронной сетевой демократии. Интересно, что данные уровни можно вполне соотнести с направлениями (и одновременно этапами) формирования этики сетевцентричной электронной демократии. поэтому данные прорывные направления развития сетевой демократии логично обозначить и в законопроекте, не забыв прописать систему ответственности за неисполнение данных принципов. Например, довольно широкую и мировую известность получили такие принципы электронной демократии как информирование (information), консультирование (consultation) и участие (participation)³¹¹.

³⁰⁹ Szalek B.Zb. Some Praxiological Reflections on the So-Called ‘Overton Window of Political Possibilities’, ‘Framing’ and Related Problems //Reality of Politics. Estimates - Comments – Forecasts, 2013. №4.

³¹⁰ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. // Монография. – М.: Прометей.- 2004. – С. 214.

³¹¹ OECD. Promise and Problems of E-Democracy //Challenges of Online Citizen Engagement. Paris: OECD, 2003.

Итак, первый принцип сетецентричной этики, который следует указать в законопроекте «О сетецентричной электронной демократии в Российской Федерации» это качественное информирование общественности. Снабжение граждан достоверной официальной информацией фундаментальный параметр, без которого невозможно эффективное вовлечение граждан в политический процесс. Здесь можно говорить о такой категории как прозрачность работы органов государственной службы (transparency). Без неё нереальна никакая подотчетность власти. Любопытное исследование «прозрачности» и открытости электронной власти есть в работе Демчака, Фрайса и Ла Порты³¹². На деле прозрачность характеризует качество и объем предоставляемой на интернет-ресурсах деятельности государственного органа. Показатель интерактивности означает удобство доступа к этой информации. Кстати, интерактивность должна органично дополнять прозрачность.

Сейчас назрело постепенное внедрение сетецентричных принципов в государственное управление. Это – интеграция процессов электронного документационного обеспечения управления в рамках целостной системы, повышение информированности руководства и специалистов за счет увеличения объемов информационного хранения, повышения оперативности делопроизводства, создание качественно новой базы для совершенствования документационного обеспечения управления³¹³.

Второй принцип, необходимый для законопроекта – консультирование³¹⁴. Данный принцип вводит обратную связь между государственными служащими и общественность в нормативную плоскость. В законе важно обозначить и сами консультативные отраслевые площадки, работающие на принципах трипартизма с рекомендациями от представителей общественности, политических партий, государственных служащих, экспертов и бизнеса. Консультации на стадиях формирования повестки дня, выявление и сопоставления альтернатив, предшествующих принятию управленческих решений должны не просто быть закреплены в практику, а обозначены в нормативных документах. За оказание препятствий подобной деятельности должно определяться соответствующее наказание – в зависимости от степени нанесения вреда (увольнение с должности, штраф и т.п.).

Третий центровой принцип законопроекта «О сетецентричной электронной демократии в Российской Федерации» – участие. Это наиболее полная форма реализации электронной демократии. Необходимым условием здесь выступает формирование привычки свободного политического дискурса. Данный принцип больше всего нуждается в законодательной защите – именно с помощью него будет работать важнейшее правило Джеффри Стаута, согласно которому демократическая постановка вопросов становится традицией, когда ей удается продержаться в жизни нескольких поколений³¹⁵.

О необходимости создания специального законодательства в сегменте сетецентричной демократии свидетельствуют данные экспертного опроса «Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов», проведенного в 2014 году (рис. 29). На вопрос «Возможен ли, по Вашему мнению, в условиях современного российского законодательства общественный либо государственный контроль за деятельностью политических менеджеров (консультантов)?» эксперты дали следующие

³¹² Demchak C., Friis C., La Porte T. Reflections on Configuring Public Agencies in Cyberspace: a Conceptual Investigation //Public Administration in the Information Age ed. by I. Th. M. Snellen and W.B.H.J. van de Donk, IOS Press. - 1998. – pp. 230-232.

³¹³ Кудж С.А. Принципы сетецентрического управления в информационной экономике //Государственный Советник, 2013. №4.

³¹⁴ OECD. Promise and Problems of E-Democracy //Challenges of Online Citizen Engagement. Paris: OECD, 2003.

³¹⁵ Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2009. С. 214-216.

ответы: определённо возможен – 20%, это нереально – 23%, частичный – 43%, только государственный – 10%, только общественный – 3%.

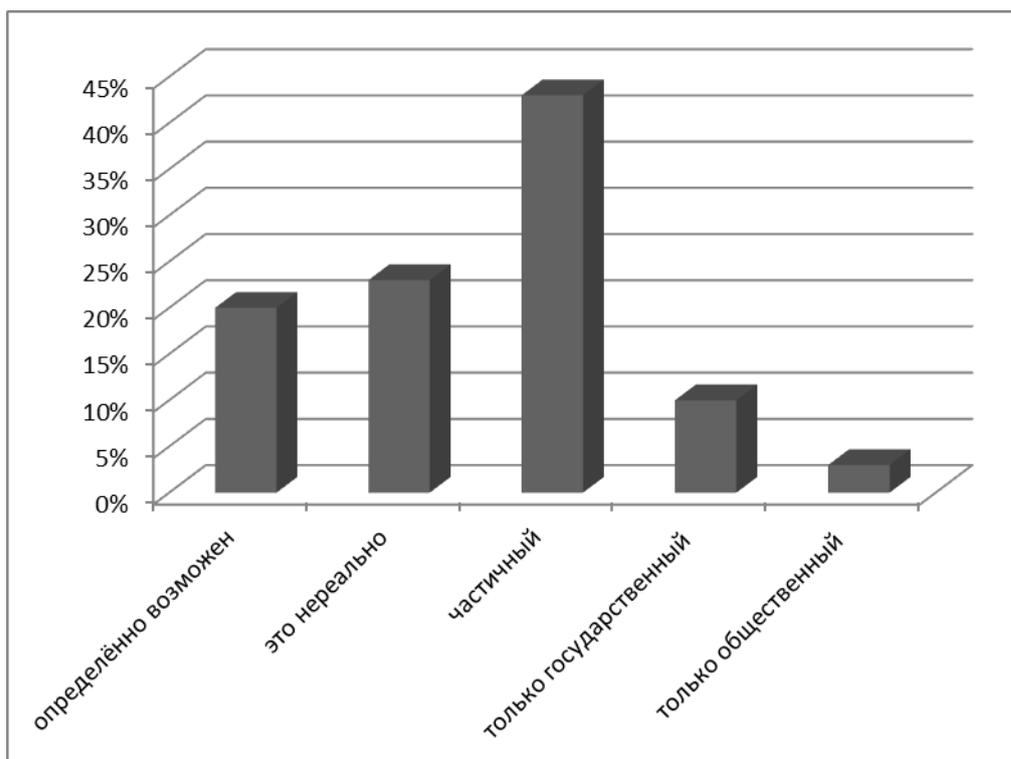

Рис. 29. Возможен ли, по Вашему мнению, в условиях современного российского законодательства общественный либо государственный контроль за деятельностью политических менеджеров (консультантов)?³¹⁶

Как видно из графика, деятельность важнейшей фигуры организации сетецентричной электронной демократии – политического менеджера – мало контролируется законом.

Социум и сетецентричная этика

О том, как готовы российские государственные служащие к внедрению этики сетевой электронной демократии, было показано выше. Но остается и другой важный вопрос – насколько предрасположена современная отечественная общественность к появлению сетевой демократии? И насколько серьезными должны быть PR-меры для создания подлинного доверия к сетецентричной этике управления? Давайте обратимся к данным социологических опросов.

Действительно, в России имеется пока небольшая категория людей, которые связывают с Интернетом свои политические права. Доказательством служит опрос, проведенный Левада-Центром в 2012 г. (см. рис. 30).

³¹⁶ Федорченко С.Н. Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов //Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №4.

Совершенно согласен	11
Скорее, согласен	23
Скорее, не согласен	34
Совершенно не согласен	17
Затруднились ответить	14

Рис. 30. Вы согласны или не согласны с мнением, что регулирование Интернета/составление списка запрещённых интернет-сайтов ограничивает свободу слова в России?³¹⁷

Вместе с тем, несмотря на то, что свои политические права с Интернетом связывает небольшое количество россиян, реформы в области интернет-цензуры респонденты отчётливо определяют как стремление властей погасить волну протестных акций, сохранить стабильность в стране и ужесточить контроль над деятельностью оппозиции (рис. 31). А это означает, что российским гражданам электронная версия политического процесса уже полностью не безразлична.

Сохранить порядок и стабильность в стране	30
Погасить волну протестных акций	32
Ужесточить контроль над обществом, над деятельностью оппозиции	25
У этих законов нет никакой единой «сверхзадачи»	5
Затруднились ответить	8

Рис. 31. К чему стремится власть, принимая законы о регулировании Интернета?³¹⁸

Вместе с тем, несмотря на определенное явление цифрового неравенства и неравного доступа россиян к Интернету³¹⁹, граждане всё более активно пользуются кибертехнологиями для коммуникациями между собой (рис. 32).

³¹⁷ Общественное мнение – 2012. М.: Левада-Центр, 2012.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России //Полис, 2011. №5.

	Никогда не пользуюсь	Ежедневно, несколько раз в неделю	Примерно 1 раз в неделю	2-3 раза в месяц	Примерно 1 раз в месяц	Реже 1 раза в месяц
2001	95	2	1	1	0	1
2002	93	3	1	1	1	1
2003	93	2	1	1	1	2
2004	91	3	2	1	1	1
2005	87	6	3	2	1	2
2006	85	7	3	2	1	2
2007	81	7	6	2	1	2
2008	75	12	6	4	1	2
2009	72	18	6	2	1	1
2010	64	28	3	1	2	2
2011	53	31	11	3	1	1
2012	45	48	4	2	1	0,5

Рис. 32. Пользуетесь ли Вы лично дома, на работе, в любых других местах сетью Интернет (кроме электронной почты)?³²⁰

Осознавая эту картину, необходимо иметь в виду, что нынешний тренд информатизации при сохранении подданнической управленческой культуры пока не способен серьезно видоизменить политическую коммуникацию в стране³²¹. Но сформировать условия для очередной эволюции демократии путём появления у граждан современных устойчивых навыков коммуникации эта ситуация вполне способна. Нельзя забывать, что на этот демократический транзит также будут влиять не только внутренние, но и внешние политические акторы. Такие процессы часто сочетаются в ходе трансформации институтов гражданского общества³²².

К сожалению, часто государственные служащие и работающие на них политические менеджеры расценивают информационное поле как дополнительный рычаг власти и воздействия на общественное мнение с целью защиты своего положения и статуса. В этой связи для России важен европейские кейсы сетевого управления (мониторинг освещения политического дайджеста в СМИ, брифинг и консультирование политических деятелей,

³²⁰ Общественное мнение – 2012. М.: Левада-Центр, 2012.

³²¹ Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2013.

³²² Алексеев Р.А. Гражданское общество. Проблемы становления и развития в России (правовой аспект): монография. М.: ИИУ МГОУ, 2013.

управление медиаотношениями, информационное обеспечение населения, распределение информационных потоков внутри правительства, разработка коммуникационной стратегии, изучение и оценка общественного мнения и т.п.)³²³.

Другим риском для внедрения этики сетецентричной электронной демократии и управления выступает недостаточная просвещенность общественности в этой сфере. К примеру, часто люди не доверяют подобным технологиям. Характерен пример такого направления развития сетецентричного управления как «облачная демократия» и «облачный менеджмент». Основным принципом облачного менеджмента выступают так называемые «облачные вычисления» (англ. cloud computing), которые предоставляют пользователям специфический интернет-сервис, где хранение данных и вычисления происходят на удалённых серверах провайдера (поставщика интернет-услуг). Активный доступ к серверам пользователь получает через облако (англ. cloud) – набор аппаратного и программного обеспечения предоставления услуг потребителям. По экспертной оценке, если в 2011 году только 7% данных хранилось на облачных сервисах, то к 2016 году эта цифра должна возрасти до 36%. Стремление пользователей делиться своими данными и обладать простым доступом к ним с разных гаджетов и цифровых устройств может привести к тому, что к 2016 году треть всех данных будет находиться в облаках³²⁴.

Так, в США основной причиной недостаточного внедрения облаков в политическое управление остаётся гражданское недоверие. Результаты исследования, проведенного Information Systems Auditand Control Association в США в 2010 году, показали, что более 45% респондентов были уверены, что риски использования облачных сервисов перевешивают их потенциал. Одновременно 38% опрошиваемых считали, что преимущества и риски уравновешены. И только 17% думали, что выгоды больше, чем рисков³²⁵. Правда в России, наоборот, по данным Лаборатории Касперского, доверие к облачным технологиям растёт³²⁶ и это обнадеживает. Также эксперты признают, что расположение информации в облаках скрывает в себе различные риски: человеческий фактор; утечку персональных данных граждан; разглашение служебной информации ограниченного доступа; цифровые атаки на программные модули; блокирование доступа к общественно значимой информации на пиках пользования; остановку процесса межведомственного документооборота и др.³²⁷

Зарубежные интересанты также могут воспользоваться пробелами в законодательстве по защите информации и данных. Получается, что знаковым фактором в распространении этики сетецентричной демократии в государственной службе и общественности остаются электронное и компьютерное просвещение, а также корректировка законодательства в области защиты информации.

Подводя итоги, важно отметить, что в современной России назрели серьезные реформы в сфере «перезагрузки» управленческой культуры государственных служащих. Стержневым элементом нынешней подданнической управленческой культуры российских чиновников является паттерн пренебрежения к любым демократическим ценностям.

³²³ Edes V.W. The role of Government information officers J of Government Information. - L., 2000. - Vol. 23, №4.

³²⁴ Суханов В.И. Облачный сервис хранения данных //Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. №86.

³²⁵ Завгородний В.И. Использование облачных технологий в системе профессиональной подготовки специалистов //Человеческий капитал. 2013. №1(49).

³²⁶ Результаты исследования «Информационная безопасность бизнеса», 2012.

³²⁷ Овчинников С.А., Коробов А.А. Облачные технологии как фактор политического риска электронного государственного управления //Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2012. №4(43).

Современная контрактная система в отечественном государственном управлении скорее является оформлением отношений личной преданности начальству, чем безличных отношений руководителей и подчиненных при исполнении государственных функций. Этой системы без принципов сетцентричной этики – уже недостаточно для эффективного управления. Патримониализм отечественной системы государственного управления препятствует формированию в нашей стране правового политического режима, при котором граждане и органы власти в своих взаимодействиях и при решениях социальных проблем подчиняются универсальным нормам права и закона, а органы государственной власти обеспечивают защиту прав, свобод и собственности граждан. Причина – формальные и неформальные отношения между гражданами и чиновниками до сих пор практически не разделены и могут переходить друг в друга.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что российский государственный служащий в личной жизни может быть высокоморальным человеком, но в своей профессиональной деятельности он может соблюдать нормы морали и нравственности лишь в том случае, когда они не противоречат основной цели – реализации привилегий их должностей в системе патримониального государственного управления. Поскольку такие привилегии принадлежат довольно небольшим группам чиновников, в профессиональной деятельности их мораль и нравственность почти всегда редуцируется до обоснования ценностей и выгоды сохранения этих привилегий. По этой причине большинство граждан, не инкорпорированных в систему государственной службы, подобная приспособленческая (подданническая) мораль чиновников расценивается как безнравственное и аморальное поведение.

Требуется глубинное изменение профессиональной этики отечественных государственных служащих. Для этого требуется создать независимые, но подотчетные общественности и правительству консультативные экспертные площадки на основе трипартизма. Далее важно определить четкую и поэтапную стратегию внедрения этики сетцентричной демократии в государственных органах власти и общественности, разработать адекватный Этический кодекс, отвечающего духу современного информационного общества с его потенциалами и рисками электронного правительства и электронной демократии (за место Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих).

Параллельно необходимо создать систему органов по мониторингу и контролю за состоянием этики в государственных органах власти. Система мониторинговых и контрольных органов по этике в государственной службе не должна быть излишне централизованной, вот почему следует придать ей вневедомственный характер, - представители данной системы должны получить приоритетное право на доклады Президенту и Председателю Правительства РФ, выступления в Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания РФ;

При этом назрело прописать конкретный порядок наказаний за нарушение профессиональной этики (предупреждение, понижение заработной платы, временное отстранение от службы, окончательное увольнение за грубые и повторные нарушения профессиональной этики), что нужно сделать исходя из соотнесения принципов информационной публичности и конфиденциальности. Однако следует определить и ясные условия карьерной мотивации для государственных служащих, соблюдающих принципы этики сетцентричной демократии.

Компьютерно-технологическая база и ее нормативно-законодательные воплощения должны постоянно совершенствоваться и не содержать пробелы, допускающие формализацию коммуникации между государственными органами и гражданским обществом либо манипулятивное совмещение функций электронного правительства и электронной демократии.

Прочной матрицей по внедрению этики сетецентричной демократии в государственной службе должна стать образовательная и воспитательная политика государства по отношению к чиновникам. Также обязательным элементом формирования этики сетецентричной демократии в государственной службе нужно сделать информационное, правовое и политическое просвещение общественности в области потенциальных возможностей сетевого демократического процесса (граждане должны не только осознавать допустимые рамки деятельности чиновников, но и осознавать собственные права и обязанности в новой модели);

Российские политические партии должны вновь обрести свою демократическую миссию в посредничестве между государством и социумом, их роль может реально увеличиться за счет предоставления им мониторинговых функций по отношению ко всей системе сетецентричной электронной демократии (институт наблюдателей за электронными выборами и референдумами, мониторинг за деятельностью контрольных органов по этике государственных служащих). Тогда как базовой опорой общества и государства в формировании, адаптации к нуждам населения и последующей модернизации сетецентричной электронной демократии должно стать экспертное сообщество, которое будет с помощью соответствующих научно-исследовательских центров анализировать мировой опыт по внедрению подобных моделей управления. С этой целью потребуется соответствующая PR-технологическая поддержка в продвижении ценностей этики сетецентричной демократии.

Литература

1. Абрамов А.В. 12 лекций по политологии: Учебное пособие для бакалавров. М.: ИИУ МГОУ, 2013.
2. Алексеев Р.А. Гражданское общество. Проблемы становления и развития в России (правовой аспект): монография. М.: ИИУ МГОУ, 2013.
3. Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
4. Аристотель. Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.
5. Арзуманян Р. Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. - М.: Регнум, 2012.
6. Архипова Н.И. Этика государственных служащих //Вестник РГГУ, 2011. № 4(66).
7. Асоян Ю., Малафеев А. Историография концепта «cultura» (Античность – Ренессанс - Новое время) //Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX - начала XX веков. М. 2000.
8. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. - 2-е изд. - М.: РАГС, 2008.
9. Афанасьев М.Н. Клиентелла в России вчера и сегодня //Полис, 1994, №1.
10. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод с шведского языка. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
11. Байков А.А. Сравнительная интеграция. - М.: Аспект пресс, 2012.
12. Бессонова О.Э. Рыночная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
13. Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М.: Международные отношения, 1994.
14. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. - М.: Библион, Русская книга, 2003.
15. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. - Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
16. Бианки В.А., Серавин А.И. Практика и психология регионального партстроительства. – СПб.: Копи-Парк, 2006.
17. Бойков В.Э. и др. Профессиональная этика государственных служащих: состояние и степень соответствия задачам реформирования государственной службы. РАГС; Государственная служба: взгляд изнутри и извне (Социологический анализ). Социологический Центр РАГС при Президенте РФ, 2003.
18. Бойн Дж. Источники совершенствования государственной службы: Критический обзор научной литературы и программа исследований //Вопросы государственного и муниципального управления, 2012. № 3.
19. Брамбо Р. Философы древней Греции. /Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2002.
20. Брежнев Л.И. 1964-1982. Вестник Архива Президента. Спец. изд. М., 2006.
21. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? //Полис, 2013. № 1.
22. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России //Полис, 2011. №5.
23. Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: СПГУТД, 2013. С. 120.
24. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.

25. Галинская И.Л. Этика и психология компьютерной жизни //Культурология, 2001. №2.
26. Гимпельсон В. Численность и состав российской бюрократии //Вопросы экономики, 2002. №11.
27. Главные профессии по мнению жителей России [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/04-07-2013/glavnyie-professii-po-mneniyu-zhitelei-rossii> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).
28. Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
29. Государственная служба за рубежом. Реферативный бюллетень, 2001. №2(38).
30. «Госпрограмма по импортозамещению будет разработана к началу осени» // Минпромторг России, 28.05.2014. <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/all/#!8561>
31. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. // Монография. – М.: Прометей.- 2004.
32. Грэм Т. Россия: упадок и неопределенные перспективы возрождения. /Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
33. Гусейнов А.А. Этика //Новая философская энциклопедия /Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.
34. Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ВШЭ, 2010.
35. Данилин А.Б. Нэповская Россия: «Социалистическая рационализация» рынка труда //Новый исторический вестник, 2001. №3.
36. Деррида Ж. Глобализация, мир и космополитизм. Космополис № 2 (8), М., 2004.
37. Дугин А.Г. Геополитика. - М.: Академический проект, 2011.
38. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. - Спб.: Амфора, 2008.
39. Дзолу Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ВШЭ, 2010.
40. Завгородний В.И. Использование облачных технологий в системе профессиональной подготовки специалистов //Человеческий капитал. 2013. №1(49).
41. Иванов В.Г. История этики Древнего мира. Л.: ЛГУ, 1980; Костровцев М.А. Религия древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2001.
42. Капто А. Компьютерная этика //Безопасность Евразии, 2004. №2.
43. Касаева Т.В. Роль государственных служащих в механизме Российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
44. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. (под ред. В.Л. Иноземцева). - М., 1999. С. 494.
45. Кастельс М. Галактика Интернет. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
46. Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток-Запад. М.: Алгоритм, 2001.
47. Коженко Я.В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий //Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.
48. Комлева В.В. Престиж государственной службы в социокультурном контексте: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. М., 2004.
49. Комлева В.В. Профессиональная этика государственных служащих в условиях реформирования государственной службы //Российская бюрократия: состояние и тенденции развития. Социология власти: Вестн. социол. центра РАГС, 2004. №1.

50. Корчагина Е.А., Ильина Л.Н. Профессиональная этика государственных гражданских служащих //Проблемы и перспективы образования в России, 2010. №4-2.
51. Корсаков Г.Б. Информационное оружие супердержавы // Пути к миру и безопасности. Выпуск 1 (42). Москва: ИМЭМО РАН, 2012.
52. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. М.: Центрполиграф, 2012.
53. Крикунов А. Сетевые технологии информационной войны в деятельности ЧВК и НПО 24.11.2011 <http://catu.su/component/content/article/43-2011-11-18-08-27-06/166-2011-11-24-19-57-23.html>
54. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
55. Кудж С.А. Принципы сетецентрического управления в информационной экономике //Государственный Советник, 2013. №4.
56. Кузнецова О.А. Противодействие коррупции как цель правоохранительной политики: отечественный и зарубежный опыт //Вестник Томского государственного университета, 2014. Выпуск 1 (129).
57. Лазарев Е.А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций //Полис, 2010. №2.
58. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2008.
59. Лих М.А. Роль традиционных ценностей в формировании этики государственных служащих в Японии //Вестник Международного института экономики и права, 2013. №3(12).
60. Логинов Е. Развитие «интеллектуальных сетей» в электроэнергетике отраслей, регионов, городов России //Управление мегаполисом, 2011. №5.
61. Лукьянова В.В., Кудрин А.Р. Особенности этики государственного служащего //Основы экономики, управления и права, 2013. №3(15).
62. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: ВШЭ, 2010.
63. Мазаева Ю.А., Агавелян О.К. Содержание понятия «компьютерная грамотность» в научной литературе //мир науки, культуры и образования, 2012. №4(35).
64. Манжуева О.М. К вопросу о природе компьютерной этики //Вестник ВСГУТУ, 2014. №3(48).
65. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление //Геополитика, 18.02.2010. <http://geopolitica.ru/Articles/890/>
66. Масловский М.В. Веберовская концепция патримониализма и её современные интерпретации //Социологический Журнал, 1995. №5.
67. Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении: монография. М.: ИД КДУ, 2013.
68. Мониторинг кадров госслужбы (первый этап) //Социология власти, 1997. № 4–5.
69. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление. Вопросы философии. 2008. № 7 <http://www.nazarchuk.com/articles/article16.html>
70. Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе //Полис, 2011. № 5.
71. Нисневич Ю.А. Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы //Технологизация политических процессов в условиях глобализации: теория, опыт, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, Москва 19 октября 2012. /Под общ. ред.: В.И. Камышев, О.Е. Гришин. М.: Федерация мира и согласия, 2012.
72. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002.

73. Оболонский А.В. Реформирование государственной службы: этико-нравственный аспект //Право и управление: XXI век: интернет-журнал, 2008. № 1 (2).
74. Общественное мнение – 2012. М.: Левада-Центр, 2012.
75. Овчинников С.А., Коробов А.А. Облачные технологии как фактор политического риска электронного государственного управления //Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2012. №4(43).
76. Орлова Г.А. Бюрократическая реальность //Общественные науки и современность, 1999. №6.
77. Охотский Е.В. Управленческая культура государственного служащего современной формации //Право и управление. XXI век, 2009. №4(13).
78. О федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003 – 2005 годы)» от 19 ноября 2002 г. №1336 //Российская газета, 2002. 23 ноября.
79. О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)» от 10 марта 2009 г. №261 //Российская газета, 2009. 13 марта.
80. Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.
81. Петровский И.В. Этический кодекс российского чиновника: к постановке проблемы //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2012. №152.
82. Петухов В.В. Бюрократия и власть //Социс, 2006. № 3.
83. Платыгин Д.Н. Социальная эффективность профессиональной деятельности государственных служащих: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2005.
84. Пчелинцев С.В., Пчелинцев С.С. Некоторые вопросы этического регулирования в государственном управлении: Нидерландский опыт обеспечения «добропорядочности» //Вопросы государственного и муниципального управления, 2009. № 1.
85. Пшизова С.Н. Можно ли управлять демократией? Часть I //Полис, 2013. №6.
86. Римский В.Л. Нравственность не может быть действенным регулятором поведения патримониальной бюрократии //Нравственное государство как императив государственной эволюции. М.: Научный эксперт, 2011.
87. Рогозин Д. О либерализации власти, или Послевкусие от невключенного наблюдения за жизнью чиновников //Социология власти, 2012. №8.
88. Родингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010.
89. Россияне о правдивости окружающих и чиновников, доверии к официальной статистике [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/23-09-2013/rossiyane-o-pravdivosti-okruzhayushchikh-i-chinovnikov-doverii-k-ofitsialnoi-statistike> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).
90. Савин Л.В. Евразийский Союз и теория сложных систем // Евразия, 19 июня 2013 <http://evrazia.org/article/2310>
91. Савин Л.В. Сетевая война. Введение в концепцию. - М: Евразийское движение, 2011.
92. Савин Л.В. Коучинг война. Взгляд на конфликты с точки зрения менеджмента // Информационные войны, № 4, 2013.

93. Савин Л. Теория хаоса и стратегическое мышление // Фонд стратегической культуры, 23.03.2011 <http://www.fondsk.ru/news/2011/03/23/teorija-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie-2513.html>
94. Саломонович Е. Установка работы в учреждениях (Опыт работы Орга-станций ЦИТа в учреждениях) // Организация труда, 1924. №8-9.
95. Своеволин В.Ю. Сетевые принципы управления социально-экономическими процессами // Terra economicus, 2013. Т. 11. №4. Часть 2.
96. Сергеев С.Г. «Большое/Открытое правительство в системе государственного управления современной России: трансформация внеконституционного концепта // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2013. №5.
97. Симагина О.В. Подходы к формированию показателей качества публичных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2.
98. Стариков Ю.Н. Что происходит с инструментом российской государственной службы? // Журнал Российского права. 2004. № 9.
99. Согласны ли Вы с утверждением, что многие государственные чиновники сегодня практически не подчиняются законам? [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/administrativnyi-proizvol/administrativnyi-proizvol-osnovnoi-razde> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).
100. Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2009.
101. Стерженева М.С. Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Международные процессы, 2006, №1. <http://www.intertrends.ru/nineth/005.htm>
102. Супоницкая И. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
103. Суханов В.И. Облачный сервис хранения данных // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. №86.
104. Тенов Т.З., Атласкиров А.Р. Структура и особенности формирования элит Кабардино-Балкарской Республики // От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития: сборник научных трудов. Берлин-Нальчик, 2014. Вып. 2.
105. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Гарант] URL: <http://base.garant.ru/55171108/> (дата обращения: 24.02.2015).
106. Трахтенгерц Э.А. Использование двух сетевых принципов модификации экономических целей и стратегий в кризисной ситуации // Управление в социально-экономических системах, 2013.
107. Управление талантами. Опыт бизнеса и государства. М.: Ward Howell, 2010.
108. Федорченко Л.В. Консьюмеризация института политических консультантов в современной России: диссертация ... кандидата политических наук. М., 2014.
109. Федорченко С.Н. Трансформация государственной кадровой политики в политической системе современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008.
110. Федорченко С.Н. Подданническая политическая культура как матрица советской и современной российской бюрократии // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение. Материалы Всероссийской научной конференции в Президиуме РАН. М.: Научный эксперт, 2010.

111. Федорченко С.Н. Проблема квотирования в российской государственной кадровой политике //Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание. Материалы Всероссийской научной конференции в Президиуме РАН. М.: Научный эксперт, 2010.
112. Федорченко С.Н. Научная фантастика как особый метод прогнозирования будущего человеческой цивилизации //Футурологический конгресс: будущее России и мира. Материалы Всероссийской научной конференции в ИНИОН РАН. М.: Научный эксперт, 2010.
113. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2013.
114. Федорченко С.Н. Сетевой подход в политическом менеджменте //Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №2.
115. Федорченко С.Н. Отечественный политический менеджмент в оценках экспертов //Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки", 2014. №4.
116. Федорченко С.Н. Менеджеральный подход в образовании: экспертократия вместо социального государства? //Социальная политика и социальное партнёрство, 2014. №5.
117. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Учебник как механизм нового политического симулякра? //Преподавание истории в школе, 2015. №1.
118. Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом.// Азия и Африка сегодня, № 12, 2011.
119. Халиков М.И. Управление и менеджмент. Теоретико-методологический анализ: монография. М.: «ФЛИНТА», «Наука», 2013.
120. Хардт М., Негри А. Империя. - М.: Праксис, 2004.
121. Что Вы, как правило, делаете, если сталкиваетесь в каких-либо учреждениях с хамством, равнодушием [Левада-Центр] URL: <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/administrativnyi-proizvol/administrativnyi-proizvol-osnovnoi-raz-6> (дата обращения к ресурсу: 20.02.2015).
122. Шадрин Е.В., Виноградов Д.В. Государственно-частное партнерство как форма организации бизнеса //Вопросы государственного и муниципального управления, 2012. №4.
123. Шободоева А.В. Проблема формирования нравственных основ государственной гражданской службы Российской Федерации //Известия Иркутской государственной экономической академии, 2013. №6.
124. Шувалова Н. Управление нравственными отношениями в системе государственной службы: ориентация на успех //Право и управление. XXI век, 2013. № 2.
125. Элиас Н. О процессе цивилизации. - М.: Университетская книга, 2001.
126. Юдицкий С.А., Владиславлев П.Н., Точ Д.С. Триадный подход к моделированию систем сетевидного управления //Управление большими системами: сборник трудов, 2010. Выпуск 28.
127. Юрьева О.В. Профессиональная компетенция в сфере государственного и муниципального управления: социологический анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Казань, 2009.
128. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012.

129. Albert Bandura, *Self-efficacy: the exercise of control*. New York: W.H. Freeman, 1997.
130. Alberts, Garstka, and Stein. *Network Centric Warfare: developing and leveraging information superiority*. C4ISR Cooperative Research Program. Washington D.C., 1998.
131. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1963.
132. Allee V. *The Future of Knowledge: Increasing Prosperity through Value Networks*, Butterworth-Heinemann, USA. 2003.
133. Allen M. The Structure of interorganizational elite cooptation: interlocking corporate directorates. *American Sociological Review*, 1974. Vol. 39(3): 393-406.
134. Arturo di Cortino. *Free software as a Common //Networked Politics. Rethinking political organization in an age of movements and networks*. Berlin. June 2007.
135. Arquilla J., Ronfeldt D. In *Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age*. Santa Monica: RAND, 1997.
136. Arquilla J. and Ronfeldt D. *The Advent of Netwar*. Santa Monica, CA: RAND, 1996.
137. Atkinson, Simon & Moffat, James. *The Agile Organization. From Informal Networks to Complex Effects and Agility*. DoD, Washington, DC: CCRP, 2006.
138. Brass D. J., Burkhardt. M. E. Potential power and power use: An investigation of structure and behavior // *Academy of Management Journal*. 1993.
139. Borgatti Halgin. *On Network Theory //Organization Science*, 2011. 22(5)
140. Bomberg T., Peterson T. *Decision-Making in the European Union*. NY, 1999.
141. Behn R.D. *Government Performance and the Conundrum of Public Trust //Market-Based Governance /J.D. Donahue, J.S. Nyer Jr. (eds)*. Washington, DC: Brookings Institution, 2002.
142. Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. Yale University Press, 2006.
143. Bentham J. *Chrestomathia: Collected Works of Jeremy Bentham /M.J. Smith, W.H. Burston (eds)*. Oxford: Oxford University Press, 1984.
144. Bernstein H. Marvin, *Regulating Business By Independent Commission*, Princeton University Press, Princeton, 1955.
145. Berger T. Abel, C. H. Page, eds. *Freedom and Control in Modern Society*. Van Nostrand, New York, 1954.
146. Bobby Jindal, Jim Talent. *Rebuilding The American Defense Consensus*. Alexandria, America Next, 2014.
147. Borgatti S.P., Foster P.C. // *Journal of Management*, 2003. 29(6).
148. Brass D.J., Being in the right place. *Administrative Science Quarterly* 29, 1984.
149. Brass D. J., Burkhardt. M. E. Potential power and power use: An investigation of structure and behavior. *Academy of Management Journal*. 1993. 36, 441-470. 0; Sparrowe and Liden, 2005.
150. Burt R.S. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Harvard University Press, Cambridge, MA. 1992.
151. Burt R. S. Bridge decay. *Soc. Networks*. 2002. 24(4).
152. Burt R.S. Structural holes and good ideas. *American Journal of Sociology*. 2004. 110(2), 349-99.
153. Burt R.S. *Neighbor Networks: Competitive Advantage Local and Personal*. Oxford: Oxford University Press. 2010.
154. Burns T., Stalker G.M. *The Management of Innovation*, 1961.

155. Carens J.H. *Compromises in Politics //Compromise in Ethics, Law, and Politics*. New York, 1979.
156. Carroll W.K., Fox, J. and Ornstein, M.D. 'The network of directorate interlocks among the largest Canadian firms' //*Canadian Review of Sociology and Anthropology*, 1982.
157. Castells Manuel. *The Power of Identity*. 1997.
158. Cebrowski A., Garstka J. *Network-Centric Warfare: Its Origins and Future*. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.
159. Cheung K. S. K., Lee, F. S. L., Ip, R. K. F., & Wagner, C. "The Development of Successful On-line Communities", *International Journal of the Computer, the Internet and Management*, vol.13, no.1, 2005.
160. Colitti M. *Etica e politica di Baruch Spinoza*, Aliberti, 2010.
161. Considine M., Lewis J. *Networks and Interactivity: Making Sense of Front-line Governanse in the Unated Kingdom, the Netherlands and Australia //Journal of Eropcean Public Policy*, 2003. Vol. 10.
162. Gurcharan Das. *Local memoirs of a global manager //Harvard Business Review*. 1993. 71, no. 2.
163. Davis G. *Agents without principles? The spread of the poison pill through the intercorporate network*. *Administrative Science Quarterly*, 1991. Vol. 36(4): 583 - 613.
164. Davis A., Gardner, B., and Gardner, R. *Deep South*. Chicago: University of Chicago Press, 1941.
165. David Singh Grewal. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*, New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008.
166. David Singh Grewal. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*, New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008.
167. Dawson M. *Mandate of the Conflict of Interest and Ethics Commissioner and Post-Employment Rules*. Speaking Notes for a presentation to Oliphant Commission by the Conflict of Interest and Ethics Commissioner, 2009. June 17.
168. De Vulpian A. "Listening to Ordinary People", keynote address at the Society of Organizational Learning Conference, Vienna, September 2005.
169. Demchak C., Friis C., La Porte T. *Reflections on Configuring Public Agencies in Cyberspace: a Conceptual Investigation //Pubic Administration in the Information Age* ed. by I. Th. M. Snellen and W.B.H.J. van de Donk, IOS Press. - 1998. – pp. 230-232.
170. Djilas M. *The New Class*. L.: Allen and Unwin, 1957.
171. Donatella della Porta. *An example: The Movement for Global Justice.// Networked Politics. Rethinking political organization in an age of movements and networks*. Berlin. June 2007.
172. Dobel P. *Public Management as Ethics //The Oxford Handbook of Public Management /E. Ferlie, L.E. Lynn Jr., Ch. Pollitt (eds)*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
173. Dreher R. *Jumping Through The Overton Window //The American Conservative*, 2014. February 19. <http://www.theamericanconservative.com/dreher/jumping-through-the-overton-window/> (дата обращения: 21.01.2015).
174. Edes B.W. *The role of Government information officers J of Government Information*. - L., 2000. - Vol. 23, №4.
175. Elias N. *Uber den Prozess der Zivilisation*. Basel, 1939.
176. Emerson R. *Power-dependence relations //American Sociological Review* 1962. 27(1), 31-41.

177. Emerson, R. Exchange theory, part II: Exchange relations and network structures. In *Sociological Theories In Progress*, vol.2, edited by Berger J., Zelditch, M., Anderson, B. (Eds.), *Sociological Theories in Progress 2*, Houghton Mifflin, Boston, MA, 1972.
178. Ernest Beaglehole, *Property; a study in social psychology*. New York: Macmillan Co., 1932.
179. Fayol H. *Administration industrielle et générale*, Dunod. 1916; Fayol H. Numéro spécial de la revue *Entreprise et Histoire* n° 34, 2003.
180. Fedorchenko S.N. *Science Fiction as Particular Method for Predicting the Future of Human Civilization //Problems of Contemporary World Futurology*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011.
181. Foucault M. «Governmentality» //Burchell G., Gordon C., Miller P. *The Foucault Effect*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991.
182. Freeman L.C. *Centrality in social networks: Conceptual clarification*. *Soc. Networks*. 1979.
183. French J.R., Raven B. H., *The bases of social power*. In: Cartwright, D., Zander, A. (Eds.), *Group Dynamics*, Harper & Row, NY, 1968.
184. Friedrich R., Michael Peterson M., Koster A. *The Rise of Generation C. Implications for the world of 2020*. http://www.strategyand.pwc.com/media/file/Strategyand_Rise-of-Generation-C.pdf.
185. Gay O. *Comparing systems of ethics regulation //Saint-Martin D., Thompson F. Public ethics and governance: standards and practices in comparative perspective*. Emerald Group Publishing, 2006.
186. Godin S. (). *Spark: Whoppers, Ethical Marketing, and Leadership 2.0*. N. Young, Interviewer. CBC. 2009, January 21 http://podcast.cbc.ca/spark/spark_20080115_sethgodin.mp3
187. Gordon A.E., Ganesan K. *Automated Story Capture From Conversational Speech*, K-CAP'05, October 2–5, 2005, Banff, Canada.
188. Graham Brown, Thomas B. Lawrence, and Sandra L. Robinson, "Territoriality in Organizations." *Academy of Management Review*, no. 3, 2005.
189. Granovetter, M. S. *The strength of weak ties*. *Amer. J. Sociol.* 1973. 78(6) 1360–1380.
190. Goodman, Sara Wallace. Somerville, Will. *The Role of Networks in the Development of UK Migration Policy// Political Studies*, Volume 58, Issue 5, December 2010, pp. 951–970.
191. Harary F. *Graph Theory*. Reading, MA: Addison-Wesley. 1969.
192. Hafner-Burton E, Kahler M, Montgomery A. *Network analysis for international relations*. International Organization. 2009.
193. Hasan H. and Pfaff C.C. "Emergent Conversational Technologies that are Democratising Information Systems in Organisations: the case of the corporate Wiki", *Proceedings of the Information Systems Foundations (ISF): Theory, Representation and Reality Conference*, Australian National University, Canberra, 27-28 September 2006.
194. Hasan H., Warne L., Crawford K. *Emergent Collective Learning in Network-Centric Organisations*, Society for Organisational Learning Global Forum, Vienna, 2005.
195. Hasan H. & Pousti H. *SNA as an attractor in emergent networks of research groups*, CD *Proceedings of the 17th Australasian Conference of Information Systems (ACIS 2006)*, Adelaide, 6-8 December 2006.
196. Hasan H., Pousti H. *SNA as an Attractor in Emergent Networks of Research Groups*, 2006.
197. Heather M. Caruso. *Boundaries Need Not Be Barriers: Leading Collaboration among Groups in Decentralized Organizations*, Harvard University, 2007.

198. Heclo H. Issue Networks and the Executive Establishment //The New American Political System. Ed. by A. King. Washington, D.C., 1978.
199. Henry N. Public administration and public affairs. Pearson Prentice Hall, 2006.
200. Hock Dee. Birth of the Chaordic Age. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 1999.
201. Hood C. Public Management: The Word, the Movement, the Science //The Oxford Handbook of Public Management /E. Ferlie, L. E. Lynn Jr., Ch. Pollitt (eds). Oxford: Oxford University Press, 2007.
202. Howard Raiffa, John Richardson, and David Metcalfe, Negotiation Analysis. The Science and Art of Collaborative Decision-making. Cambridge MA: Harvard University Press, 2003.
203. Jason M. Smith, Daniel S. Halgin, Virginie Kidwell-Lopez, Giuseppe Labianca, Daniel J. Brass and Stephen P. Borgatti. Power in Politically Charged Networks, Links Center for Social Network Analysis, Department of Management, Gatton College of Business and Economics, University of Kentucky, Lexington, 2014.
204. Jon L. Pierce, Tatiana Kostova, and Kurt T. Dirks. The state of psychological ownership: Integrating and extending a century of research //Review of General Psychology 7, 2003.no. 1;
205. Jon L. Pierce, Tatiana Kostova, and Kurt T. Dirks, "Toward a theory of psychological ownership in organizations." Academy of Management Review. 2001. 26, no. 2.
206. Jones C., Hesterly W., Borgatti S. A General Theory of Network Governance: Exchange Conditions and Social Mechanisms // Academy of Management Review, 1997.
207. Jones C., Hesterly, W. S., & Borgatti, S. P. A general theory of network governance: Exchange conditions and social mechanisms. Academy of Management Review, 1997.
208. Johnson D. Computer Ethics. Third Edition Upper Saddle River. - NY.: Prentice-Hall, 2001.
209. Keck M.E. and Skinnink K. Activities Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics. Ithaka, NY and London, 1998.
210. Kilduff M. Serendipity vs. strategy: A tale of two theories. Presentation, Intra-Organizational Networks Conference, April 10, University of Kentucky, Lexington. 2010.
211. Kipnis D., Schmidt, S.M., Wilkinson, L., Intraorganizational influence tactics: explorations in getting one's way //Journal of Applied Psychology. 1980. 65, 440-452.
212. Koch R., Dixon J. Public governance and leadership: political and managerial problems in making public governance changes the driver for re-constituting leadership. Gabler Edition Wissenschaft. DUV, 2007.
213. Kooiman J. Modern Governance. New Government – Society Interactions. L.: Sage, 1993.
214. Korac-Kakabadse A. and Korac-Kakabadse N. Information Technology's Impact on the Quality of Democracy. Reinventing the 'Democratic Vessel', [in:] Heeks, R. ed. Reinventing Government in the Information Age. International Practice in IT-Enabled Public Sector Reform. Routledge. New York, 1999.
215. Kriesi H., Slike A., Jochum M. Comparative Analysys of Policy Networks in Western Europe //Journal of Eropean Public Policy, 2006. Vol. 13.
216. Labianca, G., Brass, D.J., Gray, B., Social networks and perceptions of intergroup conflict: the role of negative relationships and third parties //Academy of Management Journal. 1998.
217. Labianca G., Brass, D.J., Exploring the social ledger: Negative relationships and negative asymmetry in social networks in organizations //Academy of Management Review. 2006. 31, 596-614.

218. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford UP, 2005.
219. Latour B. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Milton Keynes: Open University Press, 1987.
220. Lash S. "Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation?", *Theory, Culture, and Society*, 2007.
221. Lazarsfeld P., R. K. Merton. *Friendship as a social process: A substantive and methodological analysis*. M. 1954.
222. Leidner D. & Jarvenpaa S. The use of information technology to enhance management school education: A theoretical view // *MIS Quarterly*, 1995. Vol.19, No.3, pp.265-291.
223. Lesser E. L., Storck J. *Communities of practice and organizational performance*. IBM SYSTEMS JOURNAL, VOL 40, NO 4, 2001.
224. Law J., Hassard J.(eds). *Actor Network Theory and After*. Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review, 1999.
225. Maner W. *Starter Kit in Computer Ethics*. Hyde Park. - NY.: Helvetia Press and the National Information and Resource Center for Teaching Philosophy, 1980.
226. Mann S., *Chaos Theory and Strategic Thought*, 1992.
227. Maoz Z., *Pacifism and fightaholism in international politics: A structural history of national and dyadic conflict, 1816-1992*. // *International Studies Review* 6(2), 107-133; Tita and Radil, 2011.
228. Maoz Z. *Network polarization, network interdependence, and international conflict, 1816-2002* // *Journal of Peace Research* 2006.
229. Maoz Z., Terris L., Kuperman, R., Max H. Bazerman and Jeanne M. Brett. "El-Tek Simulation." *Dispute Resolution Research Center*, Northwestern University, 1988.
230. Max H. Bazerman. "Negotiator judgment: A critical look at the rationality assumption." *American Behavioral Scientist*, 1983.
231. Max H. Bazerman and Katie Shonk. "The Decision Perspective to Negotiation," in *Handbook of Dispute Resolution*, eds. R. Bordone and M. Moffitt, San Francisco: Jossey Bass Publishers, 2005.
232. McClurg, S.D., Young, J.K, *A relational political science* // *Political Science and Politics*, 2011.
233. Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958.
234. Michael G. Pratt and Jane E. Dutton, "Owning up or opting out: The role of emotions and identities in issue ownership." in *Emotions in the workplace: Research, theory, and practice.*, eds. Neal M. Ashkanasy, Charmine E. Härtel, and Wilfred J. Zerbe (Westport, CT: Quorum Books/Greenwood Publishing Group, 2000.
235. Milakovich M.E., Gordon G.G. *Public Administration in America*. Cengage Learning, 2008.
236. Miller J. and Stuart R. *Network-Centric Thinking: The Internet's Challenge to Ego-Centric*, 2004.
237. Milward H.B., Provan K.G. *Measuring Network Structure* // *Public Administration*, 1998. Vol. 76.
238. Mitchell W. J. *City of Bits*, MIT Press, 1997.
239. Moore, James F. *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*, Harper Business, 1996.
240. Mueller Milton. *Networks and States: The Global Politics of Internet Governance*, 2010.

241. Murnighan, J., Brass, D. Intraorganizational coalitions. In Bazerman, M., R. Lewicki, B. Sheppard (Eds.) *The Handbook of Negotiation Research*. Greenwich, CT: JAI Press., 1991.
242. Muzafer Sherif, O. J. Harvey, B. Jack White, William R. Hood, and Carolyn W. Sherif, *Intergroup conflict and cooperation; the Robbers Cave experiment*. Norman, OK: University Book Exchange, 1961.
243. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital and the Organizational Advantage // *Academy of Management Review*. 1998. 23, No. 2.
244. OECD. *Promise and Problems of E-Democracy // Challenges of Online Citizen Engagement*. Paris: OECD, 2003.
245. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. M.A.: Addison-Wesley, 1992.
246. Oscar Motomura. *Chaordic Organizations*. Cm. <http://oscarmotomura.com/en/default.htm>
247. Patrick Kenis and Volker Schneider. *Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // Policy Network: Empirical Evidence and Theoretical Considerations / Marin Bernd and Renate Mayntz (eds.)*. Frankfurt aM: Campus Verlag, 1991.
248. Peter Waterman. *A New Social Unionism, Internationalism Communication and Culture - in a Nutshell. // Networked Politics. Rethinking political organization in an age of movements and networks*. Berlin. June 2007.
249. Peters B.G. *The Politics of Bureaucracy*. 4th ed. N.Y.: Longman, 1995.
250. Pfeffer J. *Power in Organizations*. Marshfield, MA: Pitman. 1981.
251. Pollitt C., Bouckaert G. *Public Management Reform: A Comparative Analysis – New Public Management, Governance, and the Neo-Weberian State /3rd. ed*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
252. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, 1993.
253. Rawls J. *Political Liberalism*. New York, 1996.
254. Rhodes R.A.W. *Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity, and Accountability*. Buckingham, 1997.
255. Robert A. LeVine and Donald T. Campbell, *Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes, and group behavior*. New York: John Wiley & Sons, 1972.
256. Rosenau J. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990.
257. Rosenau J. *Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003.
258. Rosenau J. *The Study of World Politics: Theoretical and methodological challenges*. Vol. 1. Abingdon: Routledge, 2006.
259. Roethlisberger F. and Dickson W. *Management and the worker*. Cambridge: Cambridge University Press. 1939.
260. Russel N.J. *An Introduction to the Overton Window of Political Possibilities // Students for a Free Economy Clarkson Colloquium «Marketing Freedom in the Age of the iPod»* <http://www.theihs.org/academic/PDFs/SFE%20Clarkson%20Colloquium%20Readings.pdf> (дата обращения: 12.01.2015).
261. Scharpf, Fritz W. “Economic Integration, Democracy and the Welfare State.” *Journal of European Public Policy*, 1997.
262. Shirky C. *Gin, Television, and Social Surplus*. April 2008 <http://www.shirky.com/herecomeseverybody/2008/04/looking-for-the-mouse.html>

263. Siau K. & Long Y. Synthesizing e-government stage models - a meta-synthesis based on meta-ethnography approach //Industrial Management + Data Systems, 2005. Vol. 105. №3/4.
264. Slaughter A.-M. A New World Order: Government Networks and the Disaggregated State. Princeton University Press, 2004.
265. Siegle J. Social Networks and Democratic Transitions// Developing Alternatives. Fall 2008. p. 40.
266. Siegel J., Contingent political capital and international alliances: Evidence from South Korea //Administrative Science Quarterly. 2007. 52, 621-666.
267. Steimel G. The Truth about the Mackinac Center. MEA Research, 2011. April 11. P. 3-16.
268. Szalek B.Zb. Some Praxiological Reflections on the So-Called 'Overton Window of Political Possibilities', 'Framing' and Related Problems //Reality of Politics. Estimates - Comments – Forecasts, 2013. №4.
269. Talmud I., Network centrality and international conflict: Does it pay to be important? In Thomas N. Friemel (Ed.). Applications of Social Networks Analysis. Konstanz (Germany): Universitat Verlag Konstanz, 2007.pp. 121-151.
270. The Max Weber dictionary: key words and central concepts. Stanford University Press, 2005.
271. Urch Druskut V., Wheeler J. How to Lead Self-Managing Team. MIT Sloan Management Review. Summer, 2004. P.65-71.
272. Vandekerckhove W. Whistleblowing and organizational social responsibility: a global assessment. Ashgate Publishing, 2006.
273. Vigoda E. Performance and Democracy in Public Sector: Exploring Some Missing Links in the Study of Administration and Society //International Journal of Public Administration, 2003. Vol. 26.
274. Vygotsky L. "Mind in Society", Cambridge, MA: Harvard University Pres.1978.
275. Warne L. Ali I. and Hasan H. The Network Centric Environment viewed through the Lens of Activity Theory, in G. Whymark and H. Hasan (eds) Activity as the Focus of Information Systems Research, Knowledge Creation Press, UCQ, 2005.
276. Willard T. Social Networking and Governance for Sustainable Development, International Institute for Sustainable Development, March 2009.
277. Willer D., Walker, H., Markovsky, B., Willer, R., Lovaglia, R.J., Thye, S., Simpson, B., Network exchange theory. In Berger, J. and Zelditch, M. Jr. (Eds.) New Directions in Sociological Theory: The Growth of Contemporary Theories. NY: Rowen and Littlefield, 2002.
278. Willerton J.P. Patronage and Politics in the USSR. Cambridge, New York, Sydney: Cambridge University Press, 1992.
279. Wilson W. The Study of Administration //Political Science Quarterly, 1941. Vol. 56.
280. Wittfogel K. Oriental Despotism. New Yaven: Yale University Press, 1963.

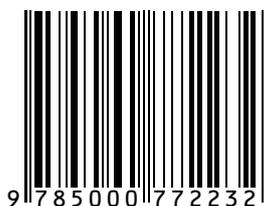
Л.В. Савин
С.Н. Федорченко
О.К. Шварц

**Сетецентрические методы
в государственном
управлении**

Подписано в печать 26.03.2015 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Заказ № 52539.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист».
129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 6.
www.onebook.ru

ISBN 978-5-00077-223-2

9 785000 772232